

Международная конференция «Россия – Украина – Белоруссия: пути интеграции»

МЕЖДУНАРОДНАЯ
 ЖИЗНЬ

WWW.INTERAFFAIRS.RU

октябрь 2011 года

Международная конференция «Россия-Украина-Белоруссия: пути интеграции»

18-21 октября 2011 года

Сессия 1. «Архитектура интеграционных процессов на пост-советском пространстве – Россия-Украина-Белоруссия»

Модератор – Оганесян А.Г.

**Оганесян
Армен Гарникович**

**Соколенко Владимир
Григорьевич**

главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел России:

Мы начинаем работу первой сессии конференции. Ее тема - Архитектура интеграционных процессов на постсоветском пространстве – Россия-Украина-Белоруссия. Я хочу предоставить слово заместителю директора Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ Соколенко Владимиру Григорьевичу.

заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ (Россия):

Уважаемые коллеги, дамы и господа! В рамках заявленной мною темы «О некоторых научно-политологических аспектах современной интеграции» хотел бы высказать несколько соображений, которые мне представляются наиболее важными и интересными. И через них попытаться отразить взгляд из Москвы на новейшие, наблюдаемые в самое последнее время тенденции в международной политике и в международных отношениях. Первая из проблем – соотношение идентификации и культурной идентичности. Современная интеграция есть не просто

торгово-экономическое сотрудничество, которое сближает народы, а прежде всего – это несущая конструкция глобализации, которая определяет современную эпоху и затрагивает сами основы организации и управления современной двухтысячелетней цивилизации, в основе которой лежит мировой процесс концентрации капитала – деньги.

Очевидно, что глобализация несет тенденции стандартизации и унификации жизни мирового сообщества. Что происходит на этом фоне с культурной идентичностью? По мере развития тенденции униформизма национальная культурная идентичность все больше приобретает маргинальную форму, начинает растворяться и незаметно, но неуклонно, подвергаться забвению, происходит иллюминация патриотизма и укорененности национальной культуры, и незаметно происходит переструктурирование социальной и исторической памяти. Идет переписывание истории некоторыми государствами, переосмысление и переобозначения их места в современном геополитическом пространстве. Болезненность таких шагов характерна не только для отдельно взятой страны, но для всего международного сообщества в целом. Особенно в плане их непредсказуемости. Такие результаты интеграции всеобщего интегрирования, естественно, вызывают определенную настороженность, сомнения и вопросы.

Второй тезис – об особенностях унификации определенных сфер жизни международного сообщества. В результате господствующего в современных СМИ зауженного взгляда на процесс глобализации упускается из виду тот фундаментальный факт – кстати, отмеченной отечественной российской наукой (имею в виду определенные наработки Института философии РАН: в современном мире мы имеем две разнонаправленные тенденции интеграции в развитии глобализационной интеграции. В том, что касается материальной, технологической, экономической и даже политической сферы, наблюдается выход на

единые стандарты и ориентиры. То есть техногенная сфера стандартизуема и унифицируема.

В том же, что касается культурной и духовной сфер, идут противоположные процессы. Нарастают тенденции отторжения культурных стереотипов и стандартов, неприятия чужого. Практика показывает, что культурные ценности, духовно-душевный строй народа того или иного государства не могут быть стандартизированы, так как стандартизирована техносфера. В сфере работы государственных и гражданских механизмов унификация возможна и выражена уже в реально существующих сегодня гражданах мира. Поэтому вопрос: способно ли человечество выработать единый этнос, выражающий мегакультурный синтез, остаётся открытым. Современная наука, во всяком случае, на данном этапе, отвечает на этот вопрос отрицательно и обозначает большие сомнения в отношении возможного продуктивного синтеза глобализации в этой сфере. В чем видится выход из этого антагонизма между двумя этими тенденциями?

Что предлагает господствующая в осмыслении современных интеграционных процессов либеральная школа для преодоления такой порожденной глобализацией раздвоенности? Сегодня в России осуществляется переход от практики патернализма и протекционизма государства, к которой мы так привыкли при советской власти, к идее социального партнерства. Что это значит? Для культурной идентичности личности и культурного самосознания в целом – это означает, что источник этой культурной идентичности перемещается от государства к самим гражданам. То есть в новых условиях глобализации сама идентификация определяется самими гражданами, и прочность ее зависит, прежде всего, от них, от их активности и ответственности. Культурная идентификация становится, таким образом, частным делом каждого человека и гражданина. Современный либерализм такую схему же выдвигает и к религии. Либеральная доктрина секуляризма, основан-

ная на концепции прав человека, выводит религию из общественной сферы жизни и объявляет ее частным делом отдельного человека. Это вызывает недовольство и протест церковной верхушки, в том числе и православной, и таким образом естественно отторгает большую армию христиан от либеральных ценностей. Глядя на современный либерализм, а это определенная проблема, тем более усугубляющаяся тем, что он переживает, - как отмечают сами либералы, - кризис доктринальных основ. Кстати говоря, этой проблеме была посвящена специальная лекция, которую организовывал Армен Гарникович в МИД России в рамках «Золотой коллекции» журнала «Международная жизнь» – лекция митрополита Волоколамского Иллариона, который занял место митрополита Кирилла, избранного патриархом. Тогда, я помню, состоялся интересный, глубокий разговор. Эта проблема сегодня реально проявляется в международной политике.

Сейчас Запад стремится довольно жестко внедрить в исламских государствах такую модель развития, которая бы позволила оттянуть эти государства от исламского мира и привязать к Западу, используя отработанные технологии – смены политических режимов в этих государствах, в частности, в Египте, Тунисе, Ливии. При том что эти смены режимов проходят по аналогии с путем, которым прошли в 1990 годы страны Центральной и Восточной Европы, и по аналогии с цветными революциями, которые прошли в некоторых государствах СНГ. Но уже на этом этапе становится очевидным для всех, что нельзя весь мир сделать Западом. Научно доказано и давно, что построение униформного мира – задача нереальная. Мондиализм, основанный на одних каких-либо ценностях, даже либерально-демократических, - утопия. Ни Россия, ни Китай, ни многие другие современные государства не признают либерально-демократические ценности глобально универсальными. Мы, Россия, записали в Концепции внешней политики, которая была

утверждена Президентом РФ Дмитрием Медведевым в июле 2008 года, что наше государство выступает за полицентризм в мировой культуре, и считает это основой политической многополярности, основой ооно-центричного, а не американо-центричного миропорядка. В теории Хантингтона имеется тезис о том, что, несмотря на развитие унификационных процессов, порождаемых глобализацией, все же неизбежно распределение народов по своим цивилизационным блокам. И сегодняшняя практика международной политики подтверждает этот тезис. В частности, могу сослаться на результаты недавно закончившейся общеполитической дискуссии на последней 66-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эта сессия, может быть, впервые в реалиях глобализации продемонстрировала ностальгию со стороны ряда государств по своим цивилизационным ломам, в которых они видят для себя больше перспектив развития, чем в составе мультицивилизационного, но монокультурного и ценностно униформного Запада. Например, Турция выступила не как солидарный член западного сообщества, а с позиции крупной исламской державы, взгляд которой был устремлен в амбиции лидерства в исламской мире. С такой позицией Турции созвучна и позиция Китая, который неоднократно демонстрировал свою готовность защищать свои культурно-цивилизационные ценности. Мы наблюдаем сегодня и за разворотом Японии к своим азиатским корням. Нельзя при этом оставлять незамеченным потрескивание самой прочной политической конструкции – евроатлантизма, спаенная интересами глобального капитала. Великобритания вдруг начала проявлять озабоченность по поводу своей еврокультурной идентичности, не говоря уже о Германии и Франции, которые давно испытывают дискомфорт от перекоса их еврокультурной идентичности в сторону атлантизма.

В завершении я хотел несколько слов о нас, о нашей цивилизации, которую Хантингтон определил как славянско-православную, и это

название представляется наиболее корректным, несмотря на то, что существует очень много определений – то восточно-славянская, то просто православная и т.д. Из 8 существующих ныне цивилизаций она имеет наиболее слабую внутреннюю связь. На данном этапе характеризуется, что очевидно для всех, политической разобщенностью. Сегодня славянско-православная цивилизация мало употребляется в лексиконе современной политологии и не является субъектом мировой политики, а выступает лишь этнокультурологической категорией для обозначения некоего геополитического пространства. Стержневое государство этой цивилизации – Россия – так же, как Украина и Белоруссия, самостоятельно выстраивает свою стратегию интегрирования в цивилизованный мир. Показательно при этом, что, несмотря на различные возможности влияния и активности политики этих государств на западном направлении, особыми успехами пока похвастаться не может. Пропускная способность ворот Восточного партнерства и Вышеградской четверки в европейский рай не велика. Общий итог для всех – одинаковый. За 20 лет ни одно из этих государств не стало полноправным членом западного сообщества. С учетом начала разворота другими странами своих интеграционных векторов извне вовнутрь своих цивилизационных пространств, может быть, имеет смысл и нам посмотреть на себя с этих позиций.

Оганесян А.Г.: Спасибо большое за интересный доклад. Владимир Григорьевич охватил все аспекты и, по-моему, очень верно тот факт, что собственно политика не отделима сейчас от цивилизационных моментов. Это был один из тезисов, который звучал в Белграде на конференции, посвященной отношениям новых членов так называемой «Молодой Европы» к присоединению в Евросоюз. Одна сессия была на тему «Россия и Европа: партнеры или соперники». Там прозвучала мысль, что вопрос об идентичности как таковой уже не является частью культуры, он является

частью понятия безопасности. Поскольку этот «бродильный чан» в поисках идентичности приводит, на самом деле, к ослаблению иммунитета тех стран, которые озабочены своим дальнейшим развитием и влияет непосредственно на ощущение безопасности этих стран и, конечно, их соседей. Особенно это чувствуется на Балканах, претензии косоваров на сербскую территорию, и Болгария со своими геополитическими проблемами, если можно говорить о геополитике в контексте этой страны. Болгария тоже предъявляет свои претензии, которые вытекают из их проснувшейся потребности определить свою идентификацию. Она их возвращает к прошлому, прошлое диктует претензии к настоящему и т.д., поэтому это все увязано напрямую с политикой. Я хотел бы вам показать книгу – издание замечательно тем, что хорошо характеризует эти метания в Европе. Издана книга Кембриджским университетом – сборник авторов из разных стран – посвящена проблемам европейской идентификации во всех аспектах: и так называемой Новой Европы, что и как с ней делать, и как ее идентифицировать, и как ее растворять и надо ли ее растворять внутри Старой, взаимные претензии и обиды. Эта книга, на мой взгляд, с интересным историческим экскурсом – одна из немногих честных о Европейском Союзе, которая показывает, что вопросы идентификации, экономические и другие внутри этих стран – все это большая проблема. Авторы хотят сказать, что это – большая-большая дорога. История покажет, дорога это или проблема, которая может и разобщить Союз, и мы сегодня это наблюдаем. Во всяком случае, те аспекты, которые затронул Владимир Григорьевич, настолько важные и общие. Что, конечно, они найдут отражение и в ваших выступлениях, докладах.

А теперь я предоставляю слово следующему докладчику.

Гузенкова Тамара Семеновна

ведущий научный сотрудник Российского Института стратегических исследований, доктор исторических наук, руководитель Центра исследований проблем Ближнего зарубежья (Россия):

Уважаемые коллеги! Тема моего доклада «Украина и Белоруссия: сравнительный анализ интеграционных моделей. Мой доклад мог бы состоять из одного предложения, которое исчерпывал бы все главное содержание темы, заявленной мной. Предложение это заключается в том, что в настоящее время и у Белоруссии, и у Украины сложились модели интеграционного поведения, которые характеризуются четкими позициями. Для Украины характерна такая интеграционная модель, которая демонстрирует ее желание максимально сблизиться и интегрироваться с Европейским союзом, сближение с Россией носит временный и конъюнктурный характер. Интеграционная модель Белоруссии носит прямо противоположный характер. Белоруссия демонстрирует желание и потребность максимально сблизиться с Россией и через Россию со странами СНГ, с Евросоюзом демонстрирует временное и конъюнктурное сближение. Но и в том, и в другом случае и Украина, и Белоруссия на протяжении уже десяти, а то и 15

лет, стремится диверсифицировать свое политическое и экономическое пространство и пытается определить самостоятельную политику, которая отличало ее и от восточного, и от западного вектора. Когда я пыталась анализировать эти вопросы под этим ракурсом, я поставила перед собой такую проблему: что собой представляет Белоруссия и Украина как элементы интеграционного процесса в постсоветском пространстве и кто кому более ценен – Белоруссия или Украина? Кстати говоря, когда изучаешь этот вопрос на цифрах, на статистике в исторической, этапной динамике, оказывается, что на этот вопрос не так-то просто ответить. Украина, с точки зрения интеграции, является как будто более ценным субъектом, потому что я не говорю уже о ее территории, не говорю о численности населения, которое превышает практически в пять раз, о вкладе и размерах ВВП. В данном случае Белоруссия представляет собой малую экономику. Но вот когда начинаешь изучать проблему темпов экономического роста, динамики этого роста, вклады Белоруссии в торгово-экономические и просто экономические отношения с Россией и в рамках СНГ, оказывается, что Белоруссия по многим позициям является более динамичным, более эффективным и быстро развивающимся субъектом в экономических отношениях. В смысле интеграции можно выделить три периода. Сегодня мы можем говорить, по крайней мере, о трех интеграционных этапах на постсоветском пространстве. Первый – это 90-е годы вплоть до конца 90-х годов. Этот период, скорее всего, можно охарактеризовать как интеграция на остатках советского наследия, когда целая группа интеграционных документов была в значительной степени составлена по принципу и подобию Советского Союза, и она в гораздо большей степени декларировала интеграцию, чем являлась таковой. Второй период можно продлить до середины 2000-х годов. Мне кажется, что это был трагический и очень динамичный период, когда все страны СНГ превращались

из «вещи в себе» в «вещь для себя», у них определялась их геополитическая идентичность, они активно формулировали свои национальные интересы. В этот период, по сути дела, и стали более или менее однозначно определяться геополитические тренды Белоруссии и Украины. В этом смысле ко второй половине 2000-х годов произошла существенная переструктуризация геополитических ориентаций экономической деятельности этих государств. В частности, именно в этот период стало понятно, что Украина пыталась претендовать на альтернативный центр СНГ. Надо сказать, что эта роль Украине не удалась. Все альтернативные объединения оказались не эффективными и в настоящее время некоторые из них существуют номинально, а некоторые из них и умерли, например, о Содружестве демократического выбора сейчас я не слышу уже ничего. Второй этап был очень трагичен по тому накалу страстей, когда начались первые энергетические войны, которые плавно перешли и во вторую половину 2000-х годов. И, наконец, третий этап – вторая половина 2000-х годов по наши дни. Этот период свидетельствует, что у нас уже более или менее определились экономические типы режимов в постсоветских государствах, сформировались политические режимы. В настоящее время можно говорить о существовании такого более или менее понятного системе нового регионализма, в рамках которого каждое государство определяет или пытается определить свою роль. Роль России в определении своей собственной позиции оказывается очень важной, потому что каждый раз, когда каждое государство претендует на новую роль в геополитическом пространстве, мнение России очень важно, а иногда и решающее. Из статических данных, Белоруссия - хотя отношение к белорусской статистике очень настороженное – очень динамично развивалась за эти 20 постсоветских лет и добилась более значимых экономических успехов, чем Украина. Если вы увидите участие Украины в международных организациях, то это, как пра-

вило, западноевропейские и евроатлантические организации. И очень мало организаций, связанных с постсоветским пространством и с Россией. Кстати говоря, до настоящего времени, насколько я знаю, Украину нельзя назвать в полном смысле этого слова полноправным членом СНГ, потому что является страной-учредителем, она входила туда с очень большими оговорками и Устав она не подписала.

СНГ и матрешечные интеграционные различные объединения внутри СНГ являются, безусловно, приоритетом для Белоруссии. Место Украины и Белоруссии, с одной стороны, близко по отношению друг к другу, а с другой – Белоруссия имеет более высокие показатели. Те стереотипы восприятия белорусской экономики и белорусского политического социума, которые сформировались в таком международном восприятии, являются обидными и несправедливыми, чем те объективные показатели, которые говорят о том, что Белоруссия была достаточно динамично развивающимся социально-экономическим организмом.

Прирост ВВП. Здесь важно иметь в виду, что все данные, на которые я ссылаюсь, до 2010 года включительно. Белоруссия сейчас переживает очень непростой период. Я бы не стала связывать тот экономический обвал, который демонстрирует только и исключительно Белоруссия с неудачной президентской кампанией и субъективными ошибками президента в ходе этой кампании. Те неприятности, которые сейчас имеет Белоруссия, по сути дела, отложенный кризис, который некоторые страны пережили значительно раньше. Белоруссия благодаря очень жесткой централизованной и, по сути дела, корпоративно-государственной системе удерживалась на краю этой пропасти. Она оборвалась попозже, чем другие государства. И, наверное, сейчас Белоруссия стоит перед новым выбором в смысле интеграции и, насколько мы знаем, в программной речи, с которой выступил президент Белоруссии,

сделан выбор в пользу России. Это не значит, что других конъюнктурных колебаний сделано не будет. Тем не менее интеграционные интенции Украины и Белоруссии также демонстрируют противоположные векторы. Обратите внимание, что когда у Украины возникают определенные трудности, она интенсифицирует свои переговоры с Европейским союзом. Подписание соглашения об Ассоциации является для Украины буквально национальной идеей, ради которой она готова на очень большие жертвы. А у Белоруссии, когда у нее возникают большие трудности, она начинает клясться в любви к России и углублении интеграционных отношений в рамках СНГ. Очень важной в этом смысле является политика России. Конечно, есть много таких моментов, которые еще надо серьезно обсуждать и рассуждать, правильные ли мы выбираем приоритеты и так ли эффективно мы пытаемся реализовать свои геополитические и экономические интересы на постсоветском пространстве. Россия с самого начала претендовала на интеграционное ядро, но если сравнить вклад ВВП и, вообще, экономический вклад России на просторах СНГ, то оказывается, что Россия есть, действительно, ядро, магнит, к которому притягивается все остальное. Вместе с тем это является и нашим наказанием, кошмарным сном, который в существенной степени затрудняет отношения на постсоветском пространстве. Какие-то вещи происходят, потому что они объективны, а какие-то вещи происходят, потому что мы своей позицией их усугубляем. Кстати говоря, наш Институт, в частности, и наш отдел, который я возглавляю, подготовили довольно большую аналитику и у нас будет публикация в журнале на тему «Глобализация по-китайски или Китай на постсоветском пространстве». Отношение Китая к каждой из стран постсоветского периода до какой-то степени демонстрирует еще одну модель: если не интеграция, потому что Китай стережется интеграций и не любит их, то, по крайней мере, присутствие экономического, я бы даже ска-

зала, цивилизационного фактора приветствуется. Что в этой связи препятствует успешной истории нашей интеграции и привлечению постсоветских государств на нашу сторону? Прежде всего, это какая-то фатальная ориентация на крупные экономические проекты, которые оставляют за бортом малые экономики: большинство стран СНГ таковыми и являются.

Еще очень серьезной проблемой является наше постоянное стремление ориентироваться исключительно на власть. Какой бы власть ни была, вне поля зрения у нас остается не только гражданское общество, которое находится лишь в начальной стадии образования, но и региональной элиты, которая оказывается не у дел, часто сильно разочарованной. Еще одна серьезная вещь – она вытекает из первой (ориентация на крупные проекты) – это пренебрежение малым бизнесом. У нас самих малый бизнес дышит на ладан, а постсоветские экономики (малые страны) в основном состоят из малого бизнеса, который оказывается совершенно не интересен России, и они вступают в какие-то межгосударственные объединения, в том числе и с Белоруссией. Кстати говоря, во многих отношениях Белоруссия становится той самой подушкой безопасности, которая подбирает экономические проекты и тот малый бизнес, который просто не в состоянии пробиться в Москву.

Российский президент выступил с программной статьей о Евразийском союзе. Я ни коим образом не подвергаю сомнению перспективность этой идеи. Но, мне кажется, мы все находимся в своего рода ментальном кризисе, который связан с тем, что мы с легкостью переходим от одной формы интеграции к другой, не добившись успеха в предыдущем варианте. В этом смысле хотела обратить внимание на наш союз с Белоруссией, который мы, скорее всего, в нашем сознании не воспринимаем как успешное интеграционное объединение, хотя если посмотреть на его работу внутри, может быть, окажется, что это да-

леко не так. Сейчас, когда белорусское правительство старается усилить свои интеграционные намерения в рамках СНГ, мне кажется, что пора вернуться к идее оздоровления российско-белорусских отношений в рамках Союзного государства, а тихую, незаметную экономическую жизнь в рамках этого объединения все-таки конвертировать в более заметные политические достижения, связанные с формированием и межгосударственных, и национальных, наднациональных структур, формированием общей валюты.

Оганесян А.Г.: Следующий доклад посвящен такой теме: Вопросы рисков, кооплиментарности, совместных возможностей развития внутреннего рынка и согласованных действий на внешних рынках.

Гаврилечко Юрий Владимирович

эксперт Общественной организации «Фонд общественной безопасности», редактор интернет-издания hvylya.org (Украина):

За 20 лет, прошедших со времен распада СССР, его республики ставшие независимыми государствами, за редким исключением, так и не нашли себе места в новом мировом порядке. Они так и остались в глазах «демократических» соседей – странами второго сорта

(читай – четвертого мира). При этом после первой эйфории от исчезновения «Империи Зла» – в умах западного обывателя Россия прочно заняла это, до недавнего времени, вакантное место.

Украину Запад давно и основательно рассматривает в контексте буферной зоны между Европой и Россией. В последние годы, начиная с победы «помаранчевой революции», еще и как козырную карту в игре против России. Поражение на выборах в 2010 году помаранчевой команды и приход к власти «бело-голубой» ничего не изменило в этом раскладе. Попытавшись проводить «многовекторную» внешнюю политику, но, не обладая ни способностями достаточными для этого, ни ресурсами в виде кадровых дипломатов, на сегодня украинский МИД – это синекюра. Если профессионалы там еще и остались, то они хорошо законспирированы. Янукович попал в ситуацию, когда и США, и ЕС используют его в игре против России даже против его воли. А абсолютно бездарная политика его «помощников», приведшая к скандальному приговору Тимошенко, и вовсе показала полную несостоятельность нынешней команды адекватно реагировать на внешние вызовы. Беларусь Запад долгое время не воспринимал в качестве самостоятельного субъекта, а строил свои отношения с ней исключительно как с анклавом России. В последнее же время западные СМИ активно взялись за кампанию демонизации Лукашенко. Следует признать, что он сам дает тому немало поводов. Однако демонстративное пренебрежение интересами белорусской стороны на саммите Восточного партнерства и активная поддержка Януковичем подобных действий Брюсселя по отношению к Беларуси никаких политических дивидендов Украине не принесла. А вот ухудшение отношений с белорусской стороной вызвала, что еще раз показывает абсолютную неспособность украинской власти добиваться каких-либо политических преимуществ, зато во всем демонстрирует ее особенность ухудшать отношения с потенциальными союзни-

ками, не получая при этом никаких выгод от третьих сторон.

Отсутствие скоординированной внешней политики как в рамках СНГ, так и в рамках ОДКБ приводит к тому, что потери каждой из сторон усугубляются еще и увеличением внутренних противоречий между нашими странами, искусственно создаваемых ведущими мировыми акторами.

Одна из основных причин кризиса во взаимодействии между нашими странами лежит вне плоскости экономики, геополитики или каких-либо еще рациональных факторов. Она находится в области существования целей и смыслов. За время, прошедшее после распада СССР, элиты ни России, ни Украины, ни Белоруссии так и не сформулировали четкой и понятной цели существования даже своих государств, не говоря уже об общей цели. Именно это мешает нормальному развитию государств и препятствует любым интеграционным процессам: элиты этих государств просто не понимают, зачем нужна интеграция и что она им даст, при этом видят, что все свои повседневные проблемы можно решить и без интеграции. Тогда ради чего что-то менять?

При отсутствии цели существования главным врагом самой государственности в Украине и России является ее властная элита, имеющая свои интересы вне государства и размещающая собственные капиталы за его пределами. Такая ситуация приводит к тому, что граждане ощущают: государство само по себе является врагом собственного народа, так как не гарантирует ни безопасности, ни развития, ни даже выживания, что стало особенно четко видно во время нынешнего кризиса. Именно поэтому никакого строительства государства нет и быть не может. Ведь практика и стратегия выживания простых граждан говорит о том, что от государства нужно держаться подальше. Подальше – это либо не строить его, т.е. пассивное сопротивление, либо бежать из него куда подальше, в другое пространство, которое сможет обеспечить потребности хотя

бы первых двух уровней, согласно пирамиде Маслоу.

Нынешняя элита не может и никогда не сможет сформулировать никаких смыслов для существования государства. Потому что для этого у элиты нет свободных умов – тех, которые будут направлены на формирование таких смыслов. Это не значит, что элита состоит из сплошных дураков – просто пока наполнение желудка, приобретение золотых унитадов, яхт, вертолетов и прочих материальных ценностей, а также обеспечение собственной безопасности, занимает все свободные умственные ресурсы.

В Белоруссии ситуация несколько иная: Лукашенко не сумел четко сформулировать смысл существования страны на будущее и не подготовил себе замену ни в виде личности, разделяющей его взгляды на госполитику, ни в виде системы, способной обеспечить хотя бы стабильное существование страны на нынешнем уровне жизни в ближайшее время (к примеру, на поколение вперед). Вместо этого, Лукашенко замкнул все рычаги управления страной на себя и при первых же видимых проявлениях кризиса начал с попыток купировать их, а не искать решение. Потому как на поиск решения нет свободных ресурсов – все они заняты купированием проявлений недовольства кризисом.

Так что основными внутренними вызовами для России и Украины является неспособность компрадорских элит адекватно реагировать на вызовы, а для Белоруссии – заикленность системы управления на одной личности. Все это происходит на фоне постоянно снижающейся эффективности государства как собственника, что в свою очередь уменьшает количество степеней свободы у него и возможностей использовать ресурсы. Да и сами ресурсы истощаются.

Ко всему прочему, под видом приватизации госсобственности идет (а в Украине и России – подходит к концу) банальное воровство ресурсов и их утилизация новыми собственниками в силу различных причин – от

банальной тупости до опасений реприватизации.

Никто уже не спорит с тем, что государство – не самый эффективный менеджер. Но при этом почему-то упускается из виду тот факт, что государство может и должно быть эффективным собственником. На данный момент в мире не известно ни единого примера, когда бы в производственной сфере собственник был эффективным менеджером (такие примеры есть в финансовом секторе, в IT секторе, но нет в промышленности). Тем не менее это ничуть не мешает «владельцам заводов, газет, пароходов» нанимать на работу эффективных менеджеров. Никто при этом даже не задумывается над таким беспредельно глупым актом, как передача своей собственности менеджеру. Менеджер работает за зарплату, опционы, «золотые парашюты», за возможность участвовать посредством акций в получении прибыли от собственности, которой он управляет – и не более. Государство вместо приватизации должно поступать точно также – нанимать на работу эффективных менеджеров. В мире – полно современных Ли Якокк. И этим надо пользоваться. Конечно, это возможно только в том случае, если стоит задача эффективного использования ресурса на благо граждан страны.

Очень часто, когда речь заходит о каких-то совместных проектах с участием России, Украины и Белоруссии, используется понятие «интеграция». По моему мнению, оно категорически лишнее – как мешающее как адекватному пониманию происходящего, так и несущее излишнюю политическую и культуральную нагрузку.

Вместо интеграции рациональнее было бы использовать понятие «кооперация», которое априори предполагает получение выгод всеми сторонами. Здесь следует четко понимать, что для получения выгод для наших стран имеет смысл проводить четкое тактическое разделение на кооперацию внутреннюю и конкуренцию с внешними акторами. В этой связи именно элиты трех стран должны для себя

определиться с источником, откуда они получают прибыль и сознательно пойти на ограничение нормы прибыли внутри кооперативной зоны ради увеличения ее на внешнем рынке.

Подобная стратегия даст возможность при существующей ресурсной базе не только увеличить эффективность ее использования, но и снизить социальное напряжение внутри стран, вызванное тем, насколько паразитически на данный момент используются внутренние ресурсы.

Следует признать, что естественным путем (благодаря невидимой руке рынка) кооперации добиться невозможно. Здесь потребуются достаточно жесткое государственное регулирование, состоящее в определении правил игры для местных олигархов и защите внутреннего рынка от действий транснациональных корпораций, интересы которых всегда лежат вне интересов национальных государств или их объединений.

Кроме того, экономическая кооперация невозможна без кооперации в военной сфере, поскольку, несмотря на декларируемые Западом принципы свободной торговли, она заканчивается тогда, когда вы не можете подкрепить свои экономические интересы силой своего оружия. Особенно это касается продажи на внешних рынках таких стратегических товаров, как сырье, продовольствие и вооружение. Здесь можно вспомнить замечательный пример с продажей украинских кольчуг Ираку. Из абсолютно рядовой коммерческой сделки устроили целый политический процесс, еще и с угрозой применения различного рода санкций. В реальности же продажа оружия – абсолютно рядовой бизнес, и если США, к примеру, не нравится, что с помощью украинского оружия уничтожается американская военная техника, то в строгом соответствии с законами либерального рынка можно посоветовать Америке перекупить эти заказы. США – страна не бедная, может себе это позволить, но чтобы развитие событий было именно таким, любой другой вариант попытки реше-

ния должен быть чреват угрозой применения адекватного санкциям или к созданию каких-либо еще искусственных препятствий ответом.

Именно для этого и необходимо сотрудничество в военной сфере. Как минимум для этого. Разговоры о развитии внутреннего рынка (под таковым я сейчас подразумеваю рынки России, Украины и Белоруссии) почему-то всегда начинаются с обсуждения тарифной политики, таможенных сборов и прочих, дезинтегрирующих факторов. Да, они важны. Но на данный момент, я уверен, второстепенны, потому что так называемый рост благосостояния граждан, определяющий структуру и объем внутреннего потребления, о котором любят говорить политики и чиновники, вызван отнюдь не ростом внутреннего производства в наших странах и совсем не им.

Развитие общего внутреннего рынка, по моему мнению, должно начаться с объединения усилий в области формирования образовательного поля, имеющего общие стандарты для наших стран и учитывающее как настоящую ситуацию с дефицитом кадров в преподавательской сфере, так и отвечающего интересам государств в области не только экономической политики, но и стратегического развития.

Здесь следует учесть, что и Россия, и Украина практически полностью утратили базу для подготовки профессионально-технического образования молодежи и излишне увлеклись катастрофически вредоносными по своим последствиям «западными стандартами». К счастью, есть опыт Беларуси, позитивный опыт, но у нее не хватит ресурсов самостоятельно сохранять Status Quo в этом вопросе. Следует немедленно отказаться от тестовой системы оценок в школах и ВУЗах как не соответствующей современным реалиям, не обеспечивающей достаточно квалификации кадров. Напомню, что экс-глава ФРС Алан Гринспен в своей книге «Эпоха Потрясений» всячески критиковал такую систему, утверждая, что благодаря ей начальное и среднее

образование в США практически нивелировано до уровня «угадайки», а американские вузы вынуждены искать студентов за рубежом, потому как уровень подготовки абитуриентов внутри страны не дает возможности им учиться, так как они просто не понимают, о чем идет речь на занятия в вузах.

Также следует буквально уничтожить все «инновации» Болонской системы, которая в принципе не подходит для подготовки специалистов для реального сектора экономики: инженер, не знающий высшей математики, но прослушавший курс культурологи, не может работать ни в качестве инженера, ни как культуролог. Если этого не сделать вовремя, то уже в ближайшие 10–15 лет ни о каком внутреннем производстве речь уже идти не будет – в самом прекрасном варианте останется только крупноузловая сборка и все. Собственное производство умрет.

Вступление в ВТО много лет провозглашалось панацеей для национальных экономик стран экс-СССР. Но результат оказался намного более прозаическим и плачевным. Вместо «панацеи», как лекарства от всех болезней, Украина, вступив в ВТО, получила изрядную порцию избирательно действующего яда замедленного действия, который постепенно разрушал и разрушает национальную экономику и препятствует рациональному использованию собственных ресурсов для увеличения национального богатства. Переход на некие «международные стандарты» оказался очень дорогостоящим и фактически ненужным, поскольку советские ГОСТы во многом не уступали, а то и превосходили западные аналоги (потому ликвидация их и была одним из основных условий вступления в ВТО), а западные рынки как были, так и остались закрытыми для наших товаров. Мало того, уничтожение системы собственных стандартов лишило Украину фактически единственного инструмента нетарифного регулирования импорта, разрешенного в рамках ВТО.

Использование общих стандартов на внутрен-

нем рынке необходимо как один из путей для нивелирования недобросовестной конкуренции среди местных производителей. В частности, отсутствие необходимости получать европейские сертификаты качества существенно снизит финансовую нагрузку на предприятия-изготовители. Если кому-то кажется, что от этого пострадает качество, то он может сравнить на вкус, к примеру, похожую на пластилин вареную колбасу, произведенную по «европейским технологиям» в Украине и нормальную вареную колбасу, сделанную по советским еще ГОСТам из Белоруссии... К тому же, общие стандарты позволят решить проблему с совместимостью полуфабрикатов и комплектующих да и существенно упростят подготовку кадров и повысят мобильность трудовых ресурсов.

15 октября Кабинет министров Украины назвал условия вступления ее в Таможенный союз с РФ, Беларусью и Казахстаном. Первое - отмена экспортных пошлин на нефть, это 3 млрд долларов, второе - отмена экспортных пошлин на нефтепродукты... Далее - снижение цен на газ. Кроме того, по словам замминистра экономики Украины Мунтияна, необходимо также добиться отмены российских защитных мер и урегулирования вопроса о гарантиях погашения возможных - в случае вступления Украины в ТС - компенсационных требований ВТО, цена этого вопроса - около 2 млрд долларов. «В Украине дефицит бюджета, этих двух миллиардов долларов нет. Украина может пойти на переговоры со странами ВТО, сказать, что мы вступаем в новую организацию при условии, если у нас будут гарантии, что эти компенсации будут обеспечены», - сказал он. Мунтиян назвал и еще одно условие - «обеспечение загрузки украинской газотранспортной системы», поскольку Украина не может себе позволить потерять свой транзитный потенциал.

Примечательно, что как только ЕС озвучило свое недовольство приговором Тимошенко, украинская власть моментально сменила свой курс на диаметрально противоположный и ре-

шила вступать в Таможенный союз. Это глупейшая позиция никак не соответствует ни интересам Украины, ни интересам других членов Таможенного союза, поскольку Таможенный союз рассматривается не как инструмент экономической кооперации, а как политический институт и элемент в торговле Украины с Россией и ЕС за некие бонусы и преференции.

До тех пор, пока ТС будет рассматриваться именно в политическом контексте, вреда от него будет намного больше, чем пользы, поскольку любые переговоры из сферы рационального будут переходить в категорию иррационального, а также будет смещен акцент с государственных интересов на личные интересы политиков, поддерживающих их олигархов и принадлежащих им бизнес-структур. В таких условиях сам по себе факт вхождения Украины в Таможенный союз не только не даст ни ей, ни остальным участникам тех выгод и преимуществ, которых можно было бы ожидать от данного шага, а вызовет лишь большую напряженность в отношениях между странами.

К сожалению, и российское руководство в определенной мере рассматривает Таможенный союз как политический инструмент, что еще больше усугубляет и без того сложную ситуацию.

До тех пор пока руководство наших стран не придет к консенсусу относительно того, что согласованная экономическая политика принесет больше выгод всем, нежели конфронтация или взаимные интриги, пользы от таких инструментов, как Таможенный союз, будет немного.

Нельзя быть сильным везде. Этот нехитрый военный принцип в полной мере применим и в сегодняшней ситуации на мировых рынках. Прежде чем говорить о том, что и как делать на внешних рынках, желательно бы определиться с приоритетами (которые основаны не на «виртуальном прожектерстве», очень популярным сейчас у политиков, а на аудите имеющихся возможностей и рацио-

нальных, просчитанных и подкрепленных ресурсами планах на будущее).

На сегодня я вижу такие возможные приоритеты сотрудничества на внешних рынках: рынок продовольствия (зерна и масличных); рынок вооружений; рынок энергоносителей; рынок металла; рынок химических удобрений; рынок авиапрома (самолеты и ремонт); рынок строительных материалов; рынок сервисных IT-технологий; рынок продовольствия (зерна и масличных)

Основным инструментом на этом рынке может быть зерновой пул. Но... на его пути встал вопрос о приватизации земли в Украине. По факту, это будет не приватизация, а закрепление итогов многолетней работы черного рынка земли и ее распродажа иностранцам и иностранным компаниям. Те ограничения, которые предусмотрены в законе «о рынке земли» обходятся элементарно, особенно с учетом того, что регистрация объектов собственности и прав собственности на землю в Украине разделена. Корреляция между этими процедурами – максимально непрозрачна.

Даже далекому от зернового рынка человеку понятно, что интересы латифундистов в Южной Америке, к примеру, которые войдут на украинский рынок земли, будут в корне отличаться от интересов как украинских компаний, так и российских. Так что в интересах именно российского бизнеса – сделать все возможное для блокирования продажи земли в Украине в нынешних условиях.

Что касается рынка вооружений.....Еще пятилетка противостояния на этом рынке, и Россия, и Украина, и Белоруссия вообще рискуют лишиться его, кроме каких-то совершенно мелких и незначительных сегментов. Причем лишиться – исключительно по своей собственной инициативе, за счет самостоятельного уничтожения оборонпрома, задача которого продавать столько вооружений, чтобы полученная прибыль шла на обеспечение выполнения госзаказа по перевооружению собственных армий. Это и есть задача

номер 1. Не получение прибыли как таковой, а поддержание паритета. Избыточная прибыль должна инвестироваться в разработку новых видов вооружений.

Касательно рынка энергоносителей... Я не специалист в климатологии, но неплохо владею методами статистического анализа. А они говорят о том, что, не смотря на все программы экономии энергии и вывод производств из ЕС в Китай и т.д., энергопотребление Европы не падает, а растет. Следовательно, все «газовые войны» – только вредят нашим странам и вместо прибылей приносят убытки. Всем. Либо мы создаем консорциум в формате «производители+транзитеры», либо сюда влазят «западники». В итоге, пытаясь нажиться друг на друге, наши страны теряют стратегические деньги.

Рынок металла. Не думаю, что тут нужны особые выкладки. Если не снизить себестоимость металла, то скоро с этого рынка нас выкинет Китай, помочь ему в этом процесс сможет Турция.

Рынок химических удобрений. Этот рынок будет развиваться. Проблема нехватки продовольствия уже есть и с течением времени она будет усугубляться. Согласованная политика на этом рынке должна обеспечивать низкие внутренние цены и конкурентные внешние, так как на продовольствии можно зарабатывать больше – рынок лабильнее.

Рынок авиапрома (самолеты и ремонт). Если сейчас не слить в единый картель оставшиеся КБ, производственные мощности и подготовку инженеров и рабочих, то с собственными самолетами можно будет вскоре просто попрощаться.

Рынок строительных материалов. Пример строительной империи Елены Батуриной показывает, что и этот рынок вполне возможно расширять вовне и отвоевывать у европейцев и азиатов.

Оганесян А.Г.: Всеобъемлющий доклад, конечно, провоцирует дискуссию. Но это будет немного позже. Следующий доклад на тему

«Интеграция как инструмент поддержания региональной безопасности (проблемы и подходы).

Пискунова Наталья Игоревна

**кандидат политических наук,
заведующая сектором Инсти-
тута международных исследо-
ваний, МГИМО (У) МИД РФ
(Россия):**

Я постараюсь отметить три основных момента своего доклада: это момент теории, момент позитивных воздействий интеграционных процессов в системе международных отношений и негативные воздействия, которые могут возникнуть.

В настоящее время система международных отношений как в теории, так и на практике является предметом достаточно сильных изменений. Сегодня изменилась конфигурация как самой системы, так и конфигурация безопасности. В частности, в международных научных кругах все больше идет разделение на так называемые «силовую коннотацию безопасности» или «hard power» и на так называемые «мягкие угрозы, вызовы» или мягкие компоненты (разнятся переводы) – «soft security». В блок мягкой безопасности международники включают, в том числе, проблемы мягкой интеграции.

Эти процессы и явления могут как позитивно, так и негативно воздействовать как на региональную систему безопасности, так и на глобальную структуру безопасности. Здесь, прежде всего, надо отметить, что сам по себе термин «интеграция» как таковой означает не только объединение некоторых общностей, групп, регионов, стран и т.д. В основном базу интеграции составляет восполнение утраченного, восстановление того, что было разрушено в ходе предыдущих трансформаций, изменений, революционных явлений и т.д. Трактовка интеграции как восстановительного элемента наиболее применима к России, Украине и Белоруссии. Если брать более широко, то и на всем пространстве СНГ, это явление именно восстановительное, даже больше носит охранительную коннотацию. Интересно, что сегодня интеграция рассматривается как символ реализации матричной теории международных отношений, т.е. заданность интеграции международных отношений и способствование укреплению, усилению субъектов на постсоветском пространстве. Если Россия, Украина, Белоруссия действуют в одиночку, безусловно, они могут добиваться определенных успехов в вопросах международного права и в других вопросах. Сила и потенциал с точки зрения матричной теории усиливается кратно.

Известный политолог и исследователь системной истории М. Каплан писал, что максимизация политическая и экономическая кратно усиливается при наличии интеграционной группировки. В настоящий момент это принципиально важно.

Процесс интеграции может менять всю конфигурацию безопасности на региональном уровне, он воздействует как изнутри этого процесса и может являться выражением внешнеполитической, внешнеэкономической деятельности государств, которые являются субъектами этой интеграции.

В 1990-х годах процесс интеграции рассматривался как текущий, незавершенный, из которого сложно делать какие-либо выводы,

извлекать проблемы и возможности их решения. То сейчас интеграция как таковая становится процессом системным, и более того системообразующим. Сейчас интеграция – это не выражение действий одного, двух или трех участников, а это повод для взаимодействия некоторых участников.

Чтобы отметить позитивные моменты, которые может и должна нести интеграция, её можно разбить на три блока: политические, экономические и социально-культурные аспекты интеграции.

Что касается политики, здесь надо отметить, что интеграция призвана приводить к тому, чтобы при усилении межгосударственных политических взаимодействий, а может быть и внешнеполитических, по дипломатическим каналам взаимодействия на уровне форумов, межпарламентской дискуссии – при всех такого рода взаимодействиях идет диалог между элитами: правящими, политическими и перспективными. Это имеет фундаментальное воздействие на страновую политическую систему, если элиты стран откликаются и включаются регулярно на формы, посвященные интеграции, то соответственно в течение времени вырабатывается общее видение как перспектив, так и проблем и способов решения, на которые должна ориентироваться правящая элита группировок или стран, которые участвуют в этих объединениях.

С точки зрения экономики, интеграция как аспект направлена и призвана на усиление торгово-экономических связей между государствами. Это взаимодействие на уровне таможенных союзов, валютных союзов. Интеграция – элемент открытия того или иного предприятия. Приведу пример, текстильная промышленность в России и Беларуси – это интеграция между городами, которая приводит к тому, что конкретные локальные предприятия в Московской области или в Гомельской области начинают свою внешнеэкономическую деятельность, исключительно направленную на какой-то город извне. Например, есть предприятия Белорус-

сии, которые направлены на торговлю с Россией и наоборот – есть российское производство, предприятия, которые направлены на торговлю с Украиной и Белоруссией. До этого были предприятия, которые ориентировались только на внутренний рынок. С точки зрения системы интеграция способствовала направленности деятельности определенных предприятий.

С точки зрения социальной культуры и обмена происходит достаточно интересная вещь: несмотря на то что все три страны славянские, всех стран объединяет общая история, общие моменты, такие как язык, культура, что является огромнейшим пластом для взаимодействия, интеграция является также способом усиления и поддержания межэтнических и межгрупповых коммуникаций. Здесь достаточно простые примеры, когда приезжают и собираются молодежные форумы, и в течение первого же дня наблюдается феномен, состоящий из всех русскоговорящих групп. Этот феномен я наблюдаю последние семь лет. Для молодежи характерно стремление объединяться с подобными себе, представителями тех стран, кто обладает той же культурой, тем же языком. Это достаточно распространенное явление, о котором не пишут журналы, и о котором очень редко говорят. В социально-политическом плане интеграция может и должна служить еще и инструментом для урегулирования конфликтов. Понятно, что в случае разгорания конфликтов это весомо сможет оказать принципиальное воздействие на немедленное гашение конфликта. Но долгосрочные системы воздействия в любой интеграционной группировке могут быть полезны для предотвращения и закрытия возможности вооруженного конфликта. То есть, чем больше существует форумов и каналов коммуникации между участниками интеграционной группировки, тем более велика возможность договориться и предотвратить конфликт.

Говоря об интеграционных процессах как на пространстве СНГ, так и на пространстве вос-

точно-западной Европы, есть несколько отрицательных сторон и негативных моментов. Прежде всего, говоря, что интеграция - это объединение, некая общность, определенного рода кооперирование, единство. У участников интеграционного процесса может возникнуть проблема - в некоторой части это уход от независимости. Сторонам надо смириться с потерей некоторой части независимости и контролем за принятием решений — это момент, который может быть достаточно чувствительным для некоторых сторон интеграционного процесса. Элита — группировка закрытая, вообще сложно войти в ведение каких бы то ни было группировок, могут возникнуть трения со стороны внутренних политических элит.

Инструмент, благодаря которому интеграция делает страну уязвимой, заключается в ее открытости. Либеральные, демократичные страны открывают каналы своего взаимодействия, но при всей идеалистичности этой картины, это является также и опасностью. Если страны открываются друг другу, одной стране или двум-трем и т.д., они открывают не только для торговых обменов и социальных групп, открываются границы для групп криминального характера. Известно, что огромное количество проблем в нашем законодательстве и законодательстве вообще не позволяет решать на данном уровне проблемы криминального характера, с перемещениями, например, незаконных формирований на границах стран, перемещения запрещенных веществ, в том числе и психотропных веществ. Это огромнейшая проблема. Интеграция уязвима в этих моментах.

Интеграция позволяет большую открытость, и это, как не странно, возвращает большую напряженность. Чем больше общность, тем ей сложнее управлять. Перспективность интеграции в том, что она позволяет открывать взаимодействие и налаживать канал коммуникации, чего в нашем современном мире конечно же не хватает.

Оганесян А.Г.: Спасибо большое. Сейчас мы приступим к дискуссии. Я хотел бы воспользоваться правом ведущего и открыть ее. Хотелось бы обратить внимание на то, что прозвучало очень фрагментарно и, может быть, найдет развитие в нашей дальнейшей дискуссии. Здесь много говорилось о побудительных мотивах к интеграции, к сожалению, о внутренних и внешних вызовах. Это прозвучало в докладах. Мельком было сказано об исламском мире, который развивается. И вряд ли мы избежим вызова со стороны развития исламского мира, особенно если мы выделяем ту общность, которая лежит в основе определения Хантингтона как славянской, восточно-православной цивилизации. Усиление Турции — это еще один фактор, который подкрепляет опасения по поводу этого вызова. И второй вызов — это Китай, совершенно другого характера: хотя он тоже цивилизационный, однако в настоящее время носит политико-экономический характер. Может быть, кто-то эту мысль разовьет и определит: насколько эти два внешних вызова (пока не буду называть это «угрозой») будут консолидировать три страны: Россию, Украину и Белоруссию? Второе, на что мне бы хотелось обратить внимание. Например, кооперация вместо интеграции. Мне так показалось и, может быть, Юрий Владимирович Гаврилечко прояснит этот вопрос. Но мы видели, как Китай во время кризиса использовал свой внутренний рынок, практически свернув свою активность на внешнем рынке. Все-таки, определяя приоритет в качестве совместного выхода на внешний рынок, Вы считаете, что это наиболее эффективно и интересно, с этим трудно спорить — все-таки, не вернуться ли к идее, не к формам, Столыпина, который делал акцент на развитии внутреннего рынка. Если объединить внутренний рынок трех стран — это огромная единица. И как его нам обустроить — тема интересная — и как его использовать максимально. Возможно ли здесь применить в какой-то мере китайский опыт? Хотя Китай

как государство – это монолит, не интеграционная модель.

У меня также вопрос о земле. Я уже говорил, что в России вопрос о земле до сих пор не решен, как и во времена Столыпина. Один из реальных ресурсов, который остается у наших стран – России, Украины и Белоруссии – это земля. То, о чем вы говорили: на фоне всемирного продовольственного кризиса, который 3-4 года назад взвинтил и продолжает взвинчивать цены на продовольствие во всем мире, конечно, делает вопрос актуальным. Я лично столкнулся с одной моделью, которую западные европейцы предлагали в степной части Крыма. Крымчане говорят: «Мы хотим вот это и там, для этого есть все необходимое». А им говорят: «Нет, нам это неинтересно, будем мы вот это делать». «Да, но это у нас не привьется». «Нет, нет, нет...»

Мне это напоминало те предприятия, которые покупались иногда так называемыми зарубежными инвесторами только для того, чтобы они не развивались. Но это двуединая задача: во-первых, убить конкурентов на продовольственном рынке, а во-вторых, подчинить его своим интересам. Здесь вопрос, конечно: будет ли этот рынок открыт для иностранцев и для продажи ТНК, и не только ТНК? У меня нет оптимизма относительно того, что Россия или Белоруссия успеет купить земли Украины, а Украина стремительно возьмется за скупку земель России и Белоруссии. Во-первых, не те масштабы накопленного капитала; и свои внутренние экономические проблемы, конечно, априори снизят конкурентность этих стран по покупке земли друг у друга внутри этой интеграционной модели. И как здесь быть – конечно, вопрос очень сложный. В России тоже есть свои лоббисты, кстати, свободной торговли землею – для иностранцев, я имею в виду.

Я обозначаю эти темы немножечко, прямо скажу, корыстно, в интересах журнала, потому что нам интересно было бы получить ответы на эти вопросы. Может быть, кто-то

выскажется на эту тему.

Резинкина И. В.: По поводу земли. Как отмечают многие эксперты в Украине, процесс будет происходить таким образом: земля сначала окажется в руках тех же людей, которым сегодня принадлежит все в стране, это несколько десятков семей. В Украине сегодня построена латиноамериканская модель государства, когда все в стране, начиная от банков, от финансов и заканчивая центральными СМИ, принадлежит нескольким десяткам семей. Этим же людям будет принадлежать земля, т.е. будут созданы огромные латифундии. В конце концов, земля окажется в руках транснациональных корпораций. Если вы взглянете на историю работы в Украине таких корпораций, как «Cargill, Inc», «Monsanto Company» и всех прочих, которые успешно развиваются с 1992 года... Сегодня они владеют как бы украинскими марками, они позиционируются как крупнейшие на украинском рынке продовольствия. Фактически сегодня элеваторы, маслозаводы и прочие продовольственные гиганты принадлежат транснациональным корпорациям. Соответственно, и на землю будут претендовать, прежде всего, транснациональные корпорации, но это случится не сразу. Сначала земля перекупается между олигархами, которым принадлежит сегодня все. Это не секрет. Такова модель сегодняшней Украины. Это отмечают многие политики, многие в информационном поле. Населению это будет преподноситься совершенно по-другому. Разумеется, сегодня не идет речь о том, что Россия успеет включиться в этот процесс. Но если будут происходить внешние вызовы, если на Украину будут сильно действовать, то, может быть, что-то будет меняться.

Оганесян А.Г.: Спасибо, очень интересно. Пожалуйста, Денис Игоревич

Кирюхин Д. И.: Маленькая ремарка, если позволите, именно по проблеме Китая. Мне кажется, с каждым годом мы все чаще и чаще будем обсуждать тему Китая на постсоветском пространстве. Если говорить в контексте

взаимоотношений Россия – Украина – Китай – Белоруссия, то, по крайней мере, в отношении Украины ситуация на сегодняшний день складывается следующим образом. Как одно из последствий мирового финансового экономического кризиса, в Украине проблема бюджетного кризиса стоит остро, страна оказывается в ситуации, когда необходимо внешнее финансовое заимствование. Тут наблюдается любопытная тенденция: кредиты со стороны европейских структур зачастую обставлены политическими обстоятельствами, которые Украине в той или иной степени сложно реализовать или она отказывается их реализовывать. С другой стороны, обращаясь к России за финансовой помощью, она сталкивается уже с требованиями экономического характера, примерно такими, которые были предъявлены к Беларуси сейчас во время крупного бюджетно-финансового кризиса. Эти требования для украинской правящей элиты нереализуемы, по крайней мере, Украина не готова идти на такие уступки, на которые пошла Беларусь по той же газотранспортной системе. И в этом отношении наиболее интересным партнером Украины оказывается Китай, который уже сегодня начинает предоставлять кредитные линии Украине. Он не выдвигает таких политических требований, как Европа, или таких экономических требований, как Россия. Китай активно начинает представлять собственные интересы. Именно он постепенно начинает усиливать свои позиции через финансовый сектор, поскольку дает интересные кредитные предложения, которые Украине нужны. В критической ситуации в условиях жестких рамок, в которые вгоняют ее традиционные партнеры, такие как Европа и Россия, обращение к Китаю оказывается логичным и вполне финансово обусловленным.

Оганесян А.Г.: Спасибо. Т.е. Китай становится привилегированным кредитором. Пожалуйста, Владимир Константинович.

Мамонтов В.К.: В развитие Вашего вопроса, Армен Гарникович, он тоже будет относиться к Юрию Владимировичу. Первый небольшой вопрос. Вы сказали: «Внутри ВВП учитываются кредиты». Как они там учитываются?

Гаврилечко Ю.В.: Очень просто. Поскольку потребление у нас тоже идет за счет ВВП, т.е. то, что купили. А купили не за счет того, что произвели или заработали, а за счет того, что привлекли кредит и на это что-то купили. Внутренне потребление выросло за счет кредита.

Мамонтов В.К.: Второй вопрос, который у меня возник. Возможно, я неверно трактовал этот психологический нюанс. Обратите внимание, сейчас осталось сделать последнее предположение, что землю у вас Китай купит. Он так хорошо выстраивает отношения: и экономики не хочет, и политики не хочет. Так может, вы землю Китаю продадите? Китай успеет? Для меня это очень интересный вопрос: вы сами себе не хотите ее оставить? С учетом того, что сказала госпожа Резинкина: вы – это олигархи. Если вас такая политическая система не устраивает, если вы идете к нам и, условно говоря, говорите: «Слушайте, тут такое дело, купите уж нашу землю заодно, а то хуже будет нам всем». Тут альтернативное мнение: Китай высказывает. А себе как независимому государству вы не хотите землю оставить и на ней построить свою экономику? И тогда с вами легче будет говорить всем на свете - и Китаю, и России, и Европе. Вот существо моего вопроса.

Гаврилечко Ю.В.: Что касается покупки земли в Украине. У нас очень четко разделена фиксация собственности и права собственности: фиксация объекта собственности – это земельный кадастр, фиксация права собственности – это Министерство юстиции. Причем, между собой они не корреспондируются и не коррелируются. Что будет происходить при свободном рынке земли? Некие граждане будут иметь возможность получить в собст-

венность определенное количество земли, пусть фиксированное. Физически вроде бы они ее получают. Право собственности фиксирует другая организация: кто будет знать, кому что принадлежит – вопрос очень интересный. А теперь второй момент: поскольку право собственности фиксирует Минюст, никто не запрещает передать в управление свои права собственности. Не землю, а право собственности на нее кому угодно. Поэтому абсолютно все равно, кто будет физически вроде бы владеть землей – право собственности на нее будет принадлежать кому угодно. Именно этот механизм, скорее всего, и будет запущен в Украине: вроде бы владельцем будет Иван Хлытенко – что из этого?! Свои земельные паи они не продадут – передадут право собственности на них кому-то. Все! В итоге кто это?

Мамонтов В.К.: Это неплохо для Украины. В таком случае, вам придется что-то менять в политической системе: налаживать корреляцию между Минюстом и земельными организациями.

Гаврилечко Ю.В.: Что будет сделано, на мой взгляд, логичнее и быстрее всего. То же, что у нас было сделано с большинством заводов: их купили, порезали на металл, разобрали на кирпичи, продали - капитал отсюда вывезли. Отвечаю на ваш вопрос: «Почему не сделать самостоятельно»? Потому что нынешняя элита не способна ничем управлять, она может только потреблять. И потреблять проще то, что имеет высочайшую ликвидность – деньги. Завод, земля – это ресурсы, которые прибыль приносят только тогда, когда над ними работают. Деньги приносят сразу возможность использования.

По поводу Китая и опыта внутреннего рынка. Как я уже говорил, для того чтобы это использовать нужны, по меньшей мере, две вещи: это разделение на получение прибыли. Внутренний рынок - внешний рынок. Четкое понимание: если на внутреннем рынке нет возможности получения прибыли, необходимо отдать услуги мелкому бизнесу. За то

время пока длится кризис, имея ресурсы, желательно заняться модернизацией. Китай эти ресурсы имеет, Украина, - к сожалению, нет. Вместо того чтобы переориентироваться на внутренний рынок по китайской модели, в наших условиях идет переориентация на уничтожение мелкого и среднего бизнеса и за счет него попытки выжить бизнесу крупному.

Зеленовский И.Ф.: Был поднят очень важный вопрос о возможности ускорения интеграции Белоруссии – России – Украины в условиях внешних угроз. Здесь можно привести интересный пример: сейчас в Белоруссии китайский капитал усиленно продвигается, очень большие капиталовложения вплоть до того, что заезжают рабочие из Китая.

Исламский фактор. С Катаром были подписаны соглашения о том, что королевской семье Катара будут предоставлены земли для строительства баз отдыха, охоты и т.д., и т.д., в том числе, в Минске будет построен Катарский бизнес-центр. Казалось бы, две серьезных угрозы для нашей цивилизации со стороны китайской и исламской, но в Белоруссию они свободно входят. Считается ли это внешней угрозой для Белоруссии? Для белорусского народа, все однозначно, считают это угрозой, но для белорусской элиты, для политического класса это считается спасением и помощью от угрозы, идущей от России. Понимаете: в чем парадокс?! Таким образом, внешние угрозы воспринимаются по-разному. Это говорит о том, что до конца не сформирована государственность – нет общих интересов у политического класса, у элит и основной массы населения. Как может вести себя Россия в этой ситуации, поскольку интеграционный центр нашей цивилизации был, есть и будет Россия, - рассматривать новую сформировавшуюся элиту Белоруссии как равного партнера. Об этом постоянно были вопросы из Минска: «Примет ли нас на равных российская элита?» На этот вопрос не было ответа. Поэтому с большим недоверием относится политический класс Белоруссии к возникновению полной интеграции: не по-

теряет ли белорусская элита перед напором более агрессивной и мощной экономики России. Если в России начнут воспринимать белорусскую элиту на равных, тогда получатся общие интересы у народа и политической элиты.

Максименко В.И.: Прежде всего, по поводу арабов и китайцев. Один из фундаментальных разделов в современном мире, так называемый «The West and the Rest». Вызовы со стороны китайской, арабо-мусульманской цивилизаций – это увеличение удельного веса того самого «the Rest» в современном мире по отношению к Западу. Суть вашего вопроса: будет ли это помогать консолидации трех восточнославянских государств? Простите, ответ простой. Все будет зависеть от целеполагания российской элиты. Если мы не сделаем выводов из того, что, как справедливо заметил Владимир Григорьевич Соколенко: «Нельзя весь мир превратить в Запад». Если мы будем продолжать повторять, что мы – часть Большой Европы, то чем дальше мы будем это делать, тем хуже будут наши позиции в конфликте «The West and the Rest». Это мое мнение. Отсюда короткий комментарий к докладу Владимира Григорьевича. Я хочу всецело солидаризоваться с той мыслью, которую он высказывал, и которую я выражу своими словами. Противоречия между унификацией жизни в современном мире, унификацией техносферы, информационной и финансовой сферы, и акцентировкой, обострением чувства культурной идентичности в самых разных культурных ареалах, обострением чувства самобытности самых различных культур мира – это противоречие, на мой взгляд, является коренным противоречием современного мира. Оно неизбежно будет обостряться, и самое существенное в том, что это накладывает прямой отпечаток на внешнеполитические курсы целого ряда государств. Это заметно по Китаю и Турции, о которых говорил Владимир Григорьевич, это заметно по Венесуэле и по Ирану, в меньшей степени можно найти в политических курсах

Бразилии и Пакистана. С этой точки зрения очень важно искать опору в том, что является собственным наследием, в том числе, с точки зрения выработки новой парадигмы российской внешней политики. Новой в свете того, насколько является новым интеграционный проект для постсоветской Евразии. Здесь важно решить: на кого мы будем опираться. Владимир Григорьевич совершенно справедливо упомянул Самуэля Хантингтона, он последний в ряду наиболее известных западных теоретиков цивилизаций (Тойнби, Арнольд Джозеф, Шпенглер, Освальд, Сорокин, Питирим Александрович).

Но я должен заметить, что есть один автор, которого нам-то русским забывать стыдно, который глубже, фундаментальнее и актуальнее для современного мира и для России, Украины и Белоруссии – это Николай Яковлевич Данилевский с его книгой «Россия и Европа». Первый в мире теоретик культурно-исторических типов, предваривший все последующие теории цивилизации. Будучи человеком естественнонаучного образования, он доказал неустранимость культурно-исторических типов из международной практики. Жаль, что русские забыли такого выдающегося ученого. Вы вспоминали здесь конференцию, на которой я присутствовал, «Столыпин и современность». Международная конференция «Данилевский и современность» дала бы не меньше, а больше для того, что я назвал необходимостью выработки новой парадигмы российской внешней политики. Спасибо.

Оганесян А.Г.: Да, такую конференцию интересно было бы провести, тем более что мы на Крымской земле. Данилевский связан с Крымом: здесь он жил и писал.

Давайте перейдем к следующему докладу на тему «Интеграционные проекты на постсоветском пространстве как проблема для Украины».

Кирюхин Денис Игоревич

политолог Аналитического центра политических исследо- ваний и конфликтологии (Украина):

Уважаемые участники конференции! Дамы и господа!

Возможно, название моего доклада покажется кому-то несколько провокативным. Тем не менее, по моему мнению, оно достаточно точно определяет ту ситуацию, в которой находится сегодня Украина. Ведь интеграционные проекты на постсоветском пространстве, разработка и реализация которых активизировалась в последние годы, что, судя по всему, связано с общим пересмотром системы межгосударственных отношений на пространстве СНГ, действительно являются проблемой, с которой столкнулась сегодня украинская власть. Почему сложившуюся ситуацию я оцениваю прежде всего как проблему, вызов?

Во-первых, следует принять во внимание, что Украина не является инициатором этих проектов и связанных с их реализацией процессов.

Украина традиционно достаточно осторожно относится к новым объединительным процессам на постсоветском пространстве. В качестве наиболее яркого примера можно вспомнить, что будучи одним из государств

учредителей СНГ Украина, тем не менее, так и не стала его полноценным членом, поскольку протокол Соглашения о создании СНГ Киевом так и не был ратифицирован. При этом нельзя не признать, что Киев неоднократно выступал инициатором локальных интеграционных проектов, таких как ГУАМ, Балто-Черноморско-Каспийский союз или Содружество демократического выбора. Впрочем, все эти проекты в полной мере не были реализованы, а фактически — увенчались неудачей, по моему мнению, во многом потому, что были направлены против такого влиятельного игрока в регионе как Россия.

Во-вторых, необходимо признать, что для Украины усиление интеграционных процессов на постсоветском пространстве далеко не во всем выгодно.

Как показали годы украинской независимости, Киев, как правило, поддерживал такую модель взаимоотношений на постсоветском пространстве, в рамках которой бы не создавались барьеры на пути украинских товаров на внешние рынки, но без какого-либо ограничения независимости страны (отступила от своей стратегии Украина только при президенте В.Ющенко, при котором внешняя политика страны определялась идеологическими, а не экономическими соображениями, чем, к примеру, не преминула воспользоваться Россия, которая фактически «выдавила» Украину из Центральной Азии). Отсюда и сегодняшняя заинтересованность Киева в подписании договора о создании Зоны свободной торговли в рамках СНГ. Ведь в рамках именно такой модели межгосударственных отношений украинские правящие круги чувствовали и чувствуют себя наиболее комфортно. (Модель взаимоотношений между Белоруссией и Россией не рассматривается как приемлемая для Украины, элиты которой заинтересованы в сохранении своей экономической самостоятельности).

Проблема поиска оптимальных путей интеграции на постсоветском пространстве не стоит сегодня перед Украиной. В условиях не-

изменности закреплённого на законодательном уровне курса Украины на вступление в Европейский союз, активизация с российской стороны интеграционных процессов ставит украинское руководство перед необходимостью поиска ответа на этот вызов.

Показательна в этом отношении предложенная В.Януковичем формула отношений Украины с Таможенным союзом — «3+1», предусматривающая сохранение существующего уровня торгово-экономического сотрудничества между Украиной и странами, вошедшими в Таможенный союз, без полноценного присоединения Украины к этому объединению. Данная формула как раз и есть один из предложенных вариантов решения задачи.

Украинская сторона демонстрирует неготовность к такой тесной экономической интеграции с Россией, Белоруссией и Казахстаном, которая предполагается в рамках Таможенного союза. Причём в данном случае мы наблюдаем не только и не столько демонстрацию позиции нынешнего руководства страны, сколько последовательность во внешнеполитической стратегии. Ведь Украина ещё на момент создания Единого экономического пространства (т.е. ещё во времена президентства Л.Кучмы) хоть и поддерживала идею ЕЭП, но с самого начала обставила различными условиями своё участие в этом проекте. Так, соглашение о формировании ЕЭП Верховная Рада ратифицировала с оговоркой: «Украина будет принимать участие в формировании и функционировании Единого экономического пространства в пределах, которые отвечают Конституции Украины». Очевидно, что подобная формулировка предоставляет правительству страны широкие возможности для ограничения степени своего участия в этом экономическом объединении.

Официальный Киев, насколько можно судить по публичной позиции, занимаемой руководством страны, сегодня исходит из того, что Украине следует продвигаться на рынок ЕС и,

вместе с тем, сохранить уже завоеванные позиции на рынках СНГ. Именно поэтому Украина продолжает, похоже, не безуспешно, переговоры с Европейским союзом о подписании соглашения о Зоне свободной торговли и, одновременно, ищет формулу взаимоотношений с Таможенным союзом (в частности, для Киева важно, чтобы ограничительные меры в отношении украинских товаров, которые имеет каждая из стран-членов Таможенного союза по отдельности, не распространились на всех участников этого объединения).

Украина сегодня сталкивается с достаточно жесткой позицией Российской Федерации, руководство которой неоднократно давало понять, что ставит Киев перед выбором: либо полноценное участие в экономическом союзе, либо введение ограничительных мер против украинских товаров. Однако такая жесткая альтернатива в отношении Украины вряд ли способствует продуктивному развитию двухсторонних торгово-экономических связей. Следует принимать во внимание два обстоятельства.

Во-первых, Украина, в отличие от России, является членом ВТО, что налагает на нее определенные ограничения.

В частности, у нас в среднем уровень таможенных пошлин составляет 4,5%, в то время как в Таможенном союзе — 10%. Соответственно, полноценное членство в Таможенном союзе потребовало бы от Украины пересмотра условий своего членства в ВТО (это займет достаточно много времени и еще не известно, насколько выгодно для себя сможет Киев эти условия пересмотреть), либо выхода из этой организации, что, конечно же, немыслимо.

Во-вторых, закрытие «экономических границ» невыгодно не только Украине, но и самим странам-членам Таможенного союза.

Не стоит забывать, что не только Украина заинтересована продавать, но и, в частности, Россия заинтересована в ряде украинских товаров. В качестве примера можно вспомнить о продукции двух крупнейших предприятий

украинского энергомаша — Сумского НПО им. Фрунзе и «Запорожтрансформатора», которая уникальна и сегодня крайне востребована в России.

Так что для обеих стран был бы выгоден отказ от политики, требующей однозначного выбора «или—или», в пользу поиска взаимоприемлемой («гибкой») модели торгово-экономических взаимоотношений, по примеру того, как Европейский союз умеет выстраивать различной степени интенсивности и глубины экономические отношения с разными странами.

Говоря об отношениях с Таможенным союзом, нельзя не упомянуть о представленном в недавней статье В.Путина в газете «Известия» новом интегративном проекте на постсоветском пространстве — Евразийском союзе. Мне кажется, что Украина сегодня не готова дать однозначный ответ относительно возможности своего в нем участия. Многие украинские эксперты, чье мнение поддерживаю и я, сходятся во мнении, что на данном этапе данный проект остается слишком неопределенным — и по процедурам вхождения в него, и по правилам экономического взаимодействия (насколько они будут или не будут соответствовать нормам ВТО, членом которой стремится сегодня стать и Россия), и, наконец, по тем политическим требованиям, которые выдвигаются в государствам, которые будут намерены к нему присоединиться.

И пока вопрос о Евразийском союзе не стоит на повестке дня, представляется необходимым строить взаимоотношения между Украиной и Россией исходя из понимания того, какой мы хотим видеть украинскую (и российскую) экономику, хотим ли мы сохранять и развивать свой экономический потенциал? Готовы ли мы продолжать делать ставку на сырьевую экономику и производство продукции низкого уровня переработки?

Наиболее перспективным в рамках украинороссийского торгово-экономического сотрудничества является отраслевая интеграция, в особенности в сфере наукоемкого производ-

ства. В частности, речь может идти об углублении и развитии сотрудничества в сфере военно-технического сотрудничества. Причем пересмотреть свои подходы в данном вопросе следует не только Украине, но и России.

Страны Запада не стремятся видеть Украину и Россию в будущем высокоразвитыми в технологическом отношении государствами. Показателен пример, который приводит президент ОАО «Мотор Сич» Вячеслав Богуслаев: «Мотор Сич» уже несколько лет не может приобрести в Германии высококлассное оборудование, поскольку в Европейском союзе созданы списки нежелательных предприятий и «не рекомендовано продавать самое современное технологическое оборудование на те предприятия России и Украины, которые работают на оборонный комплекс» [См.: Військово-технічне співробітництво в умовах глобалізації: український вимір. — К., 2011. — с.18]. Так что если Украина и Россия не начнут совместно развивать сотрудничество в сфере наукоемкого производства, они поодиночке проиграют конкуренцию в этой отрасли.

Перспективным представляется развитие сотрудничества и в сфере транзита. Строительство Россией обходных газопроводов, так называемого Северного и Южного потоков, крайне негативно сказывается на процессе развития украинского транзитного потенциала. Между тем в этой отрасли наши страны, как представляется, могли бы от модели конкуренции перейти к модели сотрудничества. Последняя, кроме прочего, предполагает предоставление Украине гарантий на транзит российских энергоносителей (возможно, путем создания международного консорциума по управлению украинской ГТС) и развитие транзитных возможностей в рамках международного транспортного коридора ЕврАзЭС и ШОС (особенно если ШОС будет эволюционировать не в сторону превращения в военно-политический альянс, а, например, в подобие Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Наконец, объективно интерес Украины состоит и в развитии сотрудничества с ОДКБ, причем не только военного. Киев заинтересован в расширении тематики такого сотрудничества. Потенциал ОДКБ, как представляется, в Киеве в недостаточной мере используется, поскольку упор делается на сотрудничество с НАТО.

По поводу развития сотрудничества Украины с НАТО на современном этапе — тема, которая необычайно болезненно воспринимается Россией — хочется остановиться отдельно.

Ни по существу, ни по форме взаимоотношения Украины и НАТО не изменились за последние три года, когда на юбилейном Бухарестском саммите Североатлантического Альянса в 2008 году Украине было отказано в немедленном подписании Плана достижения членства. Бухарестское решение отнюдь не означало, что тем самым Альянс отказался от своей политики «открытых дверей» по отношению к Украине. Ведь тогда фактически было принято решение о том, что интеграция Украины в Альянс будет проходить не через получение ПДЧ, а через реализацию Годовой национальной программы, аналогичной по своему содержанию ПДЧ.

Неизменность курса на вступление Украины в НАТО подтверждена и Хартией о стратегическом партнерстве между США и Украиной, подписанной госсекретарем США К.Райс и главой украинского МИДа В.Огрызко в декабре 2008 года.

Как известно, после победы В.Януковича на президентских выборах был законодательно закреплен внеблоковый статус Украины, который, тем не менее, не закрывает возможности для сотрудничества с НАТО (равно как и, например, с ОДКБ), в том числе и в рамках реализации Годовой национальной программы. Иными словами, та логика сотрудничества Альянса и Украины, которая была определена на Бухарестском саммите, не была подвергнута пересмотру.

Сегодня Украина, впрочем, как и Россия, активно сотрудничает с Североатлантическим

Альянсом. Вопрос же о присоединении к Альянсу на повестке дня не стоит и вряд ли в ближайшие годы он будет актуален. Тем не менее, успешная реализация Годовой национальной программы, как представляется, способна создать условия, при которых будут устранены существующие сегодня военно-технические препятствия для присоединения Украины к Альянсу.

На этом фоне нельзя не отметить снижения объемов военно-технического сотрудничества Украины с Россией. Хотя Россия и остается главным партнером Украины в этой сфере, тем не менее за последнее десятилетие объем торговли оружием Украины с Россией снизился с 30-32% (2000-2002 гг.) до 20-24% (2007-2008 гг.), а в дальнейшем ожидается сокращение до 12%-15% от общих объемов. [Данные приведены по: Військово-технічне співробітництво в умовах глобалізації. — с.15]. Причем, как отмечают эксперты, происходит это сокращение во многом вследствие российской военно-стратегической политики.

В завершении своего выступления не могу чрезвычайно кратко не коснуться сферы гуманитарного сотрудничества. Сохранение единого информационного пространства России, Украины и Белоруссии представляется чрезвычайно важным для культурного и научного развития наших стран. И именно на это, как мне представляется, должны быть направлены основные усилия наших государств в этой сфере.

Таким образом, говорить о полноценном участии Украины в интеграционных проектах на постсоветском пространстве сегодня не приходится. Но задача состоит в выработке гибкой позиции, позволяющей Украине развивать и расширять сотрудничество на постсоветском пространстве без политической интеграции. И задача эта стоит не только перед Украиной, но и перед Россией и Белоруссией.

Оганесян А.Г.: Очень интересный доклад. Спасибо большое. Следующая тема «Трансформация парадигмы экономического взаи-

модействия между Россией, Белорусью и Украиной как императив вхождения в геоэкономику».

Новикова Ирина Васильевна

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории Академии управления при Президенте Республики Беларусь:

Глобализация мировой экономики, став объективной реальностью в XXI веке, определяет не только все мировые экономические процессы, но и все трансформации в национальных экономиках. Меняется роль государства, государственного регулирования и государственного взаимодействия между странами. Глобализация обуславливает необходимость трансформации сложившегося понимания не только роли государства и государственного регулирования, но самой парадигмы экономического взаимодействия между странами, складывающейся на протяжении нескольких столетий со времен заключения Вестфальского мира (1648 г.)

Как в XIX веке были страны позднего становления капитализма или формирования рыночных государственно оформленных систем (в частности, Германия), так в XXI веке существует огромная группа стран, пассивно при-

нимающих участие в процессах глобализации. Иначе говоря, эта группа – есть объект глобализации, но – не реальный субъект её. Сюда относится и Россия, и её ближайшие соседи – Беларусь и Украина.

Глобализация втягивает мировое хозяйство, совсем недавно понимаемое как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в рынок, в рыночную экономику. На этой основе происходит трансформация части национальных экономик во внешние экономики (через ТНК, региональные группировки, особые экономические и приграничные зоны, двухсторонние соглашения о свободной торговле, кластерно-сетевую регионализацию и др.). Далее, происходит отделение последних от национальных экономик и тесное переплетение этих секторов между собой как компонентов геоэкономики.

Результатом этих процессов будет являться создание единой мировой сетевой рыночной экономики и её инфраструктуры, разрушение национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков. А уже на этой основе будет происходить формирование геоэкономики – системы единого мирового сетевого хозяйства и его новой структуры. Элементами ее будут не национальные государства, а все те субъекты, которые, оторвавшись от национальных экономик, сформируют мировую сетевую экономику – ТНК, транснациональные банки, транснациональные страховые компании и те элементы, которые будут обслуживать мировой воспроизводственный процесс, безотносительно к стране происхождения – мировая информационная система, финансовая система. Сегодня направления глобализации – это транснационализация и регионализация. В этих условиях формируется т.н. внешняя экономика.

В этой ситуации вхождение в геоэкономику

требует не просто новых подходов во взаимодействии между странами-объектами глобализации, но смену всей парадигмы этого взаимодействия, для того чтобы поучаствовать в этом процессе в качестве субъектов.

Безусловно, процесс этот не одномоментный и достаточно длительный, идущий в контексте эволюции западных государственно оформленных рыночных систем. Ситуация усугубляется тем, что к 2015 г. мировая экономика должна войти в фазу спада «длинной волны». В этой ситуации весьма важно определить – какие производства потянут волну вверх, сконцентрировав усилия не просто на этих направлениях, но на направлениях определяющих глобальное развитие.

Сегодня необходимо изменить подходы к модели интеграционных процессов, которая была характерна для второй половины XX века. Встраивание в производственные системы ТНК предприятиями, по-видимому, невозможны по разным причинам в большинстве стран - бывших республик СССР. Тем не менее, если такая возможность существует, необходимо ее реализовать.

В индустриальную эпоху мировое сообщество освоило два способа координации: первый - рынок или рыночная координация, второй - иерархия или вертикальное управление.

Рыночная координация имеет место, когда рынок связан с более простыми несложными товарами. Дж.Гэлбрейт в 60-х гг. XX века писал, чем сложнее становится техника и технологии, тем фирма все более и более заинтересована в фиксировании кооперационных связей. В этой ситуации казалось, что мир движется к вертикальной жесткой интеграции.

Но со вступлением в постиндустриальную эпоху в XXI веке мировая экономика стала осваивать третий, гибридный вариант организации производства и управления, меняя свое привычное строение на кластерно-сетевое — гораздо более пластичное и одновременно более интегрированное. Причины перехода к кластерно-сетевой организации производства и управления: глобализация рынков и про-

изводственных систем; интеграция информационного и финансового пространства; мир уходит от любых иерархичных конструкций с замкнутым контуром и вертикальной субординацией, от власти государственной бюрократии и корпораций-гигантов; происходит вытеснение традиционной модели управления, построенной при наличии головного центра новым, сетевым механизмом достижения консенсуса, созданном на принципе «координации связей без иерархии»; использование высоких технологий, требующих глобальных рынков; меняется макроструктура национальных экономик (центр тяжести переносится на сферу услуг).

Таким образом, геоэкономика в своей основе имеет не только транснациональную сеть, а, прежде всего, кластерно-сетевую регионализацию. В этих условиях основная функция государства - создать условия равноправного вхождения в формирующуюся геоэкономику через процессы глобализации.

Участвовать в данных процессах пытается каждая страна. Но для участия «на равных» необходимо наличие, по меньшей мере, двух важных условий – открытости экономики и включение, «встраивание» в неё такого акселератора как инновационное развитие для обеспечения ее конкурентоспособности.

Открытость национальных экономик – это требование глобализации, без которого этого явления не может быть в принципе. В свою очередь открытость системы предполагает адаптацию ее структуры к внешней среде. Другими словами, национальная экономика должна быть конкурентоспособной, а ее структура – адекватна тенденциям и процессам, идущим в мировой экономической системе. Без структурных изменений в странах, участвующих в глобализации, не только экономический рост невозможен, невозможно будет сохранить и тот уровень экономического развития, а соответственно уровень жизни, который каждая страна достигла к данному моменту. Это - императив для любой экономики, интегрированной в систему миро-

вого хозяйства и участвующей в процессах глобализации. И это – первое условие для участия в них.

Бурное распространение кластеров в последнее десятилетие позволило выявить, что в основе их конкурентных преимуществ лежит сетевое партнерство государства, университетов (науки) и бизнеса, подпадающее под описание модели «тройной спирали» (Triple Helix Mode по Ицковицу Г.)

Структурные изменения в экономике происходят не «сами по себе». Сегодня это – результат инновационного развития промышленности. А последнее должно осуществляться как кластерно-сетевое сотрудничество между странами. И прежде всего, Россией, Украиной и Беларусью.

Тем более это актуально для стран, в макроструктуре которых промышленность занимает, если и не доминирующую, то значительную долю. К таким странам относятся и Республика Беларусь, и Россия, и Украина. Если в странах G-7 соотношение сферы услуг, промышленности и сельского хозяйства составляет следующую пропорцию: 70-80% : 19-29% : 1%, то по экспертным оценкам в нашей стране на долю промышленности приходится более 30% ВВП. Таким образом, для нас поиск механизма «запуска» инновационного развития, прежде всего, в промышленности, тем более в условиях большой экспортной составляющей в ВВП (более 60%), равносильно решению гамлетовского риторического вопроса «быть или не быть».

Для России эти показатели составляют примерно следующую пропорцию: 58% приходится на услуги, а 42% - на промышленность и сельское хозяйство. Так что новые подходы должны быть актуальны и для России.

Совершенно очевидно, что в XXI веке смогут занять достойное место в мировом сообществе только страны, идущие по пути инновационного развития, обеспечившие структурную перестройку и модернизацию экономики и на этой основе рост конкурентоспособности продукции. Инновационное раз-

витие экономики предполагает модернизацию, реинжиниринг экономических механизмов, и, прежде всего, на макроуровне. Не может быть одних и тех же механизмов на все времена. То, что было хорошо в административно-командной системе, не приемлемо для периода формирования рыночных отношений. То, что было хорошо для последнего, неприемлемо для инновационного развития.

Должна поменяться сама парадигма взаимодействия при региональной интеграции. Следует отходить от понимания интеграционных процессов XX века. Следует отойти от схемы регионализации XX века. Поменялась внешняя среда, формируется геоэкономика.

Сегодня государство должно помочь бизнесу сформировать мощных глобальных игроков, оперирующих, если и не на равных, то на приемлемых условиях, с субъектами мировой экономики. Государство должно способствовать не только их формированию, но и «выводу» на этот глобальный рынок в геоэкономику как равноправных субъектов. Современная роль государства в экономическом развитии заключается не в том, чтобы «зажимать», «контролировать и не пускать» национальные компании, а в том, чтобы содействовать, главным образом с помощью законодательных актов, формированию их внутренней бизнес-среды, создавать условия для инновационного развития. Это – во-первых.

Во-вторых, следует отметить, что огромная роль в этих процессах – процессах участия в глобализации принадлежит не только «встраиванию» наших компаний в действующие ТНК и ФПГ, но и интеграции регионов (через микрорегионализм – свободные экономические зоны, приграничные зоны, двухсторонние соглашения о свободной торговле).

Да и регионы могут интегрироваться через предприятия, находящиеся на их территории. В условиях глобализации речь следует вести не только об интеграции национальных экономик в целом (хотя это и желательно), но и об интеграции регионов как частей нацио-

нальной экономики. В связи с данным подходом возникает такая проблема как необходимость формирования территориальных производственно-технологических комплексов-кластеров, объединенных общей системой связей в сфере предложения и спроса, возможно с учетом факторов спроса и предложения на сопредельных с нами территориях. Это будет являться хорошей основой для обеспечения преимуществ и на этой основе привлечения иностранных инвестиций. Если ранее вопрос ставился о привлечении инвестиций на отдельные предприятия в регионах, то сегодня в связи с физическим и моральным износом оборудования на большинстве предприятий, вопрос следует ставить об интеграции частей предприятий (цехов, участков, производств и т.п.), которые еще соответствуют мировому уровню в производственно-сбытовые цепочки транснациональных корпораций. Для этого на тех предприятиях, которые еще в состоянии интегрироваться в производственно-технологические цепочки, необходимо провести технологический аудит.

Речь следует вести не о привлечении инвестиций на предприятия при условии сохранения численности работающих, социальной сферы. Следует искать новые пути интеграции в глобальную экономику через формирование своей внешней экономики.

Более того, в условиях необходимости участия в процессах глобализации следует не просто вписываться в технологические цепочки мировых растущих брендов, но и проводить политику на предприятиях регионов для установления связей между участвующими в производственно-сбытовых цепях компаниями, получающими иностранные инвестиции. Или иностранными компаниями, которые сами смогли бы, если и не проинвестировать предприятие, то обеспечить рынок сбыта для наших производителей.

Подробным путем идет уже «КБТЭМ-ОМО» (УП «КБТЭМ-ОМО») в составе Государственного научно-производственного объедине-

ния точного машиностроения "Планар («Planar Corporation»). УП «КБТЭМ-ОМО» является членом ряда международных организаций: Международное сообщество изготовителей полупроводникового оборудования и материалов; SPIE - The International Society of Optical Instruments Engineering (Международное общество по оптической технике). На предприятии были проведены работы по приведению системы менеджмента качества проектирования и разработки оптико-механического оборудования в соответствии с требованиями СТБ ИСО 9001-2001, а ее внедрение на предприятии были завершены в 2007 году. Это позволило расширить географию экспорта продукции. Сегодня она поставляется в Россию, Германию, Китай, Италию, Южную Корею, Мексику, Индию, Польшу, Тайвань, Израиль. Именно это предприятие имеет реальные шансы встроиться в производственно-сбытовые цепочки мировых лидеров в области высокоавтоматизированного высокоинтеллектуального специального технологического оборудования для производства микроэлектронных изделий. Переговоры ведутся с американской компанией «Applied materials».

Сегодня проводить интеграцию в геоэкономике необходимо, безусловно, через «встраивание» своих предприятий в глобальные производственно-технологические сети. Но при этом следует не забывать, что это только одно из направлений глобализации. Другое направление глобализации это – регионализация. Необходимо готовить приграничные регионы стран к процессам глобализации: способствовать созданию «критической массы» компаний, объединенных общей системой связей в сфере спроса и предложения («мини-кластеры») на территориях, включая и сопредельные территории, создавать условия по формированию территориальных комплексов, участвующих в производственно-сбытовых цепях иностранных (или может быть отечественных) компаний, получающих иностранные инвестиции, готовить социаль-

ную сферу, которая обеспечивала бы стабильность в регионах.

Таким образом, парадигма экономического взаимодействия между странами, которые хотят интегрироваться в геэкономику через процессы глобализации, меняется. Необходимо интегрировать (формировать и развивать) на микроуровне высокотехнологические производства, объединяя инновационные системы интегрирующихся стран и формируя глобальных игроков на новом технологическом укладе. В этой связи следует заметить, что необходимо формировать общий для стран Россия-Беларусь-Украина «инновационный лифт». Через создание инновационно-технологических кластеров и совместных исследований попытаться прорваться в геэкономику. Ускорить интеграцию приграничных регионов (особенно это касается европейского направления) на базе создания не логистических центров или городов. Но логистических регионов. Возможно создание логистического пояса, в который войдут не только российские, белорусские предприятия, но и предприятия Литвы, Латвии, Украины, Эстонии. Это позволит приблизить европейские рынки к российским и китайским. Способствовать созданию производственно-технологических кластеров на сопредельных территориях.

Парадигма политической интеграции без экономической подоплеки, учета современных тенденций глобализации и движения мировой экономики к геэкономике бесперспективно.

Оганесян А.Г.: Спасибо большое! Нам как раз не хватало такого макровзгляда. Были даже высказаны некоторые конкретные пожелания.

Новикова И.В.: Я хочу сказать, что американцы как раз очень боятся этого. Когда в прошлом году я выступала в Сеуле (там у меня был немного другой доклад), американцы, присутствующие там, сказали, что нам это незачем.

Оганесян А.Г.: Спасибо большое, что Вы представили такие разноуровневые возможности нашей интеграции. Конечно, мы должны

для себя отчетливо понимать, что то, что здесь представлено, это такой своеобразный сегодняшний статус-кво. На самом деле, у меня было такое ощущение в Белграде, когда очень уговаривали партнеров, Сербию в частности, входить в Евросоюз, представляя это как единственный путь развития Сербии и балканских стран, особенно юго-западной части. И только один профессор Загребского университета Хорватии сказал: «О чем мы тут говорим – «большой партнер». И когда говорят, что наши лидеры едут в Вашингтон, мне становится смешно. Не бывает стратегического партнерства между слабым и сильным, бедным и богатым. А вот попасть в объятия Брюсселя вместо объятий Москвы, как мы говорим, это меньше всего, о чем бы мечтал. А второе, что он сказал, зовут вступить в Евросоюз, а Евросоюз находится в кризисе. Об этом кризисе никто не говорит, все зовут куда-то, что само по себе шатается и находится в турбулентной зоне и вообще еще неизвестно, как из этой зоны все это будет выходить.

Мой первый в связи с этим к Вам вопрос. Те возможности, которые сейчас открылись под влиянием кризиса и под влиянием трансформации развития, конечно. Как нам на это реагировать, чтобы знать и чтобы впрыгнуть в поезд, не который остановился перед нами на остановке, и нам говорят: «Заходите пожалуйста, друзья!». А который мчится на большой скорости, и который требует каких-то, условно говоря, технологий «впрыгивания».

Вы знаете, есть такая экономическая школа, которая, отталкиваясь от либеральной, является антилиберальной и говорит, что еще парочка таких кризисов и с глобализацией можно распрощаться. Как бы нам не впрыгнуть в поезд, который несется в пропасть. Это еще тоже вопрос. Но Вы совершенно правы, как сказал классик: «Ленивый - нелюбопытный». Тем не менее, как же нам использовать энергию и силу того процесса, который не мы сами зародили. Мне было так смешно, когда я задал вопрос Караганову, и он сказал, что Россия в «глобализирующемся» состоянии. Такое

впечатление, что как бульон закипел и из него вышел такой дядя разудалый под названием «глобализация». У глобализации свои субъекты были, и Вы это хорошо отразили сегодня в своем докладе.

Новикова И.В.: Да, этот процесс объективный, но его поддерживают американцы.

Оганесян А.Г.: То есть это субъективный процесс. Хотелось бы немножко об этом, о Вашей модели видения будущего (кластерно-сетевая модель), и как нам к ней приспособиться. И несколько слов об интеграции России, Украины и Белоруссии. И как бы Вы отнеслись к замене этого слова на понятие «кооперация, сотрудничество» вместо интеграции.

Новикова И.В.: Абсолютно правильно здесь говорилось о кооперации, но кластерно-сетевая интеграция - это модель, которую предложил чисто теоретически Ицкович (я читала на английском языке его работы). Он, кстати, был в России, выступал у вас. И они развивают научные центры, но как мы привыкли, научные центры, у них не существуют (отдельно научный институт, отдельно университет, отдельно государство). Они связали это вместе. Они пытаются связать все вместе. Если даже говорить не об Америке, я вижу, как мы должны сотрудничать. Предположим, Сколково – это своего рода российский кластер. Существует ряд структур в Томске, Новосибирске, которые работают в связке с этим кластером. Почему не подсоединить сюда научные центры и работать вместе. То есть будет существовать один инновационный центр, на который будут работать и украинские, и белорусские разработчики. И одновременно пусть государство не решает (если кто-то не хочет интегрироваться – ради бога), пусть государство поддержит эти инновационные проекты. Дело в том, что эта сеть (мы ее уже не остановим) - это субъективный процесс. Например, в скандинавских странах, где я была на одной из конференций, говорилось о том, что там все уже сетями покрыто. И было даже предложение России через Скандинавию

динавию поучаствовать в этой интеграции.

Я предлагаю другую модель. Почему не может Украина? Ведь сохранились еще старые научные школы. Сохранилась неплохая подготовка кадров, да, она разломана, но что-то можно восстановить. И главное, интерес государства должен поддерживать это. Через инновации мы пойдем в мировую экономику. Мне очень часто задают вопрос – как без суверенитета? Я говорю на это так, предположим, Киевская область в Украине или Новосибирская область в России, или наша белорусская Гомельская область, они что просят суверенитета? Точно так же государства должны выполнять совершенно иную функцию, в условиях, когда идет прорыв в информационную и инновационную экономику. То есть поддерживать инновации. В противном случае мы просто туда не попадем. Можно, конечно, отгородиться от всего мира, но мы получим Северную Корею.

Оганесян А.Г.: Одно маленькое опасение. Может охватить собой это движение (инновационный межгосударственный кластер на базе каких-то передовых технологий, производства, научных школ и т.д.) миллион людей?

И второе, не слишком ли это узкая база для интеграции? А промышленность и этот сектор?

Новикова И.В.: Нет-нет. Наоборот, здесь не только инновационный сектор, здесь такая тройная спираль, она очень похожа на ДНК-спираль. У Ицковица нарисована очень хорошая модель. Там же бизнес привязывается. Кто же будет производить, то, что создали ученые? Наш бизнес же, как привык – дайте разработку или возможность купить разработку. А предлагается модель бизнеса, с функциями не только бизнеса, но и научного разработчика. Бизнес должен участвовать в связке с университетами. А государство должно, например, если сейчас понадобилась аренда – выкупить площади для чего-то (это головная боль). Только если существует кластер, и понадобилось что-то, государство тут должно поддерживать. Государство должно

оказывать всяческое влияние и, таким образом, тянутся целые территории. Вот почему и Сколково стали создавать – было подсчитано, что на сырьевом секторе Россия может прокормить только 30 миллионов населения, то есть практически третью или четвертую часть всего населения. И поэтому, несмотря на то, что Россия богата и сырье есть, поэтому и решили ориентироваться на инновационную экономику, потому что она должна потянуть за собой инфраструктуру.

Оганесян А.Г.: Последнее, уточняющий вопрос, который связан с тем, о чем Вы говорите. Может быть ситуация иная в Белоруссии и Украине? Я хотел бы с ним так же обратиться к нашим коллегам. В том то и беда, и головная боль российского государства, в лучших ее представителях, что бизнес у нас крайне инертный. И его творческую энергию давно пора освободить, и бизнес не берет деньги под новые технологии. Они лежат, но никто не берет и не делает заявок, почему и сырьевые деньги во многих программах возвращаются в бюджет. Может быть, у Белоруссии и Украины бизнес гораздо более активен по части введения новых технологий. Инновационный процесс не запустишь без интереса предпринимателя. В этом проблема, в которую все упирается в России. Может быть, в Белоруссии и Украине картина иная?

Новикова И.В.: Вы знаете, почему у вас в России, насколько мне кажется, слишком много ниш пока еще там, где можно много заработать, не вкладываясь. Если наш бизнес не будет вкладывать, все это перекупят американцы. Когда они ваше Сколково смотрели, знаете, они говорили: «А пусть создадут, как только появится толковое изобретение, мы его перекупим». Чисто американский подход. Не обязательно делить прибыль по долям. Государство дает и говорит, что в течение трех лет надо коммерциализировать эту разработку. Если в течение трех лет она не запустилась в оборот, не коммерциализировалась, не создала новые рабочие места (это, кстати, очень хорошая логика – создаются рабочие места), вот

тогда государство не забирает, но делится по долям.

Оганесян А.Г.: А если это три государства? Если это Белоруссия, Украина, Россия – как они между собой поделят?

Новикова И.В.: Так же и три могут поделить. Я считаю, это чисто техническим вопросом, особенно насчет государств. Государство создано для нормального общества, для развития экономики. Если с помощью открытия, которое сделано и финансировалось тремя государствами, создано, например, миллион рабочих мест, они что будут требовать деньги обратно? Это пойдут налоги. Но у нас нет законодательства. Вот почему я привела пример законодательства американского, оно отдает, государство не заинтересовано забрать себе, а заинтересовано, чтобы пошли рабочие места и налоги – все.

Оганесян А.Г.: Спасибо, Ирина Васильевна! Ваш интереснейший доклад спровоцировал такую хорошую дискуссию. Я считаю, что надо будет разрабатывать законодательство, на основе которого страны будут решать это. Тема следующего доклада: «Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина на пути к Евразийскому союзу».

Максименко В.И.: Я хотел бы относительно этого доклада высказать свои соображения. Лет 10 назад, когда слово «глобализация» становилось чем-то вроде заклинания, я попробовал разобраться для себя, откуда же оно вдруг взялось. Потому что еще в середине 90-х гг. никто в мире не знал, что такое глобализация и слова этого не было, я уверяю вас. Хотя процессы, о которых говорила Ирина Васильевна, проходили и протекали и раньше. Слово «глобализация», которое приобрело потом статус термина, было брошено и родилось в Давосе на известном экономическом форуме в 1996 году. А дальше пошла всемирная операция по внедрению этого термина в общественное сознание, в научный дискурс, в политические круги. Значит ли это, что я допустил бы такую неосторожность, что стал бы отрицать процессы, объективно даю-

щие обоснования для их обозначения словом глобализация. Нет, конечно. Употреблять термин «глобализация» без грамматического приложения - полная бессмыслица. Американцы, как вы правильно сказали, это делают, но это делается в рамках глобалистского идеологического дискурса. А если мы зададимся вопросом, глобализация чего в действительности имеет место, то мы выйдем на ограниченный по своей природе ответ. Имеет место то, что исследователь Кеннеди (не президент) называл информационно-финансовой глобализацией. Вы об этом сказали. Имеет место глобализация процессов передачи данных. Имеет место глобализация движения финансовых средств. Имеет место еще, на мой взгляд, глобализация средств массового уничтожения. И глобализация некоторых (но далеко не всех) товарных рынков. Я говорю о том, что неамериканским ученым и ученым неамериканской научной культуры надо быть осторожнее, придирчивее и скептически в отношении рамок употребления этого термина. Второе, мне представляется, что тезис о том, что роль государств в международных отношениях будет падать и сходиться на «нет», он недоказуем. Я тоже отношу это насчет идеологической пропаганды.

Вы еще упомянули «восточное партнерство», это свежая тема. В Варшаве недавно пошла сходка (у нас здесь сидит специалист по «восточному партнерству» Владислав Гулевич, который недавно опубликовал у нас на сайте несколько хороших статей по этой теме). Я хочу сказать, что «восточное партнерство» никого и ничего не подтягивает к себе по той простой причине, что задуманное в Брюсселе как проект отсечения от РФ трех восточноевропейских и трех закавказских государств. «Восточное партнерство» (а Брюссель не мог предложить ничего практически значимого) стало разваливаться на глазах. И как пять государств постсоветских отреагировали на попытку заклеить Белоруссию в Варшаве. Вы знаете лучше меня. Они единогласно - от Грузии с Саакашвили до Белоруссии с Лука-

шенко - отказались подписать.

Последнее, насчет Сколково и москвичей (я москвич). Люди, которые побывали в Сколково, имеют разные представления. Мы все были поражены, что все надписи на всех кабинетах, залах конференций, помещениях и даже на туалетах, сделаны на английском языке. У меня вопрос – для кого создается Сколково?

Новикова И.В.: Насчет термина «глобализация» не соглашусь. Впервые в оборот (у меня есть доказательства) в 1980 году вышла статья профессора Гарвардского университета Теодора Левита. Не помню, как она называлась, но там впервые был употреблен этот термин «глобализация» и эпиграф у статьи был очень хороший: «американские компании так должны научиться оперировать на мировом рынке, как если бы они работали дома». То есть американцы поняли, что этот процесс не остановить, и они решили возглавить его. И Рейган когда пришел, почему его они по сей день любят, потому что он стал проламывать интересы своих транснациональных компаний за рубежом. Это абсолютно правильно. То есть против объективного процесса, который они не могут преодолеть. Но не только американцы проводят подобные компании. Американские компании очень сильно потеснены последние 10 лет. Более того, если посмотреть на прямые иностранные инвестиции, то в начале 2000-х годов американцы притягивали 25% мировых инвестиций, то сейчас только 20%. Поэтому говорить о том, что проект американский и создан в Давосе, я не совсем с этим согласна. 1980 год – термин использован впервые. Я встречала работы со ссылками, что в 1972 году этот термин уже использовался. Если же говорить как о явлении, когда оно возникло, тоже могу вам сказать – во второй половине 1950-х гг., когда США приняли закон «О полной конвертации по платежному балансу». И два ученых (американец и англичанин) в 1960-х гг. увидели, что потоки денежные движутся быстрее, чем товарные потоки, то есть стали возникать

транснациональные корпорации. На чем выросли Южная Корея, Сингапур, Гонконг, потом позже Новая Зеландия? Они выросли на том, что в них стали эти крупные компании из развитых стран вкладывать средства. Почему они стали вкладывать, потому что там запутанная налоговая система, большие налоги, экологическое законодательство, трудовое законодательство - очень сложное. Они стали выходить в те страны, и, таким образом, начался процесс глобализации. С этой точки зрения он объективен, потому что деньги ищут, где прибыль.

Гаврилечко Ю.В.: Вы спрашивали насчет того, как в Украине. Инновация в Украине - это новый способ, как украсть деньги из бюджета. Это единственное, что в Украине подразумевается под инновациями. На сегодняшний момент у нас есть целое Агентство по инновациям и инвестициям, которое переваривает больше миллиарда бюджетных денег. На самом деле, это просто утилизация бюджетных денег, больше ничего; никаких проектов, ничего не создается и никак не кластируется. Это, к сожалению, реальность. Все идет в карман.

Следующий момент - насчет приватизации. Как я уже говорил в своем докладе, приватизация - самый худший способ что-либо улучшить или получить прибыль в наших условиях. Первое, государство никак не гарантирует, что то, что приватизировано, у тебя останется навсегда. Поэтому любой нормальный бизнесмен, что-нибудь купив или получив в виде каких-то бонусов, чтобы нормально и быстро обеспечить оперативную ликвидность этого, не будет никуда встраиваться, модернизировать. Единственный способ, чтобы какие-то инновации заработали - это нанимать директоров на работу, чтобы их единственным способом заработка было запустить что-то в производство.

Кирюхин Д.И.: Я хотел бы развеять мрачный тон своего коллеги. Да, конечно, у нас в Украине есть существенные проблемы, но не все, на самом деле, так плохо. Тот же недавно

существовавший Индустриальный союз Донбасса до кризиса сумел полностью модернизировать все свое металлургическое производство на более энергоэффективное. Сейчас активно развиваются проекты по развитию солнечных батарей - как раз в Крыму строятся эти предприятия, в которые вкладываются мощные финансовые ресурсы. Есть проблема в том, что вместо инноваций существует приоритет получения прибыли сейчас, а дальше - хоть трава не расти. Но есть объективные обстоятельства, в том числе, и повышение цен на газ для Украины со стороны России, в этом смысле спасибо вам, это заставляет думать, как нам быть, чтобы выживать дальше, как же нам самих себя модернизировать.

Оганесян А.Г.: Спасибо! Надо отдавать себе отчет в том, что если мы, научное сообщество, не будем представлять себе идеальных моделей, а будем исходить только из эмпирической данности, тогда нам здесь не надо собираться. Критические замечания тоже необходимы, но только в единстве противоречий и противоположностей мы можем к чему-то выйти. Мы говорим о гражданском обществе. Гражданское общество сейчас становится зреее. Оно вооружается всей этой энергией критики не уличной, а именно той, которая начинает бороться с этой. И их, конечно, надо начинать снизу подталкивать и даже воспитывать. Это процесс очень простой. Но, не имея идеальных моделей и идеальных подходов, мы исходим из той реальности, которая наплодилась в последнее время. Поэтому все очень хорошо, и я очень рад такому представлению Ирины Васильевны Новиковой. Я во многом с ней согласен. И благодарен тем, кто увидел там уязвимость со стороны наличной реальности, но одно другого не исключает. Наоборот, будем идеалистами, а иначе нам нечего собственно делать. Следующий доклад на тему «Евразийский союз и историческая Россия».

Максименко Владимир Ильич

**Кандидат исторических наук,
генеральный директор аналитического центра Фонда стратегической культуры:**

В статье В.Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» намечена траектория поступательного движения по четырём точкам: Таможенный союз – Единое экономическое пространство – Евразийский экономический союз – Евразийский союз. Это определённая логическая линия исторического развития, и здесь речь идёт не о нескольких автономных проектах, а о едином проекте - о превращении интеграции стран бывшего СССР в «понятный, привлекательный для граждан и бизнеса устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры».

Можно предположить, что выдвижение такого проекта в условиях 2011 года во многом обусловлено объективными обстоятельствами внешнего характера: мировой финансово-экономический кризис, диктующий сложение сил в борьбе с кризисными тенденциями; стремительное обострение международной напряжённости под влиянием событий на Ближнем Востоке... Однако я бы не сводил

логику появления «евразийского проекта Путина» к факторам внешних влияний. Речь идёт, как мне представляется, ещё и о сознательном политическом выборе. Позволю заметить, что от постоянства этого выбора, от его неконъюнктурного характера напрямую зависит судьба десятков миллионов людей в полутора десятках признанных и ещё нескольких непризнанных государств, зависит судьба общего наследия поколений наших отцов.

Итак - «новый интеграционный проект для Евразии». Однако Евразия велика. У того же Бжезинского с его геостратегическими играми Евразия изображена в виде «Великой шахматной доски», на которой некий игрок, находящийся вне пределов Великого континента, передвигает фигуры и пешки (государства, государственных деятелей), как ему заблагорассудится. В нашем же случае речь идёт о судьбе постсоветской Евразии. Её расхожее обозначение - «постсоветское пространство». Сразу скажу: термин этот, хотя он и стал чем-то вроде речевого тика, - довольно странный, неудачный и дезориентирующий.

С одной стороны, вроде всё верно: сама по себе потребность языка использовать применительно к полутора десяткам государств объединяющее их выражение «постсоветское пространство» указывает на общность, сохранившуюся и 20 лет спустя после того, как наше общее отечество начали резать на куски государственными границами, структурами, непонятно кому принадлежащей собственности, а также – мощными операциями информационной войны, призванными лишить наши народы общего прошлого (упразднить понятие «Отечественная война» применительно к войне 1941-1945 гг. и т.д.). А с другой стороны, термин «постсоветское пространство» загоняет сознание в языковую ловушку. Пресловутое «пост» указывает на нечто неопределённое, чему и имени-то нет, но с чем приходится иметь дело после того как ликвидирован ключевой геополитический фактор в Евразии (Маккиндер сказал бы: разрушена «материковая сердцевина мира») – после того,

как перестало существовать государство, исторические освоившее это пространство и свободно вмещавшееся в его границы. Если угодно, этот термин-суррогат, «постсоветское пространство», - другое наименование того, что Бжезинский предложил считать «геополитическим вакуумом» или «чёрной дырой». Если мы, граждане стран бывшего СССР, не хотим числить себя обитателями «чёрной дыры», то мы должны со всей определённой признательностью признать очевиднейшую вещь, и именно: так называемое «постсоветское пространство» - это единое, внутренне связанное культурно-историческое пространство взаимодействия народа, власти и территории, в котором возводилось и существовало тысячелетнее здание российской государственности. И строилось это здание не кем-то, а людьми, с которыми мы, ныне живущие, связаны бесчисленными нитями - родовой памятью, преемственностью культуры, а кто-то ещё и узами духовной верности. Это здание ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ.

Сегодня понятие «историческая Россия» всё больше входит в обиход. В середине октября 2011 года, в Москве прошла рабочая конференция движения «Интернациональная Россия», где были приняты программные тезисы, носящие многоговорящее название «Воссоединение разделённого народа исторической России». Об исторической России говорит сегодня Патриарх Кирилл, говорит и пишет Наталья Нарочницкая и многие другие.

Что касается смысла, который несёт в себе понятие исторической России, то он нуждается в принципиально важном уточнении. «Историческая» - не в том вульгарном смысле, что когда-то существовавшая, а потом исчезнувшая, канувшая в небытие. Историческая Россия - это Россия, набравшая мощную инерцию движения во времени и пространстве благодаря созидательному труду, войнам, духовному подвигу многих поколений народа. Эта инерция движения сквозь века обладает такой силой, что ни территориальные утраты, ни смена политических режимов, ни разброд

«Смутного времени» и поныне не в состоянии отменить факт существования феномена исторической России. «Потеряться», стать прошлым, которого уже нет, историческая Россия сможет только тогда, когда её образ будет вытеснен из сознания последнего русского.

Сегодня историческая Россия существует абсолютно реально и зримо, по крайней мере, в трёх измерениях, трёх сферах жизни:

1) в культурной сфере доминирования русского языка как языка международного общения для десятков народов постсоветской Евразии;

2) в материальной сфере железнодорожных, трубопроводных, речных и иных коммуникаций, скрепляющих территорию одной шестой части земной суши;

3) в духовной сфере единства канонической территории Русской Православной Церкви.

Само собой разумеется, что, говоря об исторической России, мы подразумеваем: главную государствообразующую роль в её созидании и развитии всегда играли русские. Говорить о русских как о государствообразующем народе надо прямо, открыто, без политкорректных ужимок и ничего не объясняющих ссылок на пресловутую «многонациональность». Да, Россию населяют многие народы, на протяжении веков Российское государство обеспечивало этим народам чувство безопасности жизни, однако ткань Русской цивилизации и костяк Российской государственности образованы русским народом. Настаивать на этом очевидном факте приходится лишь потому, что предпринимаются невероятные усилия, направленные на то, чтобы скрыть этот факт, вытеснить его из сознания.

Здесь я хочу сделать одно немаловажное уточнение.

Сто с лишним лет назад Пётр Аркадьевич Столыпин говорил о том, что нашей стране необходимо правительство «стойкое и чисто русское», что любые, в том числе самые глубокие преобразования в стране должны неуклонно проводиться на основе «русских национальных начал». Однако надо заметить,

что само понятие «русскости» во времена Столыпина и в наши дни имеет существенно разный смысл. До того разный, что порой приходится слышать: русские сегодня – это уже «не тот» народ, уже «другой народ» по сравнению с тем, какой жил 100 лет назад.

Я хочу согласиться и не согласиться с этим. Русскость во времена Столыпина существовала, прежде всего, на вероисповедной и верноподданнической основе, а также в какой-то, наверное, мере на основе начал земского самоуправления. То есть, так или иначе русскость имела сверх-этническую природу – и этим была крепка. Русскость сегодня в условиях сохранения и укрепления такого советского анахронизма, как наличие в республиканском государстве «Российская Федерация», возглавляемом президентом, ещё доброй дюжины республик со своими президентами, имеет преимущественно этническую природу.

Тем не менее, мы не должны доводить тезис о

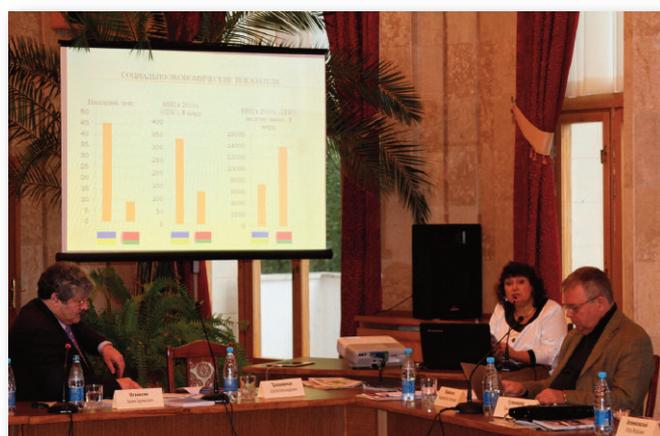
том, что, мол, «народ нынче не тот», до полного отрицания нашей преемственной связи с Россией Столыпина и с Россией Сталина, с Россией Сергея Радонежского и с Россией Петра Великого.

Не будет ощущения прочности этой преемственной связи – нечего будет и интегрировать в Российском геополитическом пространстве. И тогда это пространство действительно примет очертания «чёрной дыры» с хаотическими перемещениями потерявшей ориентировки человеческой массы.

А правящие и господствующие группы в новых независимых государствах постсоветского мира, привычно именуемые «элитами», пойдут тогда в распыл, экспроприированные по отдельности - в одном постсоветском государстве за другим - «большими семьями» глобальной финансовой олигархии.

Проект Евразийского союза – это и есть то, что может позволить нам избежать подобной участи.

Сессия 2. Черноморский регион: составляющие сотрудничества

Языкова

Алла Алексеевна

руководитель Центра по исследованию проблем Средиземноморья и Черноморья Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник института международных экономических и политических исследований РАН, политолог (Россия):

Тема моего доклада «Россия – Украина: перспективы и проблемы сотрудничества в регионе Черного моря». Для определения перспектив и проблем регионального сотрудничества России и Украины, сохранивших после распада СССР статус ведущих держав Причерноморья, необходим реальный учет сложившегося в этом регионе соотношения внутренних и внешних сил. Когда-то относительно спокойный и в известной мере периферийный регион Черного моря за истекшие

два десятилетия стал перекрестком многосторонних противоречий и геополитического соперничества с участием не только причерноморских стран, но и ведущих европейских и мировых держав. Особую роль в этом сыграло открытие альтернативных Персидскому заливу месторождений нефти и газа на шельфе Каспия, что привело к вторжению в каспийско-черноморское геополитическое пространство крупных внешних игроков, прежде всего Соединенных Штатов, НАТО и Евросоюза. Они заинтересованы не только в создании альтернативных путей транспортировки каспийских энергоресурсов, но и в предотвращении того, чтобы Россия доминировала на геополитическом пространстве Черноморья, а в ее отношениях с Украиной не складывался консенсус по представляющим взаимный интерес вопросам.

Здесь важно указать на то, что Черное море является одним из немногих морей, куда практически закрыт доступ для ВМС Соединенных Штатов. Согласно официальным заявлениям американских политиков, стратегической целью США стало «заполнение возникшего в Причерноморье после окончания холодной войны военно-политического вакуума евро-атлантической составляющей». Практическим шагом на этом направлении стало создание в конце 1990-х годов в составе Совета национальной безопасности при президенте США должности специального советника по проблемам Черноморско-Каспийского региона, а в составе ЦРУ – оперативного подразделения по отслеживанию политических процессов в причерноморских странах.

Геополитическая ситуация в Черноморском регионе претерпела дальнейшие изменения после российско-грузинского конфликта ав-

густа 2008 года, в ходе которого возросла напряженность между США и Россией, военные флотилии которых оказались в дни конфликта на опасно близком расстоянии. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не только надолго заморозило российско-грузинские контакты, но и усложнило развитие отношений России с рядом причерноморских государств. В частности, в сентябре 2008 г. в Киеве было принято политическое решение о возможности вступления Украины в НАТО. В этих условиях, несмотря на объявленную администрацией Барака Обамы «перезагрузку» отношений с Россией, появились дополнительные возможности для продвижения в регион США и Евросоюза.

Американские военные базы появились в Румынии и Болгарии еще в 2005 г., при этом президент Румынии Траян Бээску прямо аргументировал подписание соглашения о создании четырех американских военных баз в Констанце необходимостью «стратегически уравновесить позиции России на Черном море». Тем самым был укреплен черноморский фланг НАТО, членами которого к этому времени, наряду с Турцией, уже были Румыния и Болгария. Был также создан известный противовес отношениям США с Турцией, подчас проявлявшей известную самостоятельность в вопросах внешней политики.

Дальнейшему укреплению позиций Соединенных Штатов способствовал согласованный с Румынией проект размещения ПРО США на ее территории, что не могло не вызвать обеспокоенности близлежащих государств – не только России, но и Украины и Молдовы, периодически подвергающихся политическому прессингу со стороны Румынии. В целом же стратегическая линия Соединенных Штатов на Черном море на протяжении ряда лет сохраняла рудименты холодной войны, хотя нельзя не заметить, что администрация Барака Обамы подходит к проблемам Причерноморья с учетом более широкого понимания американских внешнеполитических

задач на Ближнем и Среднем Востоке.

Что же касается Европейского союза, то он достаточно долго не проявлял интереса к Черноморскому региону, и только в ноябре 1997 г. появился первый документ – «Заявление Еврокомиссии по региональному сотрудничеству в районе Черного моря». После вступления Румынии и Болгарии в ЕС (2007 г.) возможности политики Евросоюза в регионе существенно расширились и были выдвинуты специальные проекты регионального сотрудничества – Черноморская Синергия и Восточное партнерство.

Но наиболее существенным шагом стало принятие Европарламентом Резолюции от 20 января 2011 года, определившей основные параметры стратегии ЕС на Черном море. В тексте резолюции прямо указывалось, что Черноморский регион имеет «стратегическое значение для ЕС», а Черное море «частично является внутренним морем Евросоюза, а географически, в основном, европейским морем, в результате чего у ЕС и стран региона есть общие сложные задачи и возможности». В резолюции также было указано на необходимость выработки Совместной операционной программы для бассейна Черного моря, а также выделить конкретную строку бюджета для Черноморской стратегии.

Выдвинутые Европарламентом положения были конкретизированы в представленном на осеннюю сессию Европарламента 2011 г. докладе депутата Илианы Йотовой (Болгария) по развитию рыболовства в Черном море. В документе представлен более широкий круг проблем – загрязнение и оскудение морской флоры и фауны, недостаточное внимание, а порой и полное отсутствие взаимодействия в решении экологических аспектов сотрудничества, что наносит непоправимый ущерб рыбному хозяйству. Решение этих и других проблем было предложено через адаптацию законов стран Черного моря к нормам Евросоюза, а координация действий на этом направлении – возложена на Болгарию и Румынию.

В разработанных Евросоюзом документах и программах не отводится должного внимания существующей уже на протяжении двух десятилетий Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), неоднократно предлагавшей Евросоюзу сотрудничество в рамках совместных проектов, преимущественно в экономической сфере, в том случае, если бы ОЧЭС была предложена роль равноправного партнера, а не объекта региональной политики ЕС. На этом направлении в предшествующие годы был достигнут компромисс: взаимное одобрение конкретных проектов, преимущественно в экономической сфере. Однако последующие шаги ЕС, в частности, принятие программы Восточное партнерство притормозило развитие сотрудничества ЕС – ОЧЭС, исключив Россию из сферы регионального взаимодействия. В рамках ОЧЭС Россия на протяжении последних двух десятилетий сотрудничает с Турцией, наиболее радикальные изменения в политике которой после окончания холодной войны коснулись именно бассейна Черного моря. Президент Турции Тургут Озал в 1991 г. стал инициатором расширения рамок черноморского экономического сотрудничества. А в 1998 г. Турция предложила идею формирования многонациональных военно-морских сил с участием всех прибрежных государств. В апреле 2001 г. было подписано соглашение о создании Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR), для сего впервые в истории Черноморского региона собрались вместе представители всех черноморских государств. А в марте 2004 г. Россия и Украина стали официальными участниками предложенной Турцией операции «Черноморская гармония». Наконец, во время августовской войны 2008 г. Турция не пошла на нарушение Конвенции в Монре, использовав свои права хранителя Конвенции и не пропустив в акваторию Черного моря крупнотоннажные американские крейсера. Несмотря на наличие ряда спорных проблем, отношения Турции с Россией развиваются по

восходящей как в экономической, так и в политической сферах. И, пожалуй, одним из главных вопросов, по которым их позиции в значительной степени сходятся, стало их нежелание «превращать Черное море в новую сферу борьбы крупных держав». На это, в частности, указывал турецкий исследователь Фатих Озбай.

Нельзя тем не менее недоучитывать и того, что после распада СССР военно-морские силы России сократились, в то время как Турция стала обладателем самого крупного на Черном море военно-морского флота. Помимо сильной корабельной группировки, Турция располагает 13-ю подводными лодками германской постройки, в то время как Россия имеет в составе ЧФ одну боееспособную подводную лодку.

В ближайшей и среднесрочной перспективе важным геополитическим фактором в Черноморском регионе могла бы стать Украина. После августа 2008 г. она сохранила позитивные отношения с Грузией, отказавшись от признания Абхазии и Южной Осетии, а в декабре 2008 г. подписала наряду с Грузией Хартию о стратегическом партнерстве с США. В рамках ГУАМ Украина сотрудничает также с Азербайджаном и Молдовой, что не мешает ей поддерживать деловые и добрососедские отношения с Россией.

В то же время наибольшие сложности возникают в отношениях Украины с Румынией из-за заявляемых румынским президентом претензий на территории части Одесской и Черновицкой областей и противоречащей украинскому законодательству раздачи их гражданам румынских паспортов. В пользу Румынии был также решен международный спор по поводу острова Змеиный, на шельфе которого обнаружены потенциальные источники разработки нефтегазовых месторождений.

Еще один источник потенциальной нестабильности – радикализация движений крымских татар, находящих поддержку исламских организаций Турции, а в последнее время и

Северного Кавказа.

В системе безопасности Черноморского региона Крымский полуостров занимает особое место и по ряду других причин. Здесь сконцентрировано русскоговорящее население, от настроений которого в известной мере зависят отношения с Россией. Наконец, в Севастополе базируется российский Черноморский флот, бывший до подписания в 2010 г. соглашения о его длительном базировании предметом постоянных споров между Россией и Украиной.

И дело здесь не только в исторических традициях, хотя и они постоянно находятся в поле зрения российской общественности самых различных политических ориентаций. Несмотря на его кризисное состояние, Черноморский флот способствует поддержанию баланса военно-морских сил в регионе и за его пределами, периодически участвуя в программах BLACKSEAFOR, Sea Breeze, а также в антитеррористической операции «Активные усилия» НАТО на Средиземном море и российско-итальянских военно-морских учениях. Возвращаясь к более общим проблемам сотрудничества России и Украины в регионе Черного моря, нельзя не напомнить, что принятые в рамках «Стратегии ЕС в отношении Черного моря» документы оставляют вне рамок региональных инфраструктурных проектов не только Россию, но и Украину, хотя она имеет на Черном море самую протяженную прибрежную линию, на которой расположены 19 портов. Евросоюз заявил о своем намерении развивать черноморские и дунайские порты Румынии (Констанца, Тулча, Галац и Брэила), а также болгарские (Варна и Бургас), оставив Украину в стороне, что впоследствии может привести к переориентации товаропотоков в пользу Румынии и Болгарии. В то же время в сохранении и упрочении потенциала украинских портов заинтересована Россия, и российско-украинское сотрудничество в этом вопросе может принести дивиденды обеим странам и упрочить их позиции на пространстве Черного моря.

Нельзя не упомянуть и о том, что России и Украине необходимо предпринять меры по предотвращению дальнейшего загрязнения акватории Черного моря. По данным Института океанологии РАН, с помощью методов космического наблюдения на Черном море были обнаружены масштабные разливы нефтепродуктов как следствие технических сбросов танкеров. Эти и многие другие проблемы экологии Черного моря необходимо решать в сотрудничестве со всеми прибрежными странами.

Чем же, в конечном итоге, станет Большое Причерноморье – сферой регионального сотрудничества или ареной противоборства внутренних и внешних сил? Чье присутствие в регионе Черного моря станет в ближайшие десятилетия доминирующим? О чем смогут договориться Украина и Россия?

Ответы на эти вопросы пока не найдены, и ситуацию трудно прогнозировать, если вспомнить стремительное развитие событий на протяжении последних двух десятилетий. Нельзя не заметить, что ключевым компонентом стратегии стабильности должно стать встречное движение на всех упомянутых направлениях, равно как и уважение законных прав всех государств региона. С этим согласны и участники созданной в 2009 г. международной Черноморской комиссии, указывающие на то, что попытки односторонне привязать регион к Западу могут спровоцировать нежелательную конфронтацию. В подготовленном Комиссией проекте содержатся конкретные предложения по поводу повышения уровня черноморского регионального сотрудничества и использовании для подведения его итогов предстоящего в июне 2012 года саммита ОЧЭС, приуроченного к двадцатилетию этой организации.

Кирюхин Д.И.: Я благодарю Аллу Алексеевну за очень интересный доклад, где был изложен целый комплекс политических, политико-экономических и военно-стратегических проблем, которые существуют сейчас в этом важном Черноморском регионе. Но

есть еще очень важный аспект - это проблемы экологические. Хочу предоставить слово Сергею Викторовичу Алёмову.

Алёмов Сергей Викторович

старший научный сотрудник отдела морской санитарной гидробиологии Института биологии южных морей (ИнБЮМ), кандидат биологических наук (Севастополь):

Тема моего выступления: "Экологические проблемы портовых акваторий и пути их совместного решения". Вода считается загрязненной, если из-за своих недостаточно высоких качеств она не может удовлетворять самым высоким требованиям по её использованию в настоящем или будущем.

Черное море относится к одной из наиболее эксплуатируемых экосистем Европы. Резкая деградация экосистемы моря в результате усиленного антропогенного воздействия второй половины 20-го столетия, сопровождаемая природной изменчивостью и изменениями климата выразилась в значительных негативных изменениях его экосистем и ресурсов в прибрежных, наиболее урбанизированных зонах.

На протяжении веков эти зоны являются центрами разнообразной человеческой деятельно-

сти, включая индустриализацию, строительство портов и гаваней, разработку природных ресурсов, судоходство, рекреацию, туризм и пр. Все эти виды деятельности воздействуют на экологическое состояние шельфовых зон и проявляются в снижении биологических ресурсов, видового разнообразия, изменении ландшафтов, а также в снижении эстетической и рекреационной емкости.

Водосборный бассейн Черного моря - 2 000 000 км² с населением около 160 млн. Общее количество поллютантов, ежегодно поступающих в Черное море: органические вещества - 10 710 000 т, нитраты - 340 000 т, фосфаты - 55 000 т, нефть - 193 000 т.

В современных условиях транспорт является системообразующим элементом национальной экономики многих стран, сочетая в себе торгово-промышленные, коммуникативные, рекреационные и другие функции, и оказывает влияние на все сферы социально-экономической деятельности в государстве. Морской транспорт вносит значительный вклад в экономический рост наших государств.

Зона сопряжения суши и моря играет ключевую роль в загрязнении морских бассейнов. Более 3/4 всех вырабатываемых на земле загрязнений поступает в моря и океаны. При этом до 90% всей массы загрязнений от береговых источников накапливается в узкой прибрежной акватории, занимающей в целом по мировому океану около 8% его поверхности и всего только 0,5% объема.

Прибрежная зона моря, непосредственно сопряженная с сушей, принимает на себя основную массу токсических и потенциально вредных веществ, что приводит в первую очередь к угнетению и деградации прибрежных экосистем, а во многих регионах побережья - к кризисному экологическому и санитарно-эпидемиологическому состоянию окружающей среды.

По данным океанологического центра НАН Украины, все 9 кос (канализационно-очистных сооружений) Севастополя находятся в

плачевном состоянии. Из общего объема (30 млн кубометров) сбрасываемых стоков 20 млн кубометров – это неочищенные стоки. В Балаклавской бухте выпускаются неочищенными 3 млн кубометров стоков.

Акватория цемесской бухты подвергается регулярной интоксикации: промышленные предприятия ежегодно сбрасывают в море около 87 000 м³ сточных вод, из которых очистку проходят всего 41%. Что же касается сбросов мелких предприятий, прямых сбросов канализационных стоков, ливневых сбросов, а также ”залповых” загрязнений, то их объемы наверняка очень велики, но никем не подсчитываются и практически не контролируются.

Пролития с судов. 02.02.2011 судно «Aegean pobility», находившееся в одесском порту под греческим флагом, оштрафовано за загрязнение территориальных вод Украины. За загрязнение внутренних морских территориальных вод Украины греческому судну пришлось заплатить штраф на сумму 15 тыс 358 долларов США. 19 мая 2011 владелец судна «Vegavoyager» (под флагом Нассау) уплатил почти 14 тыс долларов за загрязнение акватории одесского порта (в море попало 20 т кокосового масла).

Балластные воды. В настоящее время Черное море испытывает сильнейший антропогенный пресс, особенно сильно проявляющийся в его мелководной северо-западной части, где расположены главные порты Украины – Одесса, Ильичевск и Южный. Одним из источников загрязнения акваторий портов могут быть балластные воды судов. Как показал контроль госинспекции охраны вод Черного моря, балластные воды зачастую содержат значительные количества взвешенных веществ, соединений железа, нефтепродуктов. Для порта Новороссийск, с его глобальными судоходными связями и годовыми объемами сброса балласта, превышающими 32 млн тонн, эта проблема является особенно актуальной и потребовала разработки и реализации целевой экологической программы по дан-

ному направлению деятельности. Приемные сооружения для отходов с судов являются техническим инструментом в реализации политики ИМО по защите морской среды от загрязнения с судов в порту Новороссийск.

Основная угроза водной среде при сбросе балласта в акватории портов заключается в возможном переносе чужеродных организмов, акклиматизация которых может нанести существенный вред уже сложившейся природной экосистеме.

По оценкам международной морской организации (ИМО), в мире в течение года перемещается и сбрасывается более 11 млрд тонн балластной воды и переносится до 3-х тысяч видов животных и растений (в 10 портах Украины в 2001 г. было сброшено более 11 млн тонн балластных вод, в одесском порту – около 6 млн тонн). Хотя статистически только около 3% переносимых видов выживает в новых регионах, но и они могут приводить к серьезным экологическим и экономическим последствиям.

К концу 1980-х гг. общая биомасса мнемнописиса в Черном море, по оценкам академика М. Е. Виноградова, приблизилась к одному миллиарду тонн.

Приоритетным загрязнителем акватории Черного моря в целом и портовых акваторий в частности являются нефтепродукты, причем в ближайшем будущем указанное загрязнение может существенно (в несколько раз) возрасти в связи с увеличением масштабов перевозки нефти танкерами и строительством новых нефтетерминалов во всех шести причерноморских странах.

Основные пути поступления нефтяного загрязнения в морскую среду: речной сток; прямые сбросы сточных вод от муниципальных станций очистки и промышленных объектов; диффузное поступление; атмосферные выпадения; потери при транспортировке нефти и нефтепродуктов и их перегрузке в портах Черного моря (несанкционированные сбросы, аварийные разливы).

Нефть и нефтепродукты, вылитые на поверх-

ность, быстро распространяются на десятки и сотни километров, образуя пятна загрязнения. Скорость их распространения и толщина пленки зависят от физическо-химических свойств конкретного сорта нефти и от гидрометеорологических условий в месте разлива. Пленка нефтепродуктов на поверхности моря активно поглощает растворенный в воде кислород, препятствует процессам газообмена между водной поверхностью и атмосферой. Это снижает содержание кислорода в мелководных участках морей и препятствует его поступлению из глубоководных акваторий в атмосферу.

В ряде районов с постоянным загрязнением наблюдаются повышенные концентрации нефтепродуктов в воде. Такими районами являются: акватория моря вблизи Одессы (0,05–0,15 мг/л), Ильичевска (0,05–0,20 мг/л), Севастополя (0,10–0,20 мг/л) и другие районы прибрежной части Черного моря. В районе Керченского пролива концентрации нефтепродуктов изменяются от 0,05 до 0,78 мг/л

В отличие от речного и берегового стока, дающего регулярное (хроническое) загрязнение, большую потенциальную угрозу нефтяного загрязнения морской среды представляют транспортировка нефти и нефтепродуктов морем и деятельность нефтяных терминалов.

Согласно мировой статистике, из каждого миллиона тонн нефти, перевозимой танкерами, проливается 160 т. При этом 42 т приходятся на принимающий порт, а остальные на порт отправки и путь следования.

Постоянно растет объем морских перевозок нефтепродуктов, составлявший в 1995 г. около 45 млн т в год, а в 2003 г. возросший до 95 млн т. В ближайшие 5-10 лет ежегодный объем нефтеперевозок может увеличиться до 220-250 млн т.

Без учета аварийных ситуаций только при технологических потерях в 0,01% от объема транспортируемых нефтепродуктов в морскую среду может поступать ежегодно до 20 тыс т нефтепродуктов. При авариях эти по-

тери могут возрастать в десятки раз.

В 1998 г. в Новороссийске произошла крупная авария на нефтепроводе. По разным оценкам от 50 до 400 тонн нефти вылилось в море. Поскольку Цемесская бухта довольно замкнута, пленка нефти быстро разошлась на большой площади, загрязнив акваторию и прилегающие пляжи. На локализацию загрязнения и очистку были направлены значительные ресурсы.

Широко применялась и авиация — пара вертолетов несколько дней летали над бухтой, разбрасывая по поверхности специальный порошок, осаживающий нефтяную пленку. После этих событий подводные охотники и профессиональные водолазы отметили, что дно Цемесской бухты умерло.

11 ноября 2007 г. жестокий шторм обрушился на крымское побережье. В Керченском проливе во время экстремального шторма потерпели аварию несколько судов, в том числе танкер «Волгонетфть – 139» с 5 тыс тонн мазута. В результате раскола танкера в воды пролива вылилось около 1300 т мазута.

Разлив нефтепродуктов в Керченском проливе по результатам наблюдений в декабре 2007 г. – марте 2008 г. не оказал видимого воздействия на донные сообщества на глубинах 5 – 20 м.

Учитывая резкое доминирование отдельных видов, относительно низкое видовое разнообразие и невысокие количественные показатели сообществ макрозообентоса, загрязнение донных осадков нефтепродуктами в дальнейшем может негативно повлиять на состояние донных сообществ и, соответственно, на самоочищающую способность среды в регионе. Несмотря на то что аварийные потери нефти танкерным флотом составляют до 10% нефтяных загрязнений, попадающих в мировой океан, каждая авария со значительным разливом является серьезным экологическим событием.

После 80-х годов прошлого столетия в результате последовательных целенаправленных

действий Морской международной организации (ИМО) и адекватных мер, проводимых морскими державами, аварии с разливами нефти сократились в десятки раз, но все равно их вероятность сохраняется. Причиной тому являются: сложные гидрометеорологические условия; старение танкерного флота; просчеты в действиях судовых экипажей; проявление «человеческого» фактора на всех уровнях организации и выполнения работ по транспортировке нефти морем.

Ежегодно только Днепр выносит в море около 15 тыс тонн нефтепродуктов. Основными источниками поступления нефтепродуктов являются реки - 41,3% всех нефтеуглеводородов, вынос с берега - 35% , из атмосферы - 21%. Ежегодно с территории Украины в акваторию моря поступает 38,3 тыс тонн нефтепродуктов.

В Северо-Западном, Крымском и Кавказском регионах (в пределах 100 м изобаты) только в 15% общего объема воды возможно реальное окисление нефтепродуктов. В идеальном случае во всем объеме морской воды может окислиться около 2 000 т нефти в год.

Исследования Украинского научно-исследовательского центра экологии моря г. Одесса, проведенные на пяти полигонах – Мегаполис-Одесса, Дунайский, Днестровский, Днепро-Бугский и Фоновый – позволили получить осредненные за пятилетний период концентрации нефтепродуктов в донных отложениях этих районов. Установлено, что в большей степени загрязнены нефтепродуктами донные отложения в приустьевой зоне Дуная (Сср = 210 мг/кг). В других районах эти концентрации были ниже и составили: Днестровский полигон – 169 мг/кг, Днепро-Бугский – 133 мг/кг, Мегаполис-Одесса – 100 мг/кг и Фоновый – 15 мг/кг.

В значительно большей степени загрязнены донные отложения портов, особенно старых и с плохим водообменом. Так, в Одесском и Ильичевском портах максимум концентраций составлял около 6000 мг/кг, в Усть-Дунайском и Керченском портах – 4500-5000 мг/кг, за-

грязнение донных отложений порта Южный не превышало 1900 мг/кг.

В некоторых бухтах Севастопольского порта в донных отложениях зафиксированы максимальные для всего Черного моря уровни концентраций нефтепродуктов, доходящие до 24000 мг/кг. Донные осадки Севастопольской бухты относятся к III – V уровню загрязнения. В Севастопольской бухте в среднем бактериальное сообщество морской воды и донных осадков трансформирует соответственно 4,4 и 0,02 т нефтяных углеводородов в год.

Нефть обладает сильным токсическим действием. Рыбы, живущие в воде, которая содержит более 0,6 мг/л нефтепродуктов, приобретают запах нефти в течение 1 суток. Особенностью морских организмов разных уровней трофической цепи является их способность аккумулировать загрязнители различного происхождения, но легче всего они аккумулируют нефтяные углеводороды. Особую опасность представляют ПАУ, накапливающиеся в органах и тканях рыб даже при их низких концентрациях в среде обитания – воде и донных отложениях.

Канцерогенные ПАУ обнаружены в мерланге, хамсе, шпроте, барабуле, бычке, окуне, ставриде, доля которых от общей суммы идентифицированных ПАУ варьирует от 0,5 до 36 %. По данным проведенного Росгидрометом мониторинга состояния окружающей среды к началу XXI века, отмечается снижение концентраций загрязняющих веществ в прибрежных водах Черного моря.

Так, если в начале 90х гг. содержание нефтяных углеводородов в районах Новороссийска и Туапсе достигало 10-21 ПДК, то в середине 90х гг. эти показатели снизились до величин 2 ПДК, а в 2000 г. повсеместно не превышали ПДК.

Академик НАН Украины В.Н. Еремеев сказал: «Та экономика и те технологии, которые присущи странам региона, однозначно способствуют серьезному загрязнению морской среды. Пока на огромной территории Украины, России, Болгарии и Турции это ни-

кого не беспокоит. Новую экономику мы еще не построили, новые технологии мы еще не используем. Поэтому можно говорить о какой-то стабилизации, но не о решении каких-то фундаментальных проблем экологии Черного моря».

Функционирование морских портов, а также нахождение в этих бухтах предприятий судоремонта и судоразделки, нефтяных терминалов определяет большое значение проблем защиты данных акваторий от загрязнений. Успешное решение этих задач связано в первую очередь с необходимостью осуществления контроля акваторий портов.

Система экологического мониторинга, наряду с контролем состояния окружающей среды, должна предусматривать прогноз его динамики и разработку управляющих воздействий, для чего могут быть использованы накопленные данные многолетних наблюдений.

Важной задачей является профилактика и ликвидация чрезвычайных ситуаций, связанных с транспортировкой опасных грузов, в том числе разработка и апробация оперативных планов транспортных предприятий и комплексов по чрезвычайным ситуациям с учетом региональных особенностей и условий их реализации; взаимодействие порта, города и региона при угрозе террористических актов, включая вопросы индикации химического и биологического загрязнения.

По данным морских администраций портов Новороссийск, Сочи, Туапсе в 2000-2002 годах загрязнений федерального и регионального значения в акватории указанных портов не было, однако предотвратить разливы нефти не удалось.

Огромные площади воды, загрязненные нефтяной плёнкой прибывают к берегу, загрязняя его и ухудшая общую экологическую обстановку региона. Больше всего от нефтяных загрязнений страдают тихие пляжи, в маленьких бухтах, со слабым прибоем. Нефть скапливается в этих узких местах, образуя толстую пленку.

В настоящее время полностью предотвратить

попадание нефтяных углеводородов в море не представляется возможным. Одним из путей борьбы с нефтяным загрязнением является ликвидация нефти, попавшей в море. Если оставить в стороне аварийные ситуации, то бороться приходится с концентрациями нефти в воде в пределах нескольких единиц ПДК.

Для этого пригодны только биологические методы. Один из путей улучшения экологического состояния акваторий основан на создании искусственных гидробиологических систем для очистки загрязненных морских вод и оздоровления прибрежных акваторий.

Первым звеном систем гидробиологической очистки являются мидии. Системы гидробиологической очистки на акватории нефтегавани Черноморского флота России, профильтровывая большие объемы воды, они удаляют из неё взвесь и различные загрязнители, в том числе нефтепродукты.

Экспериментальный образец системы гидробиологической очистки через 11 месяцев после монтажа - объем биофильтра составил более 250 м³ на 1 м² поверхности носителя.

Фильтрационная способность сообществ обрастания на коллекторах гидробиологической системы в несколько раз больше, чем естественных поселений на гидротехнических сооружениях (сваях причала) и в 100 раз больше, чем естественных донных сообществ. В составе обрастаний отмечалась разнообразная фауна моллюсков, ракообразных и полихет.

Естественные, а особенно антропогенные изменения морской экосистемы, требуют международного решения экологических проблем и переосмысления оценки ресурсов Черного моря и их роли в экономике причерноморских стран.

Осознание угрозы негативного воздействия человека на экосистему моря, понимание роли экологических параметров, признание необходимости обеспечения условий сохранения естественных процессов в море, международное сотрудничество в осуществлении экологических и экономических исследо-

ваний в деле рациональной эксплуатации ресурсов и охраны морской среды – только соблюдение этих условий может позволить нам с оптимизмом смотреть в будущее уникального Черноморского бассейна.

Кирюхин Д.И.: Спасибо Вам за позитивную концовку! А то вначале как-то грустно стало. Те экологические проблемы, на которых акцентировал внимание наш докладчик, по моему мнению, требуют скоординированных международных усилий для их преодоления. Поскольку экологическая проблема не может быть проблемой одной страны, это проблема всех. И как раз в Черноморском регионе в последнее время наблюдается не столько координация международных усилий по целому ряду проблем, сколько наоборот возрастание межгосударственной конкуренции. В мае этого года Asia Times опубликовала такую статью: «США играет мускулами в Черном море». Первое предложение этой статьи звучит так: «Россия и Турция вот-вот утратят свое историческое монопольное право на Черное море». И действительно, последнее время в Черноморском регионе, как мы сейчас услышали, появилось много игроков со своими заявленными, очень мощными интересами. И пользуясь правом модератора, у меня уточняющий вопрос Алле Алексеевне о позиции Румынии. Даже в этой статье Asia Times Румыния воспринимается как проводник интересов США. Между тем, она довольно сильный самостоятельный игрок, чья политика такого экспансионистского толка базируется на идеологии возрождения Великой Румынии, которая сейчас в регионе очень популярна. Это является идеологической подоплекой для мощной политической экономической экспансии в регионе. Как вы оцениваете позицию в отношении Румынии в этом отношении и необходима ли координация усилий Украины и России по возможной нейтрализации румынского фактора.

Язькова А.А.: Румыния с самого начала 1990-х гг. была первая, по сути дела, страна, которая подала заявление на вступление в НАТО.

Причем 96%, согласно опросам общественного мнения, хотели тогда вступления в НАТО. То есть такая общественная поддержка у Румынии была, но первоначально, когда был еще президент Илиеску, затем Эмиль Констатинеску, все эти проблемы были немножко приглушены. Но с приходом нынешнего президента они абсолютно все вышли на поверхность. Румыния делает попытки и открытые предложения объединения Молдавии с Румынией, выдачи молдавским гражданам румынских паспортов. В то время как в Молдавии все-таки есть какие-то западные европейские тенденции в обществе, но только в отношении Евросоюза, но не в отношении объединения с Румынией. В этом смысле слишком жива память прошлого и межвоенных лет. Ведь когда президент Бэсэску говорит о необходимости присоединения не Молдавии, а именно Бессарабии, то имеется в виду часть Одесской области и часть Черновицкой области, то есть, по сути дела, всей Черновицкой области. Таким образом, такого рода претензии не находят, как мне представляется, должного ответа. Но если сейчас молдавский альянс за европейскую безопасность все-таки держит какую-то проевропейскую линию (не пророссийскую!), но ни в коем случае не прорумынскую, то в Украине я этого не видела. В общем, конечно, это проблема Румынии, особенно в том контексте, что Румыния (и Болгария тоже, они все время идут в паре), активно придерживается позиции применительно к Черному морю. Европейский союз наметил программу модернизации черноморских портов, и речь идет только о портах Румынии и Болгарии. В то время как Украина имеет 19 портовых выходов, но нигде и никогда не говорится о том, что Евросоюз готов каким-то образом пойти навстречу Украине в этом смысле. И здесь не дело в членстве Евросоюза, здесь речь идет о портовых сооружениях на Черном море вообще. Все это может привести к смещению товаропотоков через порты Черного моря. В конце концов, это будет невыгодно не Евро-

союзу, не странам Причерноморья.

Что касается Румынии, тут более общая проблема, это не черноморская проблема. Румыния давно заявила о себе как о форпосте евроатлантической цивилизации на Черном море, обращенной на Ближний Восток. Это подкрепление идеи Великой Румынии. Но к чему приводят идеи «Великих Румыний», Албаний и других, мы знаем.

Алёмов С.В.: По поводу зоны экологического бедствия. Как это часто бывает в биологии любых процессов, сначала какая-то информация получается, потом она перерабатывается, потом она передается СМИ и используется дальше и дальше. В начале 1980-х гг. до середины разных участков побережья в зависимости от их местоположения были зоны близкие или на грани экологического риска. В частности, в Севастопольской бухте было 10% вообще безжизненных зон. Сейчас в целом ситуация стабилизировалась как по уровню в основных точках загрязнения, так и в целом по открытому побережью. Сейчас наблюдается с 2000 года рост и количество рыб, видового разнообразия, растут уловы у рыбаков. В принципе сейчас ситуация достаточно стабильная и относительно того, что было неплохая. Причины этого, как я уже сказал кратко, просто в недостатках нашей экономики. То есть эта стабилизация идет не за счет специальных мер, а за счет снижения темпов экономического роста и воздействия на окружающую среду.

А насчет Фукусимы: по морю она к нам точно не дойдет.

Гулевич В.А.: Я бы хотел вернуться к румынской тематике. Немного напомнить, что этот вопрос является для безопасности Украины вызовом номер один. Что интересно, ответ Украины на этот вызов запоздалый и вялый. Сравнительно недавно была усилена воинская группировка украинских вооруженных сил в Одесской области. И Румыния обыгрывает Украину, прежде всего, в сфере гражданских технологий и НПО (неправительственных организаций). Давно уже говорится о том, что

молдавская диаспора Украины постепенно переползает в зону влияния Румынии. Причем делается это непосредственно Бухарестом через Кишинев: украинские молдаване получают учебники истории, где прямым текстом пишется - наша родина Молдова и далее идет прорумынский дискурс.

Алёмов С.В.: Буквально несколько слов по выступлению Аллы Алексеевны. Мы находимся сейчас далеко не в конце развития интереса Америки и Европы к Черному морю, и связано это, я думаю, с тем, что в 1989 году были открыты сначала струйные газовыделения на шлейфе материкового склона Черного моря, буквально через год-два - открытие газогидратов. Сейчас, по разным оценкам, до и свыше 40 триллионов кубометров содержащих газогидратов оценивается, а один кубометр газогидрата содержит до 200 кубометров метана. Представляете, какой это объем газа, только надо придумать технологии, как поднять. И, конечно, интересы к этому региону будут только расти и расти.

Казарин В.П.: Я хочу высказать ряд замечаний немного критического характера. Коллеги, если мы экспертное сообщество, то не надо обманывать себя и тех, которым мы даем рекомендации и советы. Я считаю, что это устаревшая точка зрения и выдуманная проблема - ограничивает или нет пребывание американцев в Черном море доктрина Монтрё. Не ограничивает, предположим, если положено 36 дней, то один корабль вышел, другой зашел и продолжает пребывание. А тем более теперь, когда три страны Черноморского бассейна являются странами НАТО, и поэтому натовские корабли приходят не в гости, а они приходят в тот регион, где порты натовские, где страны натовские и т.д. Хочу сказать, что на самом деле ситуация обстоит острее и сложнее, чем мы иногда сами себе это представляем.

Второе, очень важное упущение. Черноморский бассейн имеет стратегическое значение не только в силу того, что здесь открыты запасы углеводорода. Сегодня Черноморский

бассейн - это важнейший транспортный узел: идет гигантская перестройка всей транспортной системы, условно говоря «запад-восток-запад». Обратите внимание, как перенаправляются транспортные потоки из того же Китая и других стран. Они идут сегодня южнее Каспия. Россия отсекается от этих транспортных потоков. Раньше мы гордились тем, что у нас Транссиб, и мы обеспечивали это «плечо». Не обеспечим мы его сегодня. Китай сегодня работает через Киргизию, также через другие потоки и страны. Вокруг Черного моря строят кольцевую дорогу. Только две страны не построили свои участки дороги – это Россия и Украина. Все остальные построили. На этой трассе в Турции я стоял: три ряда в одну сторону, три ряда в другую сторону, мощная разделительная полоса, грузовики идут бесконечным потоком. А дальше она идет на Стамбул. Они перенаправляют эти потоки, минуя нас, дальше на Дунай. И в результате мы выпадаем из финансового, экономического и любого другого оборота. В этом смысле тезис о том, что это периферийный регион – отражение каких-то устаревших представлений, которые на севере до сих пор живы, хотя на самом деле все обстоит совершенно иным образом.

Последнее, что касается военной составляющей, это тоже странный тезис, который часто звучит: какое военное стратегическое значение имеет Черноморский флот в этом закрытом море? Сергей Павлович Горбачев совершенно правильно сказал: «Нет Черноморского флота – нет Средиземноморской эскадры, нет Средиземноморской эскадры, нет стратегического положения в Атлантическом океане». Это совершенно непрофессиональный подход, который приводит к стратегическим просчетам и потерям.

Новикова И.В.: Маленькая ремарка. Когда я была в Южной Корее на конференции, оказалось, что там очень ждут трансконтинентальную магистраль. Очень интересуются, когда построят трансконтинентальную магистраль. Для них это крайне важно, эта ма-

гистраль должна соединить Токио, Лондон и должна даже пройти по Белоруссии.

Оганесян А.Г.: Я бы ужаснулся, увидев здесь две по три полосы (то есть шесть полос), идущие по Крыму. Это будет уже и не Крым, а транспортная артерия. Тут надо подумать: стоит ли овчинка выделки? Это все-таки среда человеческого обитания. Хотя Владимир Павлович в большей части все-таки прав, это подтверждается годами практики, поскольку он работал в Севастополе. Относительно Черноморского флота наши позиции совпадают. Я считаю, что Россия уделяет мало внимания развитию Черноморского флота, недостаточно понимает его стратегическое значение. Вернее понимает, но делается мало. Из каких стратегических соображений и опасений это происходит - можно только гадать. Конечно, эта позиция, учитывая ситуацию сейчас на Ближнем Востоке, является абсолютно необоснованной. Флот надо укреплять, и действовать в этом направлении. Здесь я согласен совершенно.

Что касается транспортных путей, Россия до сих пор сохраняет позицию, которая может предложить альтернативные пути (для этого возможности есть). Но вечно это не будет продолжаться.

Я хотел бы еще особо коснуться темы экологии. Тема экологии – это та тема, которая могла бы объединить Россию, Украину и Белоруссию. Потому что здесь много отдыхает белорусов. Потому что Черное море было советским морем. Здесь и санатории, и большое количество отдыхающих. Здесь у нас есть политические и дипломатические рычаги воздействия. 20 стран Европы (значительная часть из которых участники Европейского союза) сбрасывают свои воды в Днестр, Днепр и Черное море. Есть причины обратить внимание на них, чтобы они несли ответственность за свои действия. Причем, это не только тяжелые металлы - это и азот, и другие, которые являются подкормкой для тех нехороших животных, которые здесь водятся. Это не только удобрения, это еще питание для

этих морских микроорганизмов. Все это через эти реки сходит к нам. Здесь интеграция возможна. Более того, дипломатически у нас есть даже возможность призвать к ответу и реальному сотрудничеству страны Евросоюза. В системе МАГАТЭ есть очень интересная организация и ряд институтов, которые занимаются вопросами экологии морей со штаб-квартирами в Монте-Карло. Совсем недавно наш представитель России, руководитель представительства России в Вене при Международных организациях и ООН, предложил нашему журналу, и это поддержало руководство МИД, присмотреться к возможным шагам того, чтобы эти международные организации, в частности МАГАТЭ, сначала на стадии диагностики (у них есть уникальные технологии по диагнозу и анализу загрязнения), перейти уже к конкретным вопросам и ставить их перед странами Средиземноморья. Руководители этой лаборатории МАГАТЭ сказали: «Учтите, у вас есть союзники в Средиземноморском бассейне. Это сообщающиеся сосуды, и вы вполне можете найти общий язык в международных организациях (не обязательно только в европейских, а во-

обще в организациях, которые занимаются вопросами экологии). Это все выстраивает очень сложную парадигму отношений, но пробовать надо. Во всяком случае здесь есть у нас благородная и ответственная задача перед грядущими поколениями - выстроить модель совместных интеграционных усилий в этом направлении.

В Одессе ЛУКОЙЛ начинает добычу нефти. Как вы расцениваете, это может отразиться на экологии. Хотя ЛУКОЙЛ клятвенно обещает, что никакого загрязнения не будет. А в Севастополе хотят строить угольное предприятие. **Алёмов С.В.:** Этот вопрос всегда очень сложен. Он и в Севастополе стоял очень остро. Сейчас есть технологии, которые позволяют, если не полностью, то крайне минимизировать загрязнения. Но все зависит от того, для чего мы выбираем регион: для рекреации или для промышленности.

Кирюхин Денис Игоревич, модератор (Украина): Отрадно, что мы уже вышли на рекомендации и предложения для координации усилий и совместных действий в сфере экологии.

Сессия 3. Социально-гуманитарные аспекты интеграции: миграционные процессы, образование, история, культура, язык.

Мамонтов В.К.: Эта сессия носит название «Социально-гуманитарные аспекты интеграции: миграционные процессы, образование, история, культура, язык». Первый выступающий - Трахименок Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор Института национальной безопасности Республики Беларусь, секретарь Союза писателей Республики Беларусь. Тема его доклада - «Беларусь, Россия, Украина: основы интеграционных процессов и правовые формы их реализации».

Трахименок Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, профессор Института национальной безопасности Республики Беларусь, секретарь Союза писателей Республики Беларусь:

Начнем с того, что распад Советского Союза не принес ни миру, ни континенту обещанного благоденствия и стабильности. Но по-

скольку в данной аудитории мы обсуждаем региональные проблемы, то ограничимся континентальным предметом исследования. Источником данной нестабильности, в частности, для России является, если пользоваться терминологией Вадима Цымбурского, «шельф», который образовался после распада СССР и которым в данный момент окружен «Остров Россия».

Итак, нестабильность исходит от так называемого культурологического (цивилизационного) пограничья. А поскольку пограничный по латыни *limitrophus*, то политики прежде всего, а потом уже и ученые в последнее время в своих рассуждениях стали использовать активно этот термин.

Термин этот не нов. Появился он во времена Римской империи и обозначал пограничную область, которая обязана была содержать стоящие на своей территории имперские войска.

В двадцатом веке в СССР его использовали для обозначения государств, образовавшихся на окраинах царской России, а после 1991 для обозначения государств СНГ.

Термин «лимитрофные государства» употреблялся не только в СССР. В утвѣржденной 11 апреля 1939 года Гитлером «Директиве о единой подготовке вооружѣнных сил к войне на 1939–1940 гг.» указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Литву и Латвию:

«Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи».

В конце XX - начале XXI века указанный термин был реактивирован усилиями российского философа и геополитика Вадима Цымбурского. Он не просто осовременил его, но и фактически создал понятие Великого лимитрофа, то есть межцивилизационного пространства, которым окружен Остров Россия.

Цымбурскому принадлежит и объяснение причин, по которым образовался, с одной стороны, Остров Россия, а с другой - Великий лимитроф. И они могли бы не только явиться фундаментом национальной идеи России, но и указать на препятствия, преодоление которых решит задачи безопасности для Беларуси, России и Украины. Однако нет пророков в своем отечестве.

Цымбурский также опроверг точку зрения о том, что «во все века своего существования Империя подобно средневековой Руси лишь сдерживала наскоки "латинян", отвечая вступлением в наполеоновский Париж — на пожар Москвы; устремлением в 1920 году к Варшаве и германской границе — на походы Антанты. И наконец, вопреки всем "обличениям" Суворова-Резуна, европейскими битвами 1944-1945 — реакцией на вероломство Третьего Рейха».

По его мнению, наступление Запада на Россию никогда не было первым тактом этого механизма. Так, 1812 год был подготовлен разделом Польши, сдвинувшим границы навстречу романо-германскому Западу, рейдами войск Суворова по Европе, войнами 1805-1807 годов и попытками осуществить ревизию Тильзитского мира.

Осада Севастополя англо-французами была реакцией на венгерский поход 1849 года и оккупацию придунайских княжеств в 1853.

За интервенцией Германии и Антанты в Россию в 1918 году стоит попытка России в 1916-ом году — наконец решить "вопрос о проливах".

А 22 июня 1941 г. событийно следует за соучастием СССР в уничтожении — как обна-

ружилось, охранявшей его — Версальской системы.

«За имперские века, — подводил итог Цымбурский, — мы не можем назвать ни одного вступления Запада на земли России, которое не было бы непосредственно предварено нашей европейской игрой».

Процесс наступления России на Европу Цымбурский назвал «похищением» ее.

Здесь следует задать вопрос, почему же Россия время от времени занимается «похищением Европы»?

События, по мнению Цымбурского, всегда разворачивались по одному сценарию. "Россия включается в борьбу западных держав за гегемонию на стороне какого-либо или каких-то из них" — "западная(-ые) армия(-ии) вторгается(-ются) на земли России" — "Россия отбивает агрессию и наступает на Европу в качестве ее потенциального гегемона" — "российский натиск надломлен сопротивлением Запада, и Россия откатывается на свою платформу".

Цымбурский подчеркивал, что все западные наступления против Империи занимают в цикле либо вторую позицию, либо четвертую, заключительную (Крымская война), но еще ни один цикл не начинался с прямой европейской или евроатлантической агрессии. Однако здесь следует продолжить рассуждения Цымбурского. Когда речь идет о взаимодействующих системах, то они в равной степени оказывают влияние друг на друга в соответствии со своим потенциалом. Причем Запад всегда втягивал Россию в свои игры для того, чтобы использовать в своих интересах ее потенциал. Правда и Россия охотно в них участвовала.

Немалую роль в этом сыграли и российские элиты, две трети которых принадлежали к дворянским и княжеским родам Западной и Восточной Европы.

Не была исключением и династия Романовых. Хотя один из Романовых, Петр Первый как-то выразился, что Россия не царство, а

часть света. И окно в Европу он прорубил, чтобы взять там ряд технических и организационных новшеств. Сам Петр полагал, что на это уйдет несколько десятков лет, а потом можно будет повернуться к Западу... спиной. Еще рад подчеркну, что заслуга Цымбургского в том, что он по-новому взглянул на сегодняшнее состояние России. Хотя отталкивался он от давно забытых идей.

В частности, Семенов-Тянь-Шанский еще в XIX веке высказал мысль о том, что в условиях укрупнения человеческих форм выживания, преимущества будут иметь великие империи, которые вместо того, чтобы располагаться, как в древности, вокруг внутренних морей-озер или рассыпаться клочками по океанским закоулочкам, как империи англичан и испанцев, отважно перекидываются от океана до океана, через целый континент. И именно им принадлежит будущее. Так оно, кстати, и случилось — XX век принадлежал двум великим чрезматериковым державам США и Советскому Союзу, читай, России.

На статус такой чрезматериковой державы сегодня претендует и Китай, если сможет выйти к Индийскому океану, возможно через Пакистан или Бирму.

И это правильно, точнее, адекватно пространственному ресурсу.

Таким образом, маленькое образование по ресурсу Европа всегда пыталась обезопасить себя по отношению к большому соседу. Способы были различны. После Ивана Грозного это было внедрение в правящую элиту представителей Запада и последующее втягивание России в европейские игры.

Наверное, Запад понимал, что позже ему придется объединяться, чтобы вытеснить привлеченного игрока-тяжеловеса. Но уж очень было велико желание решить свои задачи с помощью привлеченных средств.

Наиболее ярким примером этого являются события XX века. Советский союз выдержал наступление немецких войск, сам перешел в наступление и установил в Европе железный

занавес почти на полвека. А затем вновь откатился на свою платформу.

Здесь, к месту вспомнить еще один момент. В мозги обывателя на Западе все время внедряется мысль, что Великая Отечественная война была войной Германии с Советским Союзом. На самом деле у Германии, не смотря на ее военный потенциал того времени и опыт ведения локальных боевых действий, слишком тонкие ноги, чтобы длительное время воевать с Советским Союзом. И дело не только в стратегическом потенциале данного пространства, который всегда превосходил европейский.

Дело и в военном контингенте, который непосредственно участвовал в боевых действиях на территории Советского Союза.

Подтверждением вышесказанного могут служить данные из книги австрийского историка Стефана Карнера «Архипелаг ГУПВИ». В ней приведены сведения о военнопленных, участвовавших в военных действиях против СССР и оказавшихся после войны в советских лагерях.

Немцев	– 2 388 443
Венгров	– 513 766
Румын	– 187 367
Австрийцев	– 156 681
Чехословаков	– 69 077
Поляков	– 60 272
Итальянцев	– 48 957
Французов	– 32 136
Хорватов	– 21 830

Я не привожу все остальные национальности Западной Европы, которых в ГУПВИ было менее чем двадцать тысяч. Общая цифра военнопленных — более трех с половиной миллионов человек. А ведь это только военнопленные, то есть те, кто попал в советский плен. Чтобы не вдаваться глубоко в методики подсчета военнопленных по отношению к общему контингенту проигравшей стороны, возьмем самое простое, добавим один ноль после этой цифры и увидим численность армии, которая вела боевые действия против

СССР.

Что перед нами, как не Вооруженные силы Западной Европы, под командованием одной из ее стран – Германии.

В современной ситуации под определение лимитрофов подпадает каждая из 14 бывших союзных республик СССР (кроме России), т.е. в сопоставлении с лимитрофами начала XX века из этой категории выпадают лишь Финляндия и Польша. Что объединяет эти страны?

Геополитики полагают, что такими признаками являются:

- принадлежность к единому геополитическому центру,
- принадлежность к единому экономическому комплексу в рамках системы международного разделения труда,
- общность языка или широко распространенных познаний одного и того же (государственного) языка.

Однако среди этих государств можно выделить два, которые цивилизационно наиболее близки к так называемому Острову России. Условно по ряду критериев Великий лимитроф можно разбить на цивилизационные фрагменты, отличающиеся своей спецификой. Это регион Прибалтийских государств, Закавказье и Средняя Азия, а также современные: Беларусь, Украина.

«Спасение России, – считал В.Цымбурский, – уход от парадигмы модерной, городской, европейничающей цивилизации... к ценностям, традиционным для русской цивилизации. Не только традиционной, но и позволяющей уйти в сторону от катастрофы, в которую вползает Запад вместе с разрушением модерна. У русских нет и быть не может оснований участвовать в катастрофическом конце западного демоночеловека - ни в качестве его соратника, ни в качестве его противника, ни даже в качестве его спасителя».

Подведем некоторые итоги этого блока доклада.

Современная ситуация в мире, события на

Балканах, в Восточной Европе, на Среднем Востоке, Северной Африке дают основания полагать:

- приближается большой милитаристский всплеск, который выступает как средство, с одной стороны, отвлечения внимания от мирового финансового кризиса, с другой стороны, реализации силами Запада значительных геополитических проектов, в том числе и в отношении "советского наследства" на Великом лимитрофе;
- этот всплеск не будет ориентирован на полномасштабные военные действия и военный успех, скорее всего, это будут попытки шантажа по получению территориальных и ресурсных преимуществ;
- в ближайшее десятилетие Россия не будет участвовать в «похищении Европы», а также не будет претендовать территориально на пространство Великого лимитрофа. Однако будет активным противником любой чужой гегемонии на его пространствах;
- отношения России с Беларусью и Украиной будут более сложными, чем с другими цивилизационными фрагментами Великого лимитрофа, и причиной этому феномен разделенного русского мира.

Данные выводы позволяют с некоторыми оговорками рассчитать направления политики государств Восточной Европы по отношению к соседям справа и слева, а также определить факторы, способствующие и препятствующие более тесному их взаимодействию.

Но самое главное - они проявляют основу будущей интеграции, коей являются отнюдь не политические и экономические интересы, а цивилизационные ценности, ориентиры, которые нам необходимо сохранить, ибо они есть фактор нашего выживания в меняющемся мире.

Любое эффективное управленческое воздействие на общественные отношения с целью достижения желаемого результата возможно только при адекватной оценке ситуации, по-

сколькo неправильная оценка ее приводит к расходованию ресурса на негодный объект. Плюс учета закономерностей правового регулирования, потому что без таковых мы также рискуем не достичь поставленных целей.

Постоянной методологической ошибкой нашего пространства является неадекватность восприятия обстановки.

Традиционно и в рамках определений географов мы проживаем на территории материка Азия, в который входят несколько субконтинентов со своей ландшафтно-климатической и цивилизационной спецификой. Это Европа, Скандинавия, Индостан и Индо-Китай.

На картах (планах) дохристианского периода раздел того, что называется сегодня Западной Европой, проходил по линии, соединяющей сегодняшние города Калининград и Одессу. В свое время Петр Первый «продлил» Европу до Урала. И с тех пор мы живем в ситуации Европейского дома, фактически к такому не относясь. Но мало этого, время от времени аппетиты нашего цивилизационного конкурента возрастают и появляются идеи создания европейского или общеевропейского дома от Атлантического океана до Тихого.

Геополитики отмечают факт интеграции Европы. Но при больших претензиях на научный анализ этого процесса никто не обращает внимания на основу этой интеграции. А ведь она интегрируется в рамках одного способа выживания или цивилизации. Основными моментами здесь являются не язык и даже не идеологические системы в форме религий, а система глубинных ценностей, которые Европа всегда весьма своеобразно защищала.

По закономерностям выживания малого в большой или малого рядом с большим маленькое этноцивилизационное образование Европа сумела внедрить в головы элит этноцивилизационных конкурентов в период так

называемого Просвещения некую систему знаний, в частности технических. Однако вместе с ними она внедрила и свои ценности, которые не были присущи системе выживания на данном пространстве. С тех пор и существует разлука в головах большинства представителей наших элит. С тех пор и бытует странная притча о том, что все блага есть на данном пространстве, но нет умных правителей. Норманская теория - наукообразное подтверждение тому.

Однако следует отметить, что в особо экстремальных ситуациях элиты всегда возвращались к ценностным ориентирам, которые помогали выжить на данном цивилизационном пространстве. Но стоило ресурсу и запасу прочности вновь пополниться, они опять возвращались к либеральным, а точнее европейским ценностям.

В 1999 году был заключен договор между Беларусью и Россией о создании Союзного государства. Прошло двенадцать лет.

Почему же не работают нормативные акты интеграционного характера? Почему не решаются задачи углубления интеграции в рамках Союзного государства Беларусь-Россия, а также возникают трения между участниками Таможенного союза? Этому есть две группы причин.

Европа, понимая значение объединения и объединяясь сама, тормозит эти процессы у своих цивилизационных конкурентов.

Таким образом, первый фактор, препятствующий объединению – нежелание иметь рядом с собой сильного цивилизационного конкурента, который пробил бы брешь в поясе безопасности между пространствами двух цивилизаций.

Второй фактор, мешающий сближению: после распада СССР к власти в постсоветских республиках пришли элиты, определенная часть которых после объединения может потерять те преимущества, которые они получили в результате раздела собственности СССР.

И первое, и второе относится к содержательной стороне правового регулирования. Чтобы ответить на поставленный нами вопрос с позиций формы, необходимо проанализировать закономерности правового регулирования создания и Союзного государства, и Таможенного союза.

Теоретики права знают, что нормативные тексты делятся на право и не право. То, что не регулирует общественные отношения и остается на бумаге, не является правом. Принцип этот в романо-германской правовой семье известен со времен Древнего Рима. Почему это происходит?

В рамках романо-германской правовой семьи, где доминирует его Величество нормативный правовой акт, выработаны определенные принципы нормотворчества, нарушение которых может привести к феномену недействия права, то есть существования его только на бумаге.

Вот некоторые из них:

– право регулирует общественные отношения, а не создает их;

– правотворчество - следствие процесса формирования права, то есть объективного «вызревания» отношений, не присущих обществу ранее;

– нормативное решение, не совпадающее с конфигурацией социальных потребностей, обречено на «недействие»;

– эффективность законодательства зависит от соблюдения принципов иерархичности;

– общая направленность регулирования зависит от ресурса государства или уровня стабильности.

Принципы тесно связаны между собой. Несоблюдение их приводит к эффекту «недействия» или частичного действия права, о котором говорилось выше. Однако в практическом нормотворчестве на это мало кто обращает внимание. Одной из причин этого является то, что после социальных реформирований (революций, перестроек, реформ) к власти приходят новые элитные слои обще-

ства. Приходят, с одной стороны, на волне новых социальных потребностей и ожиданий, но, с другой стороны, полагая, что их выход на первые роли в государстве – следствие субъективных причин.

Если мы совместим форму с содержанием, то увидим еще более интересные вещи. Элиты, опасаясь потерять то, что они получили, в той или иной ее степени препятствуют интеграции. Но социум стремится к ней, поскольку он более защищен в крупном цивилизационном образовании и интуитивно чувствует это. Дабы успокоить его, элиты начинают процедуру правового регулирования интеграции, то есть принимают ряд нормативных актов, но делают это в такой форме, которая не позволит достигнуть целей, прописанных в указанных актах. Основная ущербность данной направленности нормативного регулирования: отсутствие конкретности и выбора тех направлений интеграции, в которых заинтересован социум. Никакая принудительная сила государства не сможет заставить выполнять принятые правовые предписания, если в них кровно не заинтересованы те слои социума, которые должны их выполнять.

Снять данное противоречие можно, связав интересы законодателя с интересами исполнителей данных норм. Это с содержательной стороны, а со стороны формальной: для введения каждого нормативного акта, в определенной степени меняющего статус граждан, необходима широкая идеологическая подготовка.

Мамонтов В.К.: Спасибо, Сергей Александрович! Я очень рад предоставить слово Владимиру Павловичу Казарину, ученому, общественному деятелю, профессор КЦГИ города Симферополя. Он выступит с темой «Почему мы не отмечаем 1150-летие славянской письменности? (Проблемы интеграции в сфере образования)»

Казарин Владимир Павлович

профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского:

В сентябрьские дни 2011 года православная церковь начала широко отмечать 1150 лет обретения мощей священномученика Климента, четвертого Папы Римского, рукоположенного самим святым апостолом Петром.

Сосланный в Херсонес римским императором Траяном, он принял там мученическую смерть за христианскую веру от рук язычников. Естественно, Севастополь стал центром юбилейных мероприятий. 14 сентября в Херсонесском заповеднике открылась Международная церковно-научная конференция, посвященная этой дате. 15 сентября верующие во главе с митрополитом Лазарем прошли Крестным ходом от Херсонеса до островка святого Климента в Казачьей бухте.

Священномученика Климента одинаково почитают в Риме и в Москве (разделение церквей, как известно, произошло только в 1054 году), поэтому в Крестном ходе приняли участие и православные, и католики.

Перед нами новый пример того, как право-

славная церковь чтит свою историю и скрупулезно отмечает юбилеи памятных дат. Честь ей и хвала за это!

Но сейчас речь не о ней. Речь о нас – светских гуманитариях современной России, современной Украины и современной Белоруссии. Речь о филологах и историках, философах и писателях, архивистах, преподавателях школ и вузов, библиотекарях... Словом, о всех хранителях исторической памяти, о всех людях письменной культуры.

Что с нами происходит? Почему мы со стороны наблюдаем за юбилейными церковными торжествами, не вспоминая о другой, не менее значительной дате, заботу о которой должны проявлять мы сами и никто другой?

Как известно, обретение мощей Климента Римского имело место в 861 году. Произошло это в окрестностях Херсонеса (конкретное место – вопрос исторической полемики). Их обрели первоучители славянские – святые равноапостольные Кирилл и Мефодий (в другом варианте – только Кирилл, в миру Константин Философ), которые оказались в Херсонесе по пути в Хазарию, где они должны были вести полемику с иудеями и мусульманами по вопросам веры.

Может быть, мы захотим вспомнить, чем еще было ознаменовано их достаточно долгое пребывание в византийском Херсонесе (помимо усмирения проповедью хазарского полководца, снявшего осаду без вреда для жителей города; приведения молитвой к кротости воинственных венгров, желавших смерти Константина Философа и его спутников; крещения «народа фульского», который был словом убежден отказаться от язычества)? Мы должны это сделать, чтобы еще и еще раз осознать, что главные подвиги были совершены солунскими братьями на крымской земле как раз на ниве слова и письма.

«Житие» повествует, что Константин, готовясь к богословским диспутам в Хазарии, «научился здесь (в Херсонесе) еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание».

Позднее Кирилл будет успешно пользоваться свободным владением еврейского языка во время диспутов с иудеями при дворе кагана. Мало того, получив от «некоего самаритянина» Пятикнижие (Моисеев Закон), «Философ затворился в доме и отдался молитве, и, восприняв знание от Бога, начал читать эти книги без ошибок», вызвав изумление их владельца и побудив его и его сына к крещению. Свободное владение Пятикнижием в оригинале тоже поможет Философу в предстоящих спорах одолеть его оппонентов.

И вот, наконец, самое главное свидетельство «Жития Константина» для всех гуманитариев славянского мира: «Нашел же здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать их, и многие удивлялись ему, хваля Бога».

Вот она - самая большая радость, подаренная нам 1150 лет назад: через Кирилла-Константина Философа состоялось сретение – встретились письменность и книжная культура Византии и Древней Руси: Рима Второго (находящегося на вершине своего величия и славы) и Рима Третьего (пока еще только набирающего силы)!

Одновременно, вот она - самая большая филологическая загадка последнего тысячелетия! О каких книгах, «писанных русскими письменами», говорит «Житие Константина», если славянская азбука наставниками и первоучителями славянского народа еще не создана?

Как известно, они совершат акт ее творения после двукратного пребывания в Херсонесе (по дороге в Хазарию и обратно) в 861 году. В Моравию, куда их направят из Константинополя через два года – в 863 году – в ответ на просьбу великоморавского князя Ростислава дать его «людям... такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру», братья прибывают уже с переведенным на славянский язык Евангелием.

Глубочайшего смысла исполнен тот факт, что первыми словами, переведенными Кириллом с греческого на славянский, были те, которые открывают Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1,1).

Первоучители совершат свой подвиг создания славянской азбуки, положив тем самым основание современной письменности всех славян мира. Но очень важно осознать, что «Житие Константина» свидетельствует об основании новой письменности именно на прочных фундаментах старой грамоты. Братья осуществили «привой» основанного на тысячелетней культуре христианского знания к крепкому стволу молодой и энергичной славянской культуры. Тем самым они не отсекали новый период от старого. Они их органически сплели.

Свидетельство «Жития Константина» подтверждает простой и совершенно очевидный факт: древние славяне до IX века, несомненно, имели какую-то свою систему письменности, которая до нас не дошла.

Не могли не иметь!

Академик Б. А. Рыбаков справедливо обращал внимание на то, что к IX веку славянские «племена», «земли», «княжения» занимали огромные территории, превышавшие земли большинства европейских королевств (!). Это стало результатом, используя терминологию Л. Н. Гумилева, пассионарного толчка, пережитого славянами в V-VI веках. Очень выразительно об этом писал профессор А. Г. Кузьмин: «Тем временем на огромных пространствах от Иллирии до Днестра приходят в движение славянские племена, которые вскоре окажутся у побережий Северного и Балтийского морей, Адриатики, Эгейского моря, заселят Балканы, включая ряд островов Средиземного моря, большими группами проникнут в Малую Азию, ассимилируют многие народы в одних случаях и ассимилируются сами в других». И далее: «Широкий разлив славянской речи в VI веке свидетельствует о многочисленности славянских пле-

мен и, следовательно, весьма широкой исконной территории, на которой эти племена разрастались. Архаичный строй славянских языков свидетельствует также о большой их древности. Но в VI веке они явно разрастаются за счет включения в свой состав иных языков, иных народов».

Показательно, что в скандинавских сагах Русь именовалась «страной городов», а города, само собой разумеется, не могут существовать без той или иной формы письменного общения. Свидетельство «Жития Константина» о книгах, «писанных русскими письменами», вызвало горячие, не стихающие до сих пор научные споры. Высказаны самые разные мнения о том, какие это могли быть письмены: готские, «сурские», «фрузские», «узкие», рунические и всякие другие.

Но еще в XIX веке было высказано и прямое понимание написанного: речь идет о письменах древних «русов» (восточных славян) – жителей Поднепровья. Именно они достигли к этому времени такого могущества, что 18 июня 860 года киевский князь Аскольд осадил Константинополь. По свидетельству очевидца событий – константинопольского патриарха Фотия, учителя и покровителя Кирилла и Мефодия, город «едва не был поднят на копье». Но осада была снята: русы добились своего – они подписали первый русско-византийский договор, результатом которого, помимо всего прочего, стало первое крещение Византией Руси. Этот акт был финалом долгого процесса приобщения славян Поднепровья к христианству, которое и привело к появлению тех самых книг, принесенных в Херсонесе неизвестным нам человеком Кириллу.

Интересное обстоятельство, на которое мы почему-то не обращаем внимания! Кирилл и Мефодия послали распространять письменность именно среди западных славян. Их не отправили с миссией в Киев. В этом не было необходимости, так как в столице Древней Руси протокириллическая письменность, видимо, уже утвердилась.

К сожалению, пишет о письменах древних

«русов» авторитетный современный ученый, «не имеется каких-либо следов существования такого письма или упоминания о нем в других источниках».

Привычная ситуация для нашей науки: нам, ученым, зачастую нужны фанатики-любители, Генрих Шлиман или Олжас Сулейменов, чтобы наперекор всем сомнениям сдвинуть с мертвой точки вопросы о местоположении легендарной Трои и загадочном авторе «Слова о полку Игореве».

Во-первых, в известном смысле для нас не важно, каковыми были эти загадочные письмены. В первую очередь для нас важен сам факт, что та или иная система письма у древних славян была. А этот факт засвидетельствован «Житием Константина».

Во-вторых, почему мы говорим, что не сохранилось «следов письма» древних славян IX века? Они есть и их много. Это и загадочные знаки на наших древних монетах, застежках и украшениях. Это и непонятные граффити на костях животных и керамике, различных предметах обихода (в частности, на пряслах и камнях) и строительных сооружениях. Наконец, это найденный в 1897 году под Рязанью у села Алканово глиняный сосуд со странными письменами, которые не прочитаны до сих пор. Это также обнаруженный в 1914 году в Киеве фрагмент амфоры с надписью, датированной VIII-IX столетиями. А сколько таких сосудов, фрагментов и знаков канули в лету, не обратив на себя нашего внимания?!

Существование письменности у древних славян, по справедливому мнению киевского историка М. Ю. Брайчевского, доказывают русско-византийские договоры, которые, как известно, писались «двумя языками» договаривающихся сторон. Договоры также свидетельствуют о наличии у славян к концу 50-х годов IX века развитой деловой письменности – разного рода юридических актов, дипломатической переписки, соответствующим образом оформленных завещаний и другого.

Справедливо М. Ю. Брайчевский указывает и на свидетельства арабских источников, не

только подтверждающих наличие у славян письменности, но даже предпринимающих попытку воспроизвести в тексте чужие для них «письмена» (Ибн-Якуб аль-Недим).

Вместе с тем главный «след» этой письменности – созданная Кириллом и Мефодием азбука, которая представляет собой контаминацию букв греческого алфавита и знаков этой самой, не дошедшей до нас древнейшей славянской письменности. Вот свидетельство черноризца Храбра: «И создал он (Кирилл) для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью».

Показательно, что Храбр говорит о том, что Философ не позаимствовал, а «создал» 38 письмен, из которых, скрупулезно уточняет он далее, 24 «подобны (!) греческим письменам», а 14 – «славянской речи».

Первоучители совершили творческий акт: они не повторили известные им «письмена», а воссоздали их в новой системе. Поэтому 24 их буквы, по глубокому заявлению Храбра, не копируют греческие, а всего лишь «подобны» им. Так же как и «русские письмена», увиденные братьями в Херсонесе, не просто скопированы ими, а воссозданы в новом качестве. Они как настоящие ученые-филологи поняли, что славянская азбука из многовекового опыта византийской письменности примет, приурочив к особенностям своего языка, а что отвергнет, упорно сохраняя свое первородство. В этой контаминации – сакральность нашей азбуки, которая доносит до нас знаки письма древнейших славян, преодолевших для встречи с нами не столетия, а тысячелетия! Со страниц нашей азбуки на нас в упор, не мигая, смотрит сама история наших древних предков.

Всего этого не было бы, если бы не эта удивительная «книжная» встреча, которая произошла в Херсонесе 1150 лет назад. Напомним, что «Житие Константина» создавалось соратниками и учениками Философа. Оно последовательно отражает точку зрения Кирилла на историю создания азбуки. И тот

факт, что «Житие» так подробно рассказывает о встрече первоучителя с «русскими письменами», подтверждает исключительную важность этого эпизода для осуществления главного дела всей жизни братьев. Важно отметить, что Кирилл с присущим ему смирением не приписывает себе абсолютного авторства. Он честно рассказывает, что получил подсказку. И получил ее не в Солуни и не в Константинополе, а в Крыму в Херсонесе.

Славянские языки братья, конечно же, знали и ранее. Об этом свидетельствует, например, «Житие Мефодия». Византийский император Михаил III, отправляя первоучителей в Моравию, говорит: «Вы ведь солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски».

Говорят-то чисто, но никто из них не умел по-славянски писать. В греческих Фессалониках, родном городе первоучителей, название которого многочисленными жителями из числа славян преобразовали в более привычное для себя Солунь, те же самые славяне в книжных потребностях, конечно, пользовались греческим письмом.

Образованная Византия не встречалась до 861 года с письмом «русов». Цесарь Михаил III на вопрос Философа, есть ли у моравских славян «буквы для их языка», отвечает: «Дед мой и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?».

Братья «обрели» их в Херсонесе. И они «быстро», как сказано в «Житии Мефодия», создают в Константинополе «письмена» – универсальную славянскую азбуку, идея которой была подсказана им «книжной» встречей в Крыму. Они справедливо решили, что надо не каждому отдельному славянскому наречию создавать азбуку, а дать единую письменность всем славянским народам, преодолевая в известном смысле, их региональную разобщенность и их многочисленные и неудачные в прошлом попытки решать вопрос церковной письменности каждый по-своему (например, записывать славянскую речь «римскими и греческими письменами», использовать буквы других алфавитов).

То, что совершили первоучители славянства, в полном смысле слова является подвигом. Они, добиваясь права славян на письменность, испытывали гигантское сопротивление современного им мира, который пытался утверждать, что знакомиться с божественными текстами можно только на трех священных языках – еврейском, греческом и латыни. Братья доказывали право каждого народа, в том числе и славян, на своем языке проповедовать Божье слово. В «Житии Константина» герой отвечает своим хулителям, устроившим над ним в Венеции судилище: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?»

Как известно, после кончины братьев с их учениками расправились очень жестоко. Некоторые из их числа были заключены в тюрьму и подвергнуты пыткам, а потом высланы из Моравии. Другие были проданы в рабство и доставлены на невольничий рынок в Венецию. Посол Византии выкупил их там и отправил в Константинополь, где судьбой изгнанников занялся лично император Василий I. Позднее ученики первоучителей были направлены для проповеди христианства на славянском языке в Болгарию и в сербские земли. И они, не колеблясь, снова приступили к исполнению своего долга, забыв о тюрьмах и невольничьих рынках!

Благодаря братьям славянский язык стал четвертым языком, на котором стали вести службы в христианских храмах и писать церковные книги. Я хочу обратить внимание, что деятельность Кирилла и Мефодия по созданию славянской письменности была начисто лишена всякого национального эгоизма. Их родному греческому языку доктрина «трехязычия» ничем не угрожала. Тем величественнее совершенный ими подвиг – подвиг бескорыстного служения, подвиг братской любви к ближнему, подвиг деятельной защиты мира многоликого, а не уныло одно-

образного.

Кирилл и Мефодий объединили своей азбукой разобщенный славянский этнос на века. Он получил духовную скрепу, которая позволила ему остаться самим собой при всех исторических катаклизмах, политических трансформациях и идеологических распрях. Вторичными оказались различия в обычаях и нравах, фенотипах и темпераментах, в говорах и диалектах. Азбука объединила всех!

Великий и странный город Севастополь! Он бережно хранит память о своей военной славе нового времени и до недавнего прошлого был совершенно равнодушен к своей древней истории. Как это ни странно звучит, но в Херсонесе-Севастополе никогда не было ни улицы, ни площади, носящих имя Кирилла и Мефодия, не было памятника, увековечивающего подвиг этих великих людей. В 2008 году по инициативе тогдашнего губернатора Севастополя Сергея Куницына был проведен конкурс среди скульпторов Украины и России, который выиграли харьковские специалисты во главе с замечательным мастером Александром Демченко. Проект памятника прошел все необходимые согласования и 14 июня – в день 225-летия города Севастополя и 2600-летия Херсонеса Таврического – был торжественно открыт.

Кстати, это уже пятый памятник первоучителям в Украине: один стоит в Киево-Печерской Лавре, второй – на Михайловский площади Киева, третий – в Одессе возле корпуса гуманитарных факультетов университета, четвертый – в Мукачево. Севастопольский памятник – самый большой из всех установленных в Украине: величина отлитых в бронзе фигур Кирилла и Мефодия составляет около трех метров.

Можно также гордиться тем, что с 2008 года в Севастополе проходят Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, которые в этом году отметили свой первый юбилей – пятилетие – и собрали около 200 ученых из самых разных регионов и стран, среди них историки и филологи, философы и богословы, писа-

тели и журналисты, политологи и общественные деятели. Но радуясь первому пятилетию чтений в родном для первоучителей Херсонесе, как не вспомнить, что в Болгарии, где Кирилл и Мефодий никогда не были, День славянской письменности и культуры уже более 150 лет является национальным праздником.

Поэтому совсем не случайно: никто из выступавших на конференции в Севастополе не вспомнил о тихо и бесславно уходящем от нас неотмеченном юбилее.

Может быть, перечисленные выше начинания хотя бы через 25 лет приведут к тому, что 1175-летие современной славянской письменности мы отметим более достойно?

Мамонтов Владимир Константинович

**президент издательского
центра «Известия»:**

Спасибо большое, Владимир Павлович! Мы смотрели на Вас и слушали, затаив дыхание. Спасибо за очень интересный доклад! Какие-то вещи для многих из нас оказались новыми, яркими и очень интересными.

Дальше должен выступать я с темой «Какие границы нам не нужны?»

У меня не научный доклад, а некоторые наброски и размышления о различного рода границах. Когда я думал над этой темой: какие границы нам нужны, а какие не нужны, возник

совершенно четкий образ. Мне в голову приходит история из старого советского фильма, в котором шпион переходит границу на копытках. Пограничник оказался умнее шпиона, догадался, что животное так ноги не ставит, поймал лазутчика, и все закончилось хорошо. Нужна ли нам подобная граница сейчас? Нам всем? Прежде всего, тем трем государствам, которые вошли в Таможенный союз, приблизившись к интеграции. Такие - не нужны, но жесткая, точная государственная граница, конечно же, нужна! Современная, мощная, изощренная граница, которая не дала бы возможности проникнуть к нам наркотикам, злым силам.

Здесь много ругали «шпионский камень». Либеральная общественность и журналисты все перья стерли, осуждая его за нелепость и глупость: один щелчок по клавиатуре отправляет мегабайты информации на спутник и обратно. Однако мегабайты ловятся, а камень можно передать по старинке. Но дело не в этом.

Наши партнеры, друзья и недруги, так или иначе, ПРО строят. Что бы они ни говорили, никому не верится, будто это исключительно против Ирана. Границы должны защитить интересы, ресурсы, культуру и общность своих стран всеми доступными силовыми, техническими и иными средствами. В этом широком плане такие границы и ограничения на проникновения, влияния, дестабилизацию, безусловно, нам не помешают.

Какие границы нам не нужны? В материальном мире нам не нужны никакие границы, касающиеся экономического развития и торговли. Все, что мешает кооперации, интеграции – можно выбрать любое слово – нам не нужно. Владимир Путин, будучи премьером, на вопрос: какое событие в жизни постсоветского пространства он считает самым главным за последние годы? – ни минуты не сомневаясь, назвал Таможенный союз. В этом направлении любое изменение в сторону снятия границ и ограничений очень важно. Следующий шаг – единое экономическое простран-

ство. Кстати, Президент Беларуси Александр Лукашенко сказал: «Нужно понимать, что без Таможенного союза не может быть единого экономического пространства, а нас это больше всего интересует!». Это было сказано на выступлении перед рабочими минского завода «Светоприбор» - получается чуть по-советски. Однако как бы это ни звучало, слова Президента свидетельствуют о зарождении процессов, которые сильнее этих мелочей.

В современной жизни народные мудрости не теряют своей значимости, например, «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Кризис подталкивает руководителей к консолидации, какие-то вещи стали лучше понимать, благодаря этим кризисным явлениям. Один из моих коллег, белорусский журналист и политолог пишет: «Жалко, что столько времени было потрачено зря. Можно было бы сделать это гораздо быстрее, умнее, талантливее и толковее. Слава Богу, что ошибки осознаны, перспективы обозначены и наблюдается практическая работа по реализации конкретных задач четкого плана».

Иногда мы, журналисты и гуманитарии, пытаемся доказать, что являемся братскими странами и должны сотрудничать. Слова тратятся впустую, проходя мимо ушей, потому что мы не понимаем, есть ли от этого хоть какой-нибудь прок, кроме разговоров. Однако такие вещи, как сотрудничество, таможенные союзы, наша совместная работа имеют абсолютно физическое выражение. Сергей Глазьев, занимающий пост ответственного секретаря таможенной комиссии Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана говорит, что ВВП к 2015 году получит прирост в 19%, что составит полтриллиона долларов. По-моему, неплохая прибавка к нашей общей пенсии!

Аналогичные заявления, я опять же цитирую своих коллег, сделали многие казахские, российские и белорусские чиновники. Посмотрим, как они воплотятся в жизнь, но в прогнозном виде это выглядит следующим образом. Отмена границ приведет к увеличению ВВП в России на 16,8, в Беларуси – на

16,1, в Казахстане – на 14,7; суммарное увеличение составит от 15 до 20%. Украина «гуляет»: она продолжает терять, она продолжает лавировать, продолжает размышлять, куда бы ей приткнуться, и путешествовать туда-сюда. Простите меня, мои украинские друзья и коллеги! Вы знаете, что я нежно отношусь к Украине. Но это чудесное качество украинской политики, кто бы ее ни возглавлял: ни к чему не присоединяться и везде опаздывать. Повышения ВВП на 16,8 % не предвидится точно, что предвидится, вам виднее.

Последнее, что я хотел бы сказать: конечно, нам не нужны никакие границы для того, чтобы друг к другу ездить, для общения, для культурного обмена. У нас нет виз, одно время отменили миграционные карты, теперь опять ввели. Зачем?! Это мелочь, но это странная мелочь, которая очень мешает. Готовясь к выступлению, я посмотрел, какие силы задействованы на сохранение пограничья: комиссия того - сего, помимо полицейских сил. Они все хотят, а граница – их кормилица.

Обратите внимание: как легко вчера вечером мы сломали все границы, так плавно и красиво, понимая друг друга и никого не обижая. Это значит, что здесь собрались люди, которым по большому счету эти границы и не нужны. Но настало утро, и каждый из нас стал руководителем или сотрудником дипломатического ведомства, журналистом или политологом. Картина мира немного поменялась. Я бы призвал нас всех сохранить в себе немного от вчерашнего вечера. Когда мы принимаем те или иные важные стратегические решения, держать это в важном уголке своих голов и вспоминать такие минуты, в которые люди становятся людьми и возвращаются к тому, к чему инстинктивно их подталкивает натура и ход развития истории, я в этом абсолютно убежден.

Оганесян А.Г.: Мы продолжаем нашу работу. Предоставляю слово Кожокину Евгению Михайловичу. Тема его доклада «Европейский союз, Россия, СНГ: демографическое измерение».

Кожокин Евгений Михайлович

ректор Академии труда и социальных отношений (Россия):

Европейский союз - метасоциальное государство, еще не государство, но уже и не региональная организация, у ЕС имеются атрибуты государственности - своя валюта, таможенная территория, органы управления, парламент, центральный банк, но сохраняются и национальные государственные структуры, при этом в сфере обороны и безопасности полномочия органов ЕС очень ограничены. Явный приоритет у национальных государственных институтов, а с другой стороны, у тех стран, которые одновременно являются и членами ЕС, и членами НАТО, суверенитет в области обороны и безопасности частично делегирован структурам НАТО. В итоге разделение государственного суверенитета - характернейшая черта стран Европы, входящих в ЕС. Система управления в Евросоюзе слишком бюрократизирована, слишком ориентирована на достижение консенсуса, в результате не обеспечивает достаточной концентрации власти для принятия быстрых и решительных действий в кризисные моменты.

ЕС, с одной стороны, используя методы «мягкой силы», продвигает в соседних регионах, в том числе в СНГ, прогрессивную модель го-

сударственного и экономического устройства, с другой стороны, пытается обеспечить, чтобы данные регионы являлись его ресурсной базой, неспособной к конкуренции в перспективных областях науки и технологий. Европейский союз для России одновременно конкурент и партнер.

Задача данной статьи понять, в чем заключается смысл и перспектива борьбы ЕС за человеческие ресурсы, ставится также вопрос, можно ли отношения на рынке труда между Россией и Евросоюзом сделать не только конкурентными, но и партнерскими.

Население Европы стареет, при этом в некоторых странах оно к тому же сокращается, иначе говоря, для Евросоюза характерен на данный момент затухающий прирост населения.

На 1 января 2011 года население 27 стран - членов Евросоюза составляло 502,5 млн. человек, на 1 января 2010 года - 501,1 миллиона, на 1 января 2009 года - 499,7 миллиона. По данным Евростата, прирост населения в 2010 году на 1 тыс. человек составил -2,7%, благодаря естественному приросту на 0,5 миллиона (+1,0%), миграции на 0,9 миллиона (+1,7%). Восемь членов ЕС имеют отрицательные показатели естественного прироста населения. Эта тенденция особенно характерна для Латвии (в 2010 г. - -4,8%, в 2009 г. - -3,6%), Болгарии (в 2010 г. - -4,6%, в 2009 г. - -3,6%), Венгрии (в 2010 г. - -4,0%, в 2009 г. - -3,4%), Германии (в 2010 г. - -2,2%, в 2009 г. - -2,3%), Румынии (в 2010 г. - -2,2%). Правда, причины сокращения численности населения в Германии и, к примеру, в Венгрии различны. В Венгрии отрицательный прирост связан исключительно с высоким превышением смертности над рождаемостью, миграционный баланс Венгрии в отличие от Германии - положительный. В Румынии на низкий уровень рождаемости продолжает влиять закон, разрешающий аборт, которые при режиме Чаушеску были запрещены.

В 27 государствах Евросоюза в 2009 году по сравнению с 2008 годом немного уменьши-

лась рождаемость, смертность осталась на прежнем уровне. Если и есть рост населения Европейского союза, то он очень небольшой.

В России удельный вес населения в возрасте 60 лет и более составляет 17% от общей численности населения страны, в Европе он превышает 20%: в Австрии, Испании, Франции - 22%, в Швеции - 24%, в Германии - 25%. В большинстве стран ЕС тенденции к увеличению процента пожилых людей в составе населения. На конец 2008 года в России данный показатель был равен 17%.

Продолжительность жизни в странах Европейского союза, и прежде всего в странах Западной Европы, увеличивается. Лидирует Германия, но тенденция идентична по всем 12 обследованным странам и по ЕС в целом. Притом если брать другие источники, то прогнозы приблизительно такие же.

Получается такая ситуация: молодежи и, соответственно, трудоспособных людей становится все меньше, пожилых людей становится все больше, нагрузка на пенсионную систему в перспективе все больше будет увеличиваться, и это создаст серьезные финансовые проблемы.

На протяжении предшествующих десятилетий число людей пожилого возраста в ЕС росло, число работающих (в относительном выражении) - снижалось. Пропорции тех и других быстро менялись не в пользу экономически активного населения. В последующие годы действие этих тенденций сохранится. Доля престарелых в возрастной структуре населения на фоне отрицательных показателей его естественного прироста будет стремительно повышаться.

Данные, приводимые в докладе ЕС о старении населения, свидетельствуют: сейчас на каждого человека, перевалившего рубеж в 65 лет, приходится четверо, находящихся в возрастной группе от 15 до 64. К 2060 году их останется только двое. То есть если сейчас на каждого пенсионера приходится четверо работающих, то через полвека их число сни-

зится до двух. Престарелым будет все меньше и меньше на кого опереться.

Доля людей в возрастной группе от 65 до 79 лет вырастет довольно значительно. Она увеличится наполовину. Но эта цифра меркнет по сравнению с тем, что произойдет с возрастной группой тех, кому за 80. Ее доля подскочит в три раза. Соответственно, пропорция людей, относимых по возрасту к экономически активной части населения, снизится на 15%, если не больше.

Хотя по достижении пенсионного возраста все больше и больше людей будут оставаться на рабочих местах и число женщин, присутствующих на рынке труда, будет увеличиваться, общее число трудящихся за период с 2010 по 2060 год сократится в абсолютном выражении на 19 млн. человек.

Как следствие этого, на высокие темпы экономического роста в ЕС рассчитывать не приходится, несмотря на то что производительность труда будет расти. Внедрение новых технологий позволит наращивать производство и объем предоставляемых услуг. Но снижение числа работающих будет подрывать сами основы экономического роста.

Предполагается, что под влиянием груза демографических проблем темпы экономического роста начнут снижаться уже через десятилетие. Если до 2020 года они прогнозируются в среднем несколько выше 2%, то в последующие десятилетия они, скорее всего, не смогут подняться столь высоко. И шаг за шагом будут падать ниже критической отметки в 2% прироста ВВП в год.

Как страны Европейского союза думают выходить из этой проблемной ситуации, притом что эта проблемная ситуация с годами будет нарастать и нарастать?

Рецепты борьбы с угрозой старения разработаны и большей частью уже предписаны. К таким мерам относятся: продление, юридическое и профессиональное, активной фазы жизни, которое включает в себя реформу пенсионного обеспечения, разные формы привлечения пожилых людей к обществен-

ному труду, их переобучение, вплоть до создания университетов третьего поколения.

Некоторые страны ЕС пенсионную реформу уже осуществили, увеличив отчисления в пенсионный фонд (сейчас пока эта проблема еще не стала столь острой), некоторые подняли возраст выхода на пенсию. Во Франции попытки правительства изменить возраст выхода на пенсию с 60 лет на 62 года вызвали массовые протесты, миллионные манифестации, забастовки. Но сопротивление трудящихся под руководством профсоюзов правительством было преодолено.

Частичное решение проблемы старения населения связано также с попытками вовлечь в трудовой процесс все больше и больше людей, уже вышедших на пенсию. В странах ЕС открываются один за другим так называемые университеты третьего поколения, где люди пенсионного возраста получают новое образование, чтобы они могли войти в экономику, отчуждающую их не по физиологическим, а по квалификационным причинам. Сейчас в эпоху информационной революции наблюдается небывалый в истории человечества разрыв между поколениями. Если поколение 2000-х, можно сказать, «рождается» в Интернете и вместе с соской получает компьютер, то многие люди, кому за 60, просто не могут пользоваться компьютером - Интернет для них что-то страшное и непонятное. Через систему университетов третьего поколения пытаются людей, кому за 60, включить в новую информационную среду, чтобы они могли работать в условиях информационного общества.

Это рациональный и необходимый паллиатив. На Западе люди пенсионного возраста выглядят в среднем намного лучше, чем в России, и сохраняют возможность работать, но возраст есть возраст. Помимо физического состояния, есть еще накапливающаяся психологическая усталость, и очень многие люди физически могут работать, а психологически уже не готовы к тому, чтобы постоянно заниматься трудовой деятельностью.

Иного плана ответ на демографический вызов - это приезд мигрантов. С одной стороны, приезд мигрантов - это решение проблем. Притом решение традиционное для ряда стран Западной Европы. В XIX веке трудовыми мигрантами, к примеру во Франции, были в основном немцы, затем мигрировали из Польши, отчасти, кстати говоря, и из России в конце XIX - начале XX века, позднее мигранты были в основном из Италии, Испании, Португалии - все волны этих мигрантов вполне успешно интегрировались во французское общество. Множество граждан Франции имеют итальянские, португальские, польские фамилии, при этом у них самосознание французов, они абсолютно интегрированы во французское общество и, собственно, ничем не отличаются от французов, разве что у них есть воспоминания, что когда-то их бабушки или дедушки жили в Польше, Италии или Португалии. Последние волны мигрантов - это люди в основном из стран Ближнего Востока и Магриба. Интеграция этих людей в западное общество происходит с огромным трудом, а значительная часть таких мигрантов вообще не интегрируется. Турки и арабы, даже родившиеся и выросшие в Европе, подчас плохо знают язык страны пребывания. Арабы и турки в Европе живут общинами, сохраняют свою религию и нередко презирают граждан страны, их принявшей.

Все это приводит к тому, что мигранты, с одной стороны, помогают решить проблему дефицита рабочих рук, а с другой стороны, создают напряженность в обществе, и иногда эта напряженность выливается в массовые беспорядки. Несколько лет назад волнения прокатились практически по всей Франции, затронули Бельгию и некоторые города Германии и Голландии. Помимо мигрантов-мусульман и их детей, в ряде стран Европы все большую проблему создают цыганские общины. Значительный процент населения цыгане составляют в Болгарии, Венгрии, Румынии, Словакии. Их точная численность

неизвестна, так как, например, в Болгарии при рождении ребенка цыгане часто записывают его как болгарина или турка. При социализме с присущей этой системе жесткостью цыган принуждали отдавать детей в школы и получать профессию. Сейчас при гораздо более либеральных режимах цыганские дети часто остаются неграмотными и не получают никакой профессии. Община все более уходит в теневую экономику и, по сути, десоциализируется.

Значительная часть (если не сказать большая) мигрантов, приезжающих из стран Ближнего Востока и Магриба, ни с гражданской, ни с социо-культурной точек зрения, обитая в Европе, не превращаются в европейцев. Европейский союз на уровне брюссельской бюрократии ищет ответы на вызов неинтегрируемости мигрантов-мусульман. Готовятся аналитические доклады, проводятся слушания в Европарламенте.

Политическое руководство отдельных стран ЕС действует более решительно. Президент Франции Н.Саркози мобилизует нацию, пробуждая ее национальный дух путем высылки балканских цыган, то есть мигрантов, которых можно во Франции относительно безболезненно тронуть. Но высылка цыган не столько действие, сколько пиаровский ход, имевший краткосрочный эффект.

Инициированная в значительной степени тем же Саркози военная акция в Ливии была ориентирована в том числе на то, чтобы путем демонстрации эффективной силы воздействовать на сознание живущих во Франции и других странах ЕС арабов-мусульман, чтобы показать им, что евроатлантическая цивилизация сохранила свою мощь и в нужный момент готова ее использовать со всей решительностью.

Но помимо мигрантов из стран Ближнего Востока и Магриба есть и другие миграционные волны в Европу, о которых мало что говорится.

Согласно данным МВД, в 1987 году за границу из СССР эмигрировали 39,1 тыс. чело-

век против 6,1 тысячи в 1985 году. В 1989 году число эмигрантов увеличилось до 235 тысяч, в том числе 47,5 тыс. человек (20,2%) выехали из России. В 1990 году, когда этническая эмиграция немцев, евреев и греков была разрешена официально, эмиграция из России удвоилась.

Введение в действие закона о свободе въезда и выезда с 1 января 1993 года открыло двери и для остальных россиян, на 1993 год пришелся максимум эмиграции - 113,9 тыс. человек. После 1995 года эмиграция стала плавно снижаться, но в 1999 году под воздействием финансового кризиса произошел ее новый всплеск. Затем нисходящий тренд восстановился. В 2002 году эмиграция упала до 67 тыс. человек. В 2003 и 2004 годах снижение эмиграции за рубежи бывшего СССР продолжалось. По данным Госкомстата, в 2004 году она была на 20% меньше уровня 2002 года.

За 1989-2004 годы, по учетным данным, из России за рубежи бывшего СССР выехало 1,3 млн. человек. Разумеется, де-факто эмиграция была гораздо больше, возможно, даже в два раза больше, считает известный российский демограф Ж.Зайончковская.

Большую часть эмигрантов из России приняла Германия - 760 тыс. человек (58%), четверть потока - 324 тыс. человек - принял Израиль, 11%, или 145 тыс. человек, - США. Во все другие страны выехало лишь 80 тыс. человек (6%).

Эта официальная статистика германского Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев далеко не полная, потому что очень разный статус у мигрантов, приезжающих из России. Особым образом фиксируются репатрианты. Речь идет о немцах, которые жили на территории бывшего СССР и которые по факту своего этнического происхождения для Германии являются репатриантами. Другая категория - это люди, которые, приезжая, сохраняют российское гражданство, живут в Европе, многие из них не собираются возвращаться, но по тем или иным причинам (иногда просто трудно полу-

чить гражданство стран ЕС) остаются там на заработки. Иногда, если возникают проблемы с работой, они возвращаются в Россию или переезжают в США.

Есть третья категория тех, кто приезжает, работает, получает гражданство. Трудовая миграция из стран СНГ в ЕС имеет существенные отличия. Из Украины, Молдовы в основном в Европу едут неквалифицированные люди или люди, имевшие, но в силу экономических обстоятельств потерявшие квалификацию. Они едут работать на стройках, сельскохозяйственных фермах. Сейчас в Португалии, Италии уже имеются значительные общины украинцев и молдаван.

Из России большей частью уезжала интеллигенция. Уезжали ученые, инженеры, программисты, врачи. Уезжали молодые люди на учебу, но, отучившись, не возвращались. С чем это связано? С отсутствием патриотизма? Очень часто нет. Дело в том, что в отличие от экономистов, социологов, лингвистов, для которых не требуется лабораторий, для биологов, химиков, физиков часто возникает жесткая дилемма: или ты работаешь в лаборатории с современным оборудованием, и тогда ты состоишься как ученый, или ты работаешь в лаборатории с отсталым оборудованием, и, даже если ты потенциально гениальный химик или биолог, ты никогда не состоишься как ученый мирового класса. И эта дилемма, с которой, к сожалению, сталкиваются наши молодые химики, биологи, физики, работает на руку в том числе и Германии.

Отметим, что большая российская община, живущая в Германии, не создает сколь-либо существенных проблем для местной полиции, это община вполне интегрированная. Там есть проблемы не у берлинской полиции, не у немцев, живущих вместе с русскими, евреями, выехавшими из России, а у тех, кто выехал: они сталкиваются с некоторым психологическим дискомфортом, подчас выходцам из России очень умело притормаживают

их карьерный рост. Притом иногда с этим сталкиваются даже немцы, выехавшие из стран СНГ.

В Таблице №5 приведены данные по странам - членам ЕС, на территории которых проживают значимые группы иностранцев, уехавших из России, Белоруссии, Грузии и Украины. Приведены данные только по иностранцам, то есть те люди, которые, допустим, получили болгарское гражданство, но являются выходцами из России или Украины, не учитывались. В Болгарии россияне среди иностранцев находятся на первом месте (на втором месте Украина). В Чехии на первом месте среди иностранцев - Украина. Латвия - это особый случай, потому что категория лиц без гражданства - это не мигранты, а люди, которые просто жили в Латвии, не латыши, они никуда не мигрировали, просто жили в своих домах, работали, но, когда изменилось законодательство о гражданстве, они не получили гражданство и оказались в категории лиц без гражданства. Часть из них взяли российское гражданство, поэтому в Латвии на первом месте среди якобы иностранцев лица без гражданства, а на втором месте - россияне (и это не приехавшие в Латвию, а жившие в Латвии, просто принявшие российское гражданство). Даже в такой специфической с точки зрения отношений с Россией стране, как Польша, на втором месте после Германии оказалась Украина, а на третьем - Россия. В Португалии - значительное количество украинцев. Румыния предпринимает усилия к тому, чтобы в перспективе Молдову интегрировать в том или ином виде, поэтому ведется политика и по привлечению большого количества студентов из Молдовы, и облегчению получения румынского гражданства для граждан Молдовы.

Выходцы из стран СНГ занимают все более заметное место с демографической точки зрения, но с точки зрения экономического, профессионального присутствия в ЕС - это еще более заметный фактор.

Утечка мозгов осуществляется и через приезд

на учебу, на стажировку.

В Таблице №6 приведены данные германского Федерального агентства по вопросам миграции и беженцев по иностранным учащимся в 2008-2009 годах. Наша страна оказалась на третьем месте. Германия проводит постоянную работу по привлечению студентов. Притом предпринимаются усилия по привлечению лучших студентов с учетом того, что значительный процент из тех, кто учится в Германии, там же и останется на работу. Но не только наши учащиеся серьезно представлены. Шестое место по численности обучающихся в Германии удерживает Украина. У Украины в этом плане абсолютно такие же проблемы с точки зрения «утечки мозгов», как и у России, Украина теряет не только трудовые ресурсы, но и интеллектуальные.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Россию на учебу или стажировку стремятся уехать в большей степени лица, имеющие начальное образование, в то время как в страны ЕС в большей степени стремятся имеющие среднее и высшее образование.

Мигранты, приезжающие в страны ЕС из России и других стран СНГ, - это в основном молодые люди. Тем самым мы, сами страдая от нехватки молодых, из года в год помогаем ЕС решать одну из сложнейших проблем. Более того, как показывает исследование, проведенное агентством «Gallup», Россия и ЕС постепенно становятся конкурентами в борьбе за трудовые ресурсы из стран СНГ.

Таблицы №№ 9,10,11 показывают степень заинтересованности граждан из стран СНГ и Грузии в выезде в страны ЕС (в сравнении с США и Россией) для осуществления там учебы или стажировки, для постоянного проживания и временного трудоустройства. Эти таблицы построены на основании опросов, проведенных в 2009 году американским агентством «Gallup». На протяжении 1990-х и 2000-х годов миграционный вектор имел следующую направленность: из России уезжали в Германию, Израиль, США русские,

евреи, немцы, украинцы, белорусы, греки, а к нам приезжали из стран прежде всего Центральной Азии и Южного Кавказа, а также из Молдовы, Украины и Китая. Сейчас уменьшается поток выходцев из стран Южного Кавказа, Украины и Молдовы. Но опросы «Gallup» выявили, что и в странах Центральной Азии постепенно привлекательность приезда в Россию начинает падать. Это связано в том числе и с тем, что в Европе и США появились общины центральноазиатских народов. Община является организующей ячейкой, притягивающей к себе соплеменников и помогающей им обустроиться в чужой среде. При этом год от года усиливается борьба за идейное влияние на население Центральной Азии, с одной стороны, салафитов и представителей «Хизб-ут-Тахрир», с другой - носителей либеральной идеологии, организационно и финансово чаще всего связанных с различными государственными и негосударственными структурами США и стран ЕС. Россия на данный момент не имеет сформулированного идеологического проекта, интересного и привлекательного для выходцев из Центральной Азии. Это осложняет для нее борьбу за образованных людей из этого региона. В то же время вопрос человеческих ресурсов является ключевым с точки зрения будущего любой страны.

Сейчас в нашей стране исключительно много говорится о необходимости модернизации, инновациях, но кто будет осуществлять модернизацию? Кто будет реализовывать инновации?

Инновация превращается в реальность в результате выстраивания исключительно сложной интеграции между наукой теоретической и прикладной, производством и рынком. То есть должны быть исследователи, которые видят, как эти теоретические разработки можно использовать в практическом значении для производства каких-то новых продуктов. И, наконец, люди, которые увидят, как этот новый продукт можно реализовать на

рынке. Цепочка на самом деле очень специфическая, и для реализации этой цепочки требуется главное условие: наличие хорошо образованных, ориентированных на творчество людей. И, конечно, нужны нормальные условия для работы, для того чтобы талантливые люди не уезжали в ту же Германию, а оставались в России. На данный момент интеграция между теоретической и прикладной наукой, производством новой высокотехнологичной продукции и российскими рыночными структурами в России явно пробуксовывает. И это представляет все большую угрозу для страны. Тем более что подмена инноваций идеологическим шумом по поводу инноваций осуществляется на фоне трудного, проблемного, но неуклонного формирования единого социума Европейского союза, и в этом формировании участвуют выходцы из стран СНГ, и особенно значимую роль играют уроженцы Российской Федерации. Наши граждане, как действенные, так и бывшие, своим трудом, знаниями, талантами способствуют повышению конкурентоспособности ЕС; в свою очередь, Россия, теряя умных, энергичных, высокопрофессиональных людей становится слабее. Об этом демографическом феномене бесполезно говорить с гражданами ЕС, ситуация отвечает интересам данного метагосударства. О причинах данного феномена необходимо говорить в России и искать пути к тому, чтобы развернуть вектор миграции так, чтобы умные, энергичные, высокопрофессиональные люди приезжали к нам или, как минимум, от нас не уезжали.

Оганесян А.Г.: Следующий докладчик – Моисеев Александр Николаевич. Тема – «Миграционная политика в Испании и Португалии, опыт Европы для России, Украины, Белоруссии».

Моисеев Александр Николаевич

политический аналитик по проблемам Иберо-Америки (Россия):

Миллионы людей в мире ежегодно пересекают границы в поисках лучшей, более комфортной жизни. Одни это делают демократично и законно. Другие нелегально, обогащая мафию по торговле людьми. Весьма приблизительные данные ООН свидетельствуют: только за последние 20 лет число стран, охваченных процессом миграции, увеличилось более чем вдвое, а общая численность переселенцев в мире превысила 200.

Международная организация по миграции (МОМ) считает процесс межгосударственного переселения «одной из определяющих глобальных проблем начала XXI века».

Что это за миграция? Составная часть глобализации? Или сопутствующая? Или глобализация – один из итогов миграции? Дискуссии экспертов разных стран по этому поводу не прекращаются. Тема банальная, но вечная. Тем более что сама по себе глобализация как явление – в чем-то процесс объективный, а в чем-то надуманный.

К тому же, феномен современной миграции изучен пока недостаточно глубоко. Но особенно туманны ее последствия в будущем. Хотя важность и влияние этого процесса на плохо предсказуемые демографические и по-

литические трансформации принимающих «пришельцев» стран и их доноров несомненны.

На нашей конференции речь идет об интеграционных процессах в трех братских странах – России, Белоруссии и Украине. И я хотел бы остановиться главным образом на миграционном опыте Испании и Португалии, который мог бы стать полезным для взаимодействия наших славянских государств, жители которых в советские времена познали в основном миграции внутри единого Советского Союза.

Теперь другие времена. Другая миграция. Другие возможности.

Пассионарную африканскую, азиатскую или латиноамериканскую молодежь уже давно гонит на чужбину высокая безработица, нищета, свехрождаемость, невозможность решить жилищную проблему и прокормить своих жен и детей. Сейчас к этим причинам добавились нарастающие климатические катаклизмы, а также массовые социальные бунты и вооруженные конфликты.

Напомню, что пассионарность, по А. Н. Гумилёву, - это способность и стремление к изменению окружения, или «к нарушению инерции агрегатного состояния среды». Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака, пассионарии, не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности.

Говорят, «сравнение - не доказательство». И, тем не менее, многое в жизни познается именно в сравнении. Только, сравнивая, нужно еще и думать, размышлять, анализировать. И делать свои выводы.

Ну а почему «для сравнения» мы выбрали Испанию и Португалию? А, скажем, не США или Австралию, которые образно называют «плавильными котлами наций»? Да потому, что у нас с Америкой диаметрально разные

истории. А с Испанией и Португалией у нас много схожего. Эти две страны Пиренейского полуострова (были времена, когда они составляли и единое государство) служили географическим и христианским форпостом между Европой и Африкой. Россия же была и остается мощным звеном, соединяющим Европу с Азией.

В 711 году полчища арабов-мусульман (мавров) во главе с Тариком ибн-Зиядом пересекли Гибралтарский пролив и высадились на Пиренейском полуострове. Их войска разгромили отряды Вестготского королевства, взяли Кордову, затем его столицу Толедо и другие города. А к 718 году весь Пиренейский полуостров, за исключением небольшой части на севере, был захвачен маврами. Их господство там длилось свыше 7 веков.

Реконкиста - освободительное движение испанцев и португальцев, отвоевывание занятых маврами земель - завершилась взятием последнего оплота мусульман, Гранады, в 1492 году и положила начало объединению королевств Испании в единое государство.

Русь, состоявшая из разрозненных княжеств, в 1237—1241 годах подверглась монголо-татарскому нашествию, была завоевана ордами захватчиков из Азии и смогла освободиться тоже только к концу XV века.

Трехсотлетнее иго и совместное существование завоевателей и вассалов оказало большое влияние на формирование русской нации, а в дальнейшем и Российского государства, империи. Многовековое арабское господство в Испании и Португалии тоже наложило свой отпечаток на испанскую и португальскую нации. В Испании, например, до сих пор действуют водоканалы, сооруженные арабами сотни лет назад. В кастильском языке множество арабских слов, как и в русском – тюрско-монгольского происхождения. А нынешняя испанская столица, город Мадрид, в 854 году основали те же мавры, и в нем долгое время совместно уживались арабы, испанцы и евреи. Этот пример из истории сегодня служит доказательством правоты сторонников мульти-

культурализма и толерантного сосуществования наций в одном населенном пункте. Но он не учитывает многих факторов современной жизни, которые легко опровергают тезис возможности «братства народов в чужой квартире».

Так, первыми широко известными учеными на территории Испании были как раз арабы, мусульмане. Их культурное наследие, органично впитанное народами Иберийского полуострова, дала впоследствии мощный импульс развитию испанского государства.

Хотя исторические факты порой и подкупают, но часто толкают к неверным, ошибочным выводам. Слишком много нюансов и оттенков появилось в нашей сегодняшней усложняющейся жизни за прошедшие столетия и даже десятилетия. Это такой клубок национальных, психологических, политических, экономических и прочих важных «мелочей», что соединить их и проанализировать зачастую человеческому мозгу попросту невозможно. Вот и слышим мы одни предложения по миграции от демографов, другие от бизнесменов и экономистов, третьи от политиков, четвертые от философов, пятые от обывателей, а соединить все предложения в верный практический шаг не можем. В результате – стихия и анархия. И отсутствие объективной статистики, без которой вряд ли возможно нормальное планирование и регулирование.

Немало аналогий навеяла нашим экспертам и дальнейшая история Испании и России, в послефранкистское и послесталинистское время. Оба государства после смерти своих диктаторов (правда, в различных социально-экономических формациях и в разное время) начали движение в сторону демократических стандартов устройства общества. Не без жестокой борьбы и с разными результатами. На этом, видимо, следовало бы покончить с соблазнами сравнивать наши истории и проводить параллели. Если бы не проблемы миграции, которые, как и раньше, с некоторым опозданием тяжким грузом навалились и

на Россию. И здесь испано-португальский опыт может особенно пригодиться. Зачем повторять чужие ошибки, если их можно изучить и по возможности избежать?!

Более крупная Испания для нас может быть даже более интересна, чем Португалия, насчитывающая сегодня примерно 10 миллионов жителей, столько же, сколько в России, по некоторым данным, иммигрантов. Правда, в той же Португалии до недавнего времени трудились до 600 тысяч украинских трудовых мигрантов. Но гораздо больше их в России. Некоторые источники называют 700 тысяч, другие – 1 миллион. Россия принимает трудовых мигрантов и из союзной Белоруссии. Причем цифры не менее лукавые – от 300 тысяч до 1 миллиона. Но основная масса иммигрантов в России, в том числе нелегальных, выходцы из бывших советских республик Средней Азии – преимущественно узбеков, таджиков, киргизов, а также из кавказских – Азербайджана и Армении. О переселенцах внутри России – чеченцах, дагестанцев и т.д. сейчас речи не идет – это субъекты внутренней миграции.

О Португалии можно сказать отдельно: власти в Лиссабоне быстрее поняли, что носители «чуждой» местным гражданам-католикам мусульманской культуры со временем, накопив большую массу, могут представить реальную угрозу для идентичности небольшого по численности социума небольшого пиренейского государства. И руководство республики приняло мудрое решение принимать на работу трудовых мигрантов преимущественно из стран Восточной Европы, более близких португальцам по религии, ментальности и континентальному духу. Иначе говоря – молдаван, румын, украинцев, русских и т.д.

По-своему поступили испанцы. Крайне либерально и демократично. Так, в беседе со мной официальный хроникер Мадрида, публицист Педро Монтольо уверенно утверждал, что Мадрид готов принять у себя столько иммигрантов, сколько приедет. Прошло несколько лет. Приехало слишком много. И ассимили-

роваться в испанское общество, впитав ее культуру, в современной обстановке арабские мусульмане из Марокко или Туниса, уже никак не желают. И не нужно кивать на какие-либо яркие примеры и исторические факты, на «плавильные котлы наций» Северной Америки или Австралии! Мадрид населяют примерно 11 процентов мигрантов, многие из которых исповедуют ислам. Специалисты по иммиграционным проблемам считают, что масса приезжих, превышающая 10 процентов коренного населения, уже может представлять угрозу безопасности принимающей стране. В Испании уже есть регионы, которые населены 12 процентами «чужаков». И там уже ощущается определенная социальная напряженность.

Испания в течение нескольких столетий считалась страной эмиграции. Однако за сравнительно короткий промежуток времени превратилась в страну иммиграции. Благодаря испанским колонам-поселенцам существует Латинская Америка, ее иберо-американское культурное пространство за океаном, которое, несмотря на все пережитое, считало и считает Испанию своей «родиной-матерью». Был период, когда испаноговорящие трудовые мигранты наводняли Западную Европу. Затем пришло время, когда в Испании зазвучала иностранная речь иммигрантов, а испанский язык продолжал оглашать стройки и фабрики экономически более развитых соседей за Пиренеями.

После смерти каудильо Франко, в конце 1970-х годов Испания отказалась от изоляционизма и, следуя разработанному властями плану экономического прорыва, бодрыми темпами достигла уровня ряда промышленно развитых стран, по многим показателям вплотную сблизившись с лидерами Западной Европы.

С 1975 года число эмигрантов начинает снижаться. Продолжался стремительный закат эпохи франкизма. В 2001 году, например, домой возвратилось около 50 тысяч испанцев. О динамике экономического роста страны и улучшении качества жизни в Испании свиде-

тельствуют цифры, взятые мной из мадридских «Ежегодников миграций»:

В 1970 году вне Испании проживало 2 200 000 испанцев.

В 1980 –м уже 1 800 000.

В 2001 году - 1 413 353...

В основном испанцы жили и работали в Америке и Европе.

Бурный строительный бум и модернизация аграрного сектора на Иберийском полуострове потребовали сотни тысяч новых молодых и сильных рабочих рук. И значительно более дешевых, чем свои испанские или португальские. И страны смело открылись для притока мигрантов, заботясь исключительно о выгодах текущего дня и не очень задумываясь о последствиях.

А между тем мадридский Национальный институт статистики предупреждает: к 2020 году число иммигрантов в Испании превысит 15 миллионов жителей страны, став третьей частью всего ее населения. Если учесть, что чужестранцы расселены по территории неравномерно, а в некоторых регионах составят половину или даже более числа коренных граждан, нетрудно себе представить, какую борьбу пришельцы развернут за свои политические и экономические права, и как далеко может зайти их давление на власть и коренное население.

Испания в течение десяти лет XXI века оказалась среди европейских лидеров по приему иммигрантов. Теория мультикультурализма, то есть толерантного смешения носителей разных культур в одном государстве при преобладании коренной, овладела в Испании умами местной интеллектуальной элиты так же, как и в других развитых странах Евросоюза, исключая, может быть, малые страны-члены ЕС, особенно в Прибалтике. Но там свои проблемы, свои вызовы.

В 2000-м году Испания продемонстрировала самые высокие в мире среднегодовые темпы роста иммиграции - в 3,5 раза выше, чем в США – мировом лидере в этом процессе, и в 8 раз выше, чем во Франции. С началом но-

вого века в страну въезжало около 600 тысяч «искателей лучшей доли» в год. Например, в 2003-м в стране было уже 800 000 иммигрантов. И к 2008 году иберийское королевство имело уже 10 процентов «пришлого» активного населения, которое нужно была интегрировать в свою национальную культуру и исторически сложившееся ментальное пространство. Это оказалось крайне тяжелым и затратным делом. Многие иммигранты не очень-то желают интегрироваться, а начинают культивировать свои исторические обычаи и привычки, а с ростом концентрации прибывающих соплеменников и навязывать коренным жителям свой прежний образ жизни. Возникают конфликтные ситуации с неизбежным ростом ксенофобских и протестных настроений.

А в 2011 году армия иностранных переселенцев в стране составила более 6 000 000 человек, что на 2 процента выше рекомендованных специалистами 10-процентного уровня.

По притоку иммигрантов Испания заняла первое место в Европе и второе в мире после США. А в настоящее время Испанию обошла Россия, которая приняла столько же гастарбайтеров, сколько жителей в Португалии. И по некоторым данным, если либерализм и бесконтрольность над миграционными процессами продолжатся, она готова побить миграционные рекорды и Соединенных Штатов. Уже сегодня больше 60 процентов испанцев, судя по последним опросам, выступают за ограничение масштабов иммиграции и ужесточение их въезда в страну, особенно из мусульманских государств Северной Африки, в первую очередь из Марокко. Гибралтарский пролив, разделяющий Европу от Африки, давно стал для испанцев и португальцев той самой «стеной», преградой, которую многие из них хотели бы укрепить и повисить. Пытались даже создать дорогостоящую систему электронного контроля над всем движущимся через пролив.

Однако в мусульманской Северной Африке

начались народные бунты и волнения, засветили пули, и полилась кровь. Отчасти эти драматические события стали результатом возросших стандартов потребления и охватившей массы «лихорадки мести» престарелым и несменяемым правителям за свои страдания и нереализованные возможности. Многими мусульманскими «революционерами» овладела страсть «свергнуть, отнять и поделить». Десятки тысяч беженцев-сторонников, «приговоренных к ликвидации режимов», хлынули в более богатые, стабильные и благополучные страны Западной Европы, надеясь на спасение и улучшение условий своего существования. Первыми на их пути чаще всего оказываются Испания и Португалия.

Разумеется, миграция имеет свои плюсы и минусы. И если плюсы приносят в основном экономический эффект частному бизнесу и определенным группам чиновников и правоохранительных органов, а в теоретически-арифметическом плане отчасти формально решают демографическую проблему страны, то ее минусы ощущают на себе миллионы коренных жителей Испании, далекие от псевдонаучных рассуждений о глобализации и мультикультурализме, вынужденные жить бок о бок с возрастающей массой чужестранцев, не желающих или не умеющих уважать «устав чужого монастыря». И вот тогда начинается конфликт цивилизаций. И выясняется, что мультикультурализм, толерантность и политкорректность имеют свои границы.

По мнению известного российского испаниста Сергея Хенкина (МГИМО), испанский опыт наглядно показывает, что политэтничность и мультикультурализм не одно и то же. «Признание обществом политэтничности, - отмечает он, - еще не свидетельствует об укорененности в нем мультикультурализма, предполагающего сохранение у переселенцев собственных культурных ценностей и традиций, меняющихся в новой среде и смешивающихся с культурой принимающей стороны». Специалист в этом вопросе, кандидат экономических наук Ирина Синельщикова (ИЛА

РАН) в свою очередь, ссылаясь на испанских исследователей, поясняет, что «Испания больше тяготеет к «ассимиляционной модели», укоренившейся во Франции с ее признанием политэтничности и отказом от мультикультурализма. Однако в отличие от Франции, в Испании «ассимиляционная модель» находится пока в стадии формирования. А огромные масштабы иммиграции затрудняют интеграцию чужестранцев в испанское общество, требуя при этом колоссальных затрат».

Из этого можно сделать вывод, что при усугублении перечисленных проблем трудовая миграция в Испанию, особенно радикально настроенных арабов-мусульман, возникает реальная угроза национальной безопасности. Не случайно даже во властных структурах Мадрида порой раздаются голоса с обвинениями пришельцев в том, что они, мол, «больше получают от Испании, чем отдают», да к тому же сознательно не желают интегрироваться в испанский социум, отказываются следовать уставу «приютившего их монастыря».

Глобальный финансово-экономический кризис и в Испании, и в Португалии создал новую ситуацию. Коренные жители, ощутив на себе спад производства и безработицу, вновь потянулись в более благополучные страны Еврзоны. А наводнившие Иберийский полуостров иммигранты стали паковать чемоданы и возвращаться на родину. Социальная напряженность нарастает.

Безработица в Испании достигла 6 миллионов человек или более 22% трудоспособного населения (вместо теоретически допустимых Евросоюзом 10%).

Перебор с мигрантами – легальными и нелегальными чреват большими проблемами. Корысть здесь неуместна. Пострадать может народ-хозяин, которому увлекшиеся «выгодными» иммигрантами власти порой навязывает чрезмерно много «гостей». В политике «путей наименьшего сопротивления», одним из которых является и безответственное, хаотичное, но прибыльное во всех отношениях

«гостеприимство», заложена бомба под национальную безопасность, под будущее своих граждан – детей и внуков. Власть каждой страны, как известно, обязана защищать и приумножать свое население. А если не учитывать? Тогда следует вспомнить хотя бы пример Косова, мирно захваченного албанскими переселенцами. Или массовые выступления (пока еще достаточно мирные) иммигрантов во Франции, Италии, Великобритании. А в маленькой Швейцарии разросшаяся мусульманская община уже предложила изменить государственный флаг страны, которая их приютила...

Любопытный и красноречивый факт: в бундестаге Германии недавно было инициировано обсуждение предложения консерваторов, представляющих партию ХДС, вместо привлечения трудовых мигрантов из стран «третьего мира» молодых безработных из Испании и Португалии. В настоящее время, по данным немецкой газеты «Ди Вельт», легально работают всего 34 тысячи испанских граждан. В середине 1960-х их было в Германии 165 тысяч. Такой подход к трудовой миграции, по мнению авторов предложения, станет своего рода проявлением европейской солидарности, а Германия сможет с помощью привлечения культурно близких немцам мигрантов решить проблему нехватки рабочих рук. Кстати сказать, острые дискуссии в Европе по поводу плохой интеграции мигрантов с Ближнего Востока в Германии, Франции, Великобритании, да и в Испании и Португалии, не прекращаются. Но, несмотря на это, потоки переселенцев из «другой культурной среды» с более скромными запросами и низкой квалификацией, хотя и не так лавинообразно, как до кризиса, продолжают наводнять Европу, включая Россию, Украину, Белоруссию, да и те же Германию, Францию, Италию, Испанию и Португалию. А Европейский союз до сих пор так и не смог принять Единую миграционную политику, о которой в свое время было громко заявлено. Эгоистические интересы каждой страны ЕС настолько сильны,

что не позволяют принять компромиссные решения. Пользуясь этим, международный криминал, торгующий нелегальной рабочей силой, продолжают получать многомиллиардные долларовые прибыли.

Алчность бизнеса, малодушие и недалковидность властей в нашей современной жизни становятся смертельно опасны для будущего коренных народов. Никакие ссылки на банальную глобализацию либо на далекие, прошлые времена уже не годятся – мы живем в совершенно новой ситуации, которая требует не оглядываться на эпохи великого переселения народов или колонизации Америки, а изучать (не механически перенимать!) опыт стран уже прошедших этапы преодоления похожих миграционных тушиков. И, напрягая творческие способности, находить собственные рецепты, прежде всего и больше всего, думая не о глобализации вообще, а о своем будущем.

«¡Siempre piensa en las consecuencias!», «Pense toujours aux conséquences!», « Always think of consequences!»... Это испанское, французское и английское выражения в конечном счете сводятся к одному незатейливому, но мудрому смыслу – «Всегда думай о последствиях!» Не стоит полагаться лишь на советы арифметически мыслящих демографов или сиюминутную выгоду политиков, бизнесменов и чиновников.

Какие выводы напрашиваются из опыта Испании и Португалии для наших трех стран? Очевидно, что в современном мире складывается ситуация, требующая смены цивилизационной парадигмы, изменения подходов к миграционной проблематике. В связи с этим следует подумать и о новых моделях поведения, адекватных рискам, угрозам и возможным изменениям «демографической физиономии» Испании и Португалии, а также и всей Европы, включая Россию, Белоруссию и Украину. Мы уже сегодня ощущаем эти вызовы, которые несут с собой риски национально-этнического изменения многих стран, разрушения или размывания их коренных

культур и замены привычных устоев на привнесенные из другой цивилизации, более пассивных и радикальных. Тихая и мирная «ререконкиста» пока не панически пугает страны Иберического полуострова только потому, что они еще не осознали все риски, которые таят в себе чрезмерная, до абсурда доведенная толерантность и безмерный мультикультурализм. Хотя первые признаки осознания опасности в бесконтрольной и плохо управляемой миграции, в слепой надежде на ее дружелюбное содержание проявились после первых же бунтарских попыток иммигрантов заявить о своих «правах» на часть принявшей их территории. И это понимание диктует ужесточение регулирования потоков трудовых мигрантов. С более трезвым анализом ситуации и с учетом всех возможных последствий. В Испании и Португалии в последнее время более всех других озаботились коррекцией миграционной политики в сторону ее ужесточения.

Речь идет, прежде всего, о принятии таких мер, которые отчасти уже приняты или принимаются испанскими и португальскими властями, руководящими органами Европейского союза. Среди этих мер:

- регулирование и управление миграционными потоками, оценка и глубокий анализ глобальных последствий предпринимаемых действий;
- изменение отношений к будущему и осознание угрозы саморазрушения общества при неправильном подходе к миграционной политике;
- изменение стратегии и тактики в борьбе с нелегальной иммиграцией, перенос центра тяжести этой борьбы в страны-доноры, в истоки миграции;
- изменение основной модели образовательного процесса, адаптация его к многонациональному социуму, но с преобладанием коренного, национального как общегосударственного стержня;
- преобразование требований к квалификации и образованию, необходимость непрерывного

обучения как для “своих”, так и для “пришлых”;

- появление новых сообществ, развитие процесса электронного сетевого образования в глобальных масштабах.

- строгое руководство железным принципом: миграция хороша в малых дозах.

Что касается наших трех славянских республик, сотни лет живших в одной большой империи, то исходя из опыта Испании и Португалии, следует сделать более конкретные выводы:

- планы реинтеграции наших стран требуют разработки и принятия реальной программы преференциальной миграционной политики, общей для строгого исполнения на территориях России, Украины и Белоруссии;

- главной целью приглашения трудовых мигрантов из славянских республик должны стать не количественные показатели, а качественные. Принимать следует только профессионально подготовленных специалистов;

- при приеме на работу предпочтение необходимо отдавать национальным кадрам, а потом уже прибывшим из братских славянских стран;

- во всех трех странах целесообразно усилить подготовку трудовых резервов по всем профессиям, в которых испытывается дефицит, организовав при этом обмен профессиональным опытом и высококвалифицированными кадрами;

- обеспечить законодательную базу и финансирование совместных проектов по регулированию миграционных процессов между Россией, Украиной, Белоруссией. Трудовая интеграция должна стать эффективным проектом нашего славянского содружества.

- усилить совместную юридическую и силовую защиту мигрантов из России, Украины, Белоруссии в «славянском трудовом пуле» во взаимных интересах каждой из стран. Активизировать борьбу с миграционными криминальными группировками, торгующими рабочей силой из стран Азии и Африки.

- принять комплекс мер по реанимации на-

циональных трудовых ресурсов в каждой из наших трех стран и в «содружестве славянских государств в целом».

Казарин Е.М.: Комментарии, пожалуйста.

Гронский А.Д.: Александр Николаевич, Вы сказали, что в Белоруссии научно-технический потенциал во многом сохранился. Два года назад было совещание белорусских ученых, там присутствовали президент, правительство, политическая элита, российские ученые. Мой коллега, который там был, рассказывал о докладе Председателя Академии наук. Вот там как раз было сказано о научно-техническом моменте: то, что ни одно белорусское открытие не соответствует мировым стандартам, 80-90% - это советское наследие, а не белорусские разработки, и то, что делается белорусами, не выдерживает конкуренции даже с Советским Союзом.

Максименко В.И.: Маленькая реплика на выступление С.А.Трахимёнка. Вы интересно и обширно цитировали покойного В.Л.Цымбурского. Действительно очень яркая фигура, будучи сотрудником отдела Древнего Востока Института востоковедения, он выпустил много ярких текстов публицистической направленности и геополитических по содержанию. Читаю и всегда полемическое чувство возникает по отношению к его конструкциям. Первое: Вы справедливо выделили у Цымбурского две установки. Первое - не Европа осуществляла гранд нахостен, а Россия лезла в Европу и, грубо говоря, получала по зубам. Тезис второй: 14 из 15 республик бывшего СССР могут быть отнесены к тому, что Вадим Цымбурский назвал великим лимитрофом. Если чуть-чуть продолжить эту мысль, то получается, что те исторически невиданные границы, в которых Россия оказалась 20 лет назад, - это и есть собственно Россия, а всё остальное пограничье. Думал, что же вызывает во мне полемическое чувство по отношению к его конструкциям. И понял: Вадим Цымбурский - он же поляк, он представитель польской школы геополитики. Есть свои особенности у британской, русской, немецкой

школ, а на его конструкциях – влияние польской школы.

Трахимёнок С.А.: Давайте представим, что на одной площадке живёт медведь и еще несколько маленьких комнатных собачек, которые между собой постоянно устраивают свару, и они постоянно привлекают медведя для решения своих споров. Но потом приходят в ужас и обвиняют медведя. Есть какое-то объективное состояние геополитической гармошки. Я бы высказал такую крамольную мысль: к 1989 году, к грани смены элит Советский Союз подошёл в разобранном состоянии, был экономический кризис, были последствия третьей технологической революции. Смена элит. Но СССР мог бы не распасться, если бы не один фактор: он вплотную подошёл к проекту реализации проекта поворота северных рек. И природа, сопротивляясь такому вторжению, разрушила механизм, который на это способен. Лет 8-9 назад в окружении Лужкова специалисты сняли документальный фильм, предупреждающий о том, что скоро закончится нефть, торговать будет нечем, а давайте мы вернёмся к частичному сбросу этих северных рек в Среднюю Азию?! И «специалисты» уже даже рассчитали, сколько кубометров воды будет выиграно, сколько это будет стоить, и сколько это принесёт прибыли. Слава Богу, «лужковская» эпопея закончилась. Здесь очень много факторов, и я бы этот аспект включал в систему к этим геополитическим взглядам. А то, что Россия в ближайшее время не способна к похищению Европы, наверно, это благо для неё.

Мамонтов В.К.: Всякое сравнение хромает, поэтому не могу представить ни Белоруссию, ни Украину, ни Казахстан в образе маленьких собачек.

Трахимёнок С.А.: Я имел в виду Западную Европу. И это поднимает наше национальное самосознание.

Оганесян А.Г.: Хочу раскрыть скобки толкования Панарина, очень существенную поправку внёс С.А.Трахимёнок о дезертирстве

элит. Панарин имел в виду дезертирство от решения проблем и вызовов, а вовсе не физическое. Дело в том, что, дезертируя от проблем, элиты остаются. Есть часть элиты, которая сама себя разоружила перед острыми проблемами, а другая часть разоружила себя прежде интересами, чуждыми для России. Беда в том, что «панаринская» элита дезертировала перед решением проблем, она никуда не собирается уходить, она хочет продолжать пребывать в привилегированном, ничего не решающем положении.

Мне очень понравился доклад С.А.Трахимёнка. Если говорить о фундаментальных вопросах цивилизации, то мы подошли к самому краю, и как будто с края его доклада заглянули в бездну. Много в теории Цымбурского интересного и поучительного для нас, много, с чем трудно согласиться. Но хотел бы вернуться к нашему первоначальному докладу: Владимир Григорьевич задал такую парадигму – цивилизация наших трёх стран как восточно-православная цивилизация, т.е. как наследница Византии, по сути дела. Давайте к этому применим такую методологию: взгляд не снизу вверх, а сверху вниз, вертикально. У Соловьева есть гениальная фраза: Народ – это не то, что он думает о себе в современности. Это то, что думает о нём Бог в вечности. А ещё есть высказывание священного Писания: «Аще не Господь созиждит град всеу бдестрий» – если не Господь стережёт град, то стерегущий его будет безуспешен» - остров это будет или материк, или что-либо другое. В этом смысле можно согласиться с Цымбурским, что Россия в определённом смысле и Белоруссия, и Украина – это остров, поскольку представляя из себя основу православной цивилизации, он окружён определённым шельфом, который взаимодействуя с этой цивилизацией, а мы – с западной, всё-таки принадлежит к христианскому миру. Не будем это забывать, хотя, прав Павел Александрович Флоренский, который сказал: «Обратите внимание, культ и культура. Культ - это коренное слово по отношению к культуре, т.е. коренное

по отношению к цивилизации. И латинство, и протестантизм наложили на западно-европейский менталитет такой отпечаток, который нас очень во многом отдалил от православного мироощущения и мировоззрения. И эта пропасть существует.

Но интересно, что формируя Лиссабонский договор, конституцию европейцы отказались вписать туда, что Европа является наследницей христианских ценностей. И призыв аналогичный последовал от Алексея II из православного мира: Сделайте это! Обращённый к миру христианскому и западно-европейскому христианству. Но ни советы Папы Римского, ни патриарха Алексея II приняты не были.

Интересно, что в книге Сергея Лаврова проскользывает мысль, правильная с исторической точки зрения, что западно-европейские революции разрушили основы европейских ценностей. Понадобились потом абстрактные, вырванные из контекста традиционных, ценности сами по себе (ересь, значит выбираю) хорошие – демократия, свобода, равенство, но вырванные из контекста, они стали еретическими по отношению к богатству ценностей, которые были у России, когда Россия во времена классического периода своего развития забыла о названии до периода классической Европы начала 17 века - она называла себя христианским миром. Потом только она стала называть себя Европой. Так что, если и можно было похитить Европу, то только после 18 века. А потом получилось, к сожалению, удаление от традиций. И у Лаврова проводится интересная мысль, что не найдёте вы языка общего с цивилизациями, дорогие западные христиане, пока не вернётесь к своим корням и не научитесь эти ценности уважать. Потому что не уважающий свои коренные ценности, никогда не будет уважать коренные ценности других цивилизаций, согласен он с ними или нет. Это не вопрос толерантности и нетерпимости. У нас словосочетание терпимость только одно есть, существительное, принятое давно. А терпение – это другое, это

разные вещи. Это не значит, что если мы нетерпеливы, мы должны быть терпеливы к тому, что мир многокрасочен, разнообразен. И навязывать ему своё понимание истины, мы не можем. По одной простой фундаментальной причине – православная цивилизация всегда уважала то, что Бог дал всем людям – свободу выбора. И если это уважает в каждой личности Бог, верует он или не верует, то тем более это надо уважать по отношению к другим народам. Такого понимания у западного менталитета нет.

Теперь вернёмся к идее острова. По сути дела, предлагается почти китайская схема – опора на собственные силы. И я должен согласиться, что российская элита, начиная с Петра I, была ориентирована на Запад. Это была, по сути, та элита, которая видела развитие России, её будущее в сближении с Западом.

Разные предлагались схемы: «возьмём техническое – отвергнем духовное», «возьмём внешние признаки цивилизации, отвергнем то, что может подорвать нашу цивилизацию в плане духовном» - это была иллюзорная надежда, конечно. И она привела ко многим ошибкам. И действительно мы часто попадали в ловушки, когда нас провоцировали на поход на Запад, в этом Цымбурский совершенно прав. Могу привести пример из недавней современной истории: Столыпин Извольского, извините, за фалды держал, когда тот рвался в 1905 году в Сербию. Совершенно самоубийственно. Извольский в тайне от царя и от Столыпина начал предпринимать свои шаги и в качестве разменной карты предлагал проливы Босфор и Дарданеллы. И Столыпин возмутился, потому что и то, и другое подталкивало к большой войне.

Вот другой случай – Александр Горчаков, и это уже противоречит Цымбурскому. Дело всё в том, что Россия по определению не может быть островом, потому что это противоречит сути цивилизации. Тогда она просто входит во внутреннее столкновение с духом своей цивилизации. Это самая идеологичная цивилизация. Мы не говорим сейчас о панславизме,

но Европа часто посягала, если говорить о похищении Европы, то похищение славянства, православного мира со стороны западного мира тоже происходило, начиная с похода на Константинополь, варварского, бессмысленного, жестокого, убийственного и для Запада, и для Востока.

Вы делали ссылку на статью Владимира Казарина «Россия сосредотачивается». Столыпин воспринимал именно такую же позицию – никакой внешней аффектации на внешнем поле, не подтвержденной силой внутренней политики и внутренних ресурсов. Не вмешиваемся никуда. Это была совершенно правильная позиция: не провоцируем Запад. Так вот, Горчаков тоже был против балканских войн. Наш канцлер был категорически против освободительного похода на Балканы и даже говорил большую часть российской элиты. Но тут всколыхнулся народ, т.е. православная масса с сознанием того, что можно всё отдавать, но нельзя отдавать православную цивилизацию балканских народов и братьев славян-православных. Россия восстала, вышла из границ острова. Правильно, мы не говорим о чистой геополитике, предавать свою цивилизацию нельзя, иначе это уже будет не остров цивилизации, а бункер какой-то.

Есть нотки у Цымбурского о том, что опора на свои силы означает: превращаемся в остров. Особо не коммуницируем с миром, главное не провоцировать, чтобы не заподозрили, что мы хотим похитить Европу или отрубить у неё часть, чтобы «скушать», но на самом деле всё значительно важнее. Потому что если мы говорим, что это делается для того, чтобы цивилизация расцвела и жила, то нельзя же её лишать основных признаков: открытости миру, диалогичности, вселенскости, если хотите, потому что православие – это не вера каких-то отдельных народов, это вселенское православие. И русская цивилизация приняла это как наследие Византии, как заботу об этой цивилизации. Да, может быть, её смысл существования в мире именно в этом? О чём и говорил Соловьёв. Всё не так просто.

Но ещё раз хочу сказать, что Цымбурский совершенно прав в том, что одним из методов Запада было спровоцировать, кстати, не поход России против всей Европы. Посмотрите, как быстро мобилизуются собачки. Англия, Франция что-то быстро вступают в союз, у них общие романо-германские корни и они быстро начинают кластироваться, и этот кластер разрастается до таких чудовищных размеров, что оказываются под Бородино. Собачки обычно тявкают друг на друга и борются за кость, и это было, но с другой стороны, правда и то, что мы часто вступали в союзы неоправданные. Ещё у Ивана Грозного была дилемма: идти на Восток или на Запад. Кружок Адашева-то пострадал из-за того, что он говорил о восточной политике, о движении на Восток. А победила та партия, которая была за ливонские войны и прочая. И получилась коллизия, которая привела к первой «чистке» Грозного. Поэтому был прав кружок Адашева, я в этом убеждён. Это была провокация, которая стоила России очень дорого, никакого «окна не прорубили».

По поводу «окна»: окно прорубается для света. В данном случае, если мы говорим об острове, то весь свет из «окна» должен литься на нас. Но ведь так не бывает в жизни. Окно не одностороннее. Я считаю, что очень много Россия пролила света для мира. Не только для православного. Это опять же её миссия, она у России была, есть и, надеюсь, сохранится. Мы переживаем депассионаризм. Если перевести этот термин: «если б ты был холоден или горяч, но поскольку ты теплохладен, то изблюю тебя из уст моих». И вот теплохладное состояние нашей цивилизации мы переживаем как катастрофу и личную, и геополитическую.

Очень много ценных мыслей есть и у Цымбурского, надо прислушаться, но не со всем можно согласиться. Сербский философ Иустин Попович, канонизированный сербской Православной Церковью, написал замечательные книги, в частности, «Достоевский и Европа». По отношению к Западу мы прихо-

дим к одной дилемме. Он говорил, я цитирую, что «мир христианского православия всегда считал, что истина Бога откровенна. А Запад всегда считал, что истина постигается исключительно усилием собственного ума. Но за эту способность получать истину как откровение надо побороться».

Трахимёнок С.А.: Перед тем как передать слово докладчику... Хотел определиться с терминами. Тамара Семёновна и Александр Дмитриевич, выступавшие вчера, правы, чтобы точно понимать, о чём мы говорим, нужно всё переводить на русский язык. В одном из вузов Москвы появился центр толерантности, если мы переведём центр как дом, а толерантность как терпимость, то у нас исчезнут все попытки как-то двойственно смотреть на это сочетание.

Предоставляю слово Владиславу Гулевичу, политическому аналитику, эксперту украинского отделения ИА Регнум (Кировоград), а тема доклада звучит так «Ментальная география российско-украинской интеграции».

**Гулевич Владислав
Александрович**

политический аналитик, эксперт украинского отделения ИА РЕГНУМ (г. Кировоград, Украина):

Мой доклад будет носить несколько эклектичный характер: сначала немного о ментальной

географии, потом о Крыме. Некоторые мои тезисы пересекаются уже с тем, что было озвучено, поэтому - строго по делу. Что касается интеграции, то бросается в глаза отсутствие единого философского дискурса, в рамках которого бы осмысливалась насущность такой интеграции. Очень жаль, что здесь нет философов, потому что все начинания нанизываются всегда на какую-то идею – нам нужна единая философия этой интеграции.

Несмотря на многократные заявления руководства обеих стран, интеграционные процессы идут не так быстро, как хотелось бы, что сказывается на системе евразийской безопасности в целом, с учётом того, что Украина – её ключевое звено. Отсутствуют не только механизмы глубокой интеграции, но и единый философский дискурс, в рамках которого осмыслилась бы насущность такой интеграции.

Часто упускается из виду, что интеграционная идея вынужденно оппонирует идеологически мощной концепции глобализации, которая в современном мире по умолчанию принимается за моральный императив. Официальный Киев декларирует стремление интегрироваться в ЕС, т.е. играет по правилам западно-центричной модели мироустройства.

Влияния западноцентричного мировоззрения на верхи украинской власти во много раз превышает интеллектуальное воздействие со стороны России. Поскольку украинская элита ретранслирует прозападный смысловой дискурс, моделирование географических образов в масштабах всего населения происходит в рамках западной топики, которая служит подсознательной системой политических координат, подспудным политико-пространственным ориентиром.

Преобладание глобалистского дискурса в экспертной среде есть знак-выражение осмысленного отсутствия России в регионе. Понятие глобализации семантически нагружено противоположным, не российским, смыслом.

Емкой альтернативы евроинтеграционным устремлениям Киева Москва долгое время

предложить не могла. Теперь может: практическое измерение интеграционной идеи постсоветского пространства проявилось в недавних высказываниях Владимира Путина о Евразийском союзе. Дело теперь за полноценной и философски осмысленной цивилизационной концепцией единения постсоветских республик в геополитический механизм с согласованными функциями. Этот вопрос ещё требует концептуальной огранки с опорой на ряд критических позиций.

Концепция государства-нации незаслуженно воспринимается как общепризнанная ценность.

В интеллектуальный дискурс на постсоветском пространстве необходимо ввести критические замечания в адрес концепции национальных государств, сосредоточившись на их главнейших недостатках:

- этнической политике «плавильного котла», разрушающей этнокультурное многообразие населения;

- мифе о гарантированном суверенитете государства-нации в эпоху существования современных империй (ЕС и США);

Все соседи России, в т.ч. Украина – национальные государства. Русское культурное пространство не совпадает с границами России как национального государства. Россия окружена государствами-нациями, но сама таковой не является. Элиты государств-наций, стремясь сохранить личный суверенитет, подвергают интеграционные моменты резкой обструкции, противопоставляя идее интеграции идею национальных государств. Стремления Киева сконструировать в географических рамках Украины украинскую нацию как политический концепт соответствует динамике развития государства-нации.

Государства-нации – «горючее» для глобализационных процессов, в т.ч. регионального масштаба. Глобализация продвигается за счёт поглощения национальных государств, как политико-административных единиц, делая понятие национального суверенитета оксюмороном. Глобализация – благо не для всех.

На академическом уровне это осознают и в странах Запада. К сожалению, труды критиков глобализационных процессов из числа западных интеллектуалов у нас крайне малоизвестны. Они попросту отсутствуют на интеллектуальном горизонте (Дани Родрик, Пол Херст, Грэхэм Томпсон, Херман Дэлай, Аллен де Бенуа и др.). Глобализация имеет географическое измерение, наполненное западным политическим смыслом. Необходимо выдвигать эластичные контр-смыслы и контр-идеи.

На Украине практически отсутствует пропаганда идеи здоровой интеграции. Работы, которая ведётся в этом направлении пророссийскими организациями, недостаточно, пророссийские сетевые и печатные издания борются с финансовыми проблемами. Ментальный ландшафт формируют другие смыслы, идеи российско-украинского единения среди которых нет. Когнитивное политическое поле Украины условно можно разделить на несколько частей, соответствующих географическим регионам республики: юго-восток (где эта идея пользуется максимальной поддержкой населения); центр (где присутствует идеологическая чересполосица); запад (где эта идея встречает агрессивный отпор);

Нет прочного ассоциативного «якоря», соотносящегося с идеологией тесного, а не поверхностного украинско-российского сотрудничества, отсутствует цельное, «сшивающее» видение населением Украины перспектив российско-украинской интеграции. В рамках Украины эти перспективы трактуются разными культурными парадигмами совершенно по-разному.

Выполнять роль «сшивающего» политико-географическое пространство Украины фактора может введение в историко-политический дискурс элементов интеллектуального наследия карпато-русского движения, пользовавшегося значительной популярностью на Западной Украине в 18-19 вв. Этот существенный идеологический ресурс

остаётся незамеченным, хотя его актуальность не вызывает сомнений, а наиболее яркие представители этого течения трудились вплоть до середины 20-го в.

В современной Украине на историко-духовное наследие галицких русофилов наложен негласный запрет.

Карпато-русское движение представляет собой локальное ответвление славянофильского течения с охватом всей Западной Украины (Галиции, Буковины, Закарпатья), а число его выдающихся последователей составляет несколько десятков. Почти каждый из них оставил труды по языкознанию, истории, фольклористике, богословию, национальной философии. Программа школьного и вузовского гуманитарного образования построена на концепции украинства, которая имеет региональную специфику и не способствует зарождению ярких ментальных интеграционных символов. Прямая темпоральности украинского конструкта уходит в бесконечность (т.к. теоретически может продолжаться бесконечно долго), в то время как прямая темпоральности сохранения русского самосознания населения Украины имеет четкие пределы и, несмотря на «островки сопротивления», с годами все меньшее число граждан Украины будет помнить о своих исторических корнях.

Созрела необходимость в обеспечении украинскому студенчеству доступа к историческим фактам о деятельности карпато-русских будителей, в создании научно-просветительских проектов, популяризирующих интеллектуальное наследие галицко-русского движения, проведении симпозиумов, «круглых столов» и ознакомительных конференций, рассчитанных на самый широкий круг лиц. Не будет лишним запуск информационных порталов, посвящённых истории карпато-русского течения и его отдельных, наиболее ярких представителей. Некоторые информресурсы должны быть украиноязычными, рассчитанными на западно-украинскую аудиторию. К тому же процент русского населения в регионе не так уж

мал, как принято думать (только в одной Львовской обл. проживает 92 000 русских). Закарпатские русины – наиболее выпуклый пример современной пульсирующей карпато-русской жизни.

Отдельной строкой хотелось бы коснуться Крыма, где происходят два разнонаправленных процесса – радение за Россию и обособленность крымско-татарского этнического элемента, а также наблюдается повышение градуса межэтнической конфликтности. К тому же Крым – ментально-стратегический контрбаланс, уравнивающий украинское политическое поле, на противоположном конце которого находится Западная Украина с ее национал-партикуляристской идеологией. Ось Львов – Севастополь представляет внутриукраинский механизм балансирования между двумя разнонаправленными векторами внешнеполитических предпочтений официального Киева.

Крымско-татарский меджлис оперирует как параллельный региональный орган власти, дублируя функции центральных властей и имея собственные внешнеполитические каналы связи со своими зарубежными партнёрами, могущими непосредственно влиять на позицию Киева. Силowymi центрами политического притяжения традиционно считается Анкара, Вашингтон и, с некоторых пор, Брюссель. Однако в последнее время эта трехчленная конструкция претерпела изменения. Турция не рассматривает сегодня Крым как поле приложения антироссийского вектора турецкой политики. Анкара предпочитает укреплять свои позиции на полуострове взвешенными культурно-дипломатическими методами, без политизации и радикализма.

Между тем ряд экспертов утверждают, что меджлис контролирует не более 40% татарского населения. Остальные находятся в «идеологическом поиске», что создаёт угрозу экстремистского «брожения» в крымско-татарской среде. Уже отмечен рост заинтересованности крымско-татарской молодёжи в исламистской риторике: тон информацион-

ных ресурсов исламской направленности становится более агрессивным, предметом обсуждений становятся фигуры северокавказского бандподполья, а политический ислам приобретает все большее число приверженцев. Одновременно с этим активизировались межрегиональные связи между северокавказскими субъектами РФ и АРК.

Из радикальных исламских движений, в разное время замеченных в Крыму, можно назвать три: «Хизб-ут-Тахрир», «Джаамат Таблиг», «Ат-Такфир валь Хиджра». Последователи «Джаамат Таблиг» не были замечены в откровенно террористических или экстремистских действиях, хотя есть мнение, что эта организация занимается пропагандой радикального ислама, но делает это исключительно в проверенном информационном поле, не переходя к акциям прямого действия. Против членов «Ат-Такфир валь Хиджра» в 2009 г. возбуждалось уголовное дело по статье 255 Уголовного кодекса Украины (создание преступной организации). Но наиболее мощным информационным потенциалом обладает на сегодня «Хизб-ут-Тахрир», конкурирующая с медресами за сердца крымских татар. В ряде стран СНГ, в т.ч. в РФ, деятельность «Хизб-ут-Тахрир» запрещена законом. На Украине «Хизб-ут-Тахрир» действует вполне легально, и это во много раз увеличивает результативность её агитационной деятельности, к тому же эта организация располагает собственными информационными ресурсами.

Есть тактические расхождения и внутри самого медреса. Молодые лидеры, готовые прийти на смену многолетнему председателю М. Джемилю, могут оказаться более радикальными, учитывая широкие возможности сообщения крымско-татарских активистов с зарубежными исламскими центрами.

О том, что угроза экстремизма всё-таки не столь туманна, свидетельствует намерение Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК) реализовать Программу противодействия влиянию религиозных сект на мусуль-

ман и жителей АРК. Как говорится в заявлении ДУМК, программа создается с целью «эффективного отпора наплыву религиозных спекулянтов различных толков, а также систематизации полученных сведений о деструктивном влиянии и деятельности религиозных сект в Крыму».

Представитель другой исламской структуры – Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ) муфтий Шейх Ахмед Тамим ещё в 2007 г. призывал положить конец экстремистским сектам, которые расширяют своё информационное присутствие. Согласно заявлению ДУМК, на полуострове учреждены десятки религиозных общин, за которыми стоят экстремистские организации «Ат-Такфир валь-Хиджра» или «Хизб-ут-Тахрир» («Адет», «Давет», «Азамат», «Иман» в Симферополе, «Минарет» в Евпатории, «Эски-Юрт» в Бахчисарае, печатные издания «Возрождение», «Минарет», «Мирас», информационные порталы «Виляят Крым», «Возрождение»).

ДУМК пользуется авторитетом среди крымских мусульман. В то же время ДУМУ пока только пытается потеснить ДУМК в АРК. Легальное существование двух независимых исламских центров (ДУМК и ДУМУ) не способствует нормализации внутриконтрафессиональных отношений мусульманской уммы. Крымские татары составляют 260-270 тысяч жителей полуострова. Славянское население (с учетом Севастополя) – около 2,2 млн. Говорить о тревожной радикализации Крыма пока не приходится. Радикальным настроениям подвержены не более 10% крымско-татарского населения. Но крымско-татарское общество – психологически интровертно и достаточно закрыто, и контролировать эти 10% затруднительно. Инициатива ДУМК по реализации Программы противодействия влиянию религиозных сект на мусульман и жителей полуострова кажется весьма своевременной. Много будет зависеть от украинских властей, которые пока больше опасаются роста пророссийских настроений, закрывая глаза на активизацию радикального крыла

крымско-татарского движения, пока ещё не-многочисленного.

Трахимёнок С.А.: Слово следующему докладчику – Гронскому Александру Дмитриевичу, к.и.н., доценту кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского ГУ информатики и радиоэлектроники. Доклад называется «Национализация истории как препятствие интеграционным процессам».

Гронский Александр Дмитриевич

**кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитар-
ных дисциплин Белорусского
государственного универси-
тета информатики и радио-
электроники (г. Минск):**

После появления на осколках Советского Союза ряда независимых государств началась активная работа местных идеологов по созданию исторического обоснования полученного суверенитета. Однако первые проявления использования исторических событий в качестве оправдания «национального возрождения» началось ещё в позднем Советском Союзе. Не обошли эти процессы стороной и Белоруссию.

С середины 80-х гг. XX в. в белорусском обществе начались социокультурные трансформации, связанные с изменением курса

советского правительства. В союзных республиках, в том числе и БССР, усилилась критика и отрицание старых догм, базировавшихся на советской интернациональной идеологии. В то же время на освободившееся место начали претендовать новые догмы. Если в соседних республиках новые лозунги оказались более-менее востребованными, то в Белорусской ССР руководство отнеслось к ним достаточно настороженно. Наиболее сильной группировкой, аккумулировавшей новые требования, стал Белорусский народный фронт, являвшийся символом оппозиции советской системе. Его сторонники, борясь с советской идеологией, предложили собственный набор идей, которые, по их мнению, должны были быть более органичными для белорусов. Поскольку идеи нужно было создавать сразу, то далеко не всегда из них оказались качественными.

Новые идеи не имели укорененности в общественном сознании, поэтому их адепты должны были каким-то образом легитимировать и даже сакрализировать новый набор ценностей в ментальности населения. Критика советских взглядов разрушила старое идеологическое основание существования нации, а новое так и не было разработано. Попытки быстрого решения этой проблемы привели к появлению различных эрзацев, часть из которых была сконструирована в постперестроечный период, а часть реанимирована из белорусского прошлого, точнее – из начала XX в.

Для легитимации новых условий, особенно после получения независимости, встал вопрос создания (или восстановления) «своего» исторического прошлого. Простейшим способом это сделать оказалось создать матрицу исторического прошлого, которая могла бы накладываться на любой период жизни нации, этноса, государства и т.д. и тем самым подчеркивать «правильные» ситуации и затемнять ситуации не очень удобные с точки зрения создателей матрицы. В целом, создавался своеобразный интеллектуальный протез, который

поддерживает и цементирует общество в периоды кризисов.

Новая власть поддерживала новые условия. Любой режим, приходя к власти, создает свою «национальную историю», наиболее «точно», но вместе с тем и наиболее субъективно освещающую период развития государства или жизни народа. Естественно, что «своя» история логически приводит к выводу, что именно данный режим является «настоящим», легитимным не только с точки зрения большинства, т.е. современности, но и по логике всего предыдущего развития. Таким образом, режим освящается всем предыдущим существованием государства или нации.

Однако в период общего структурного кризиса новые элиты не могли справиться с ситуацией общего ухудшения. Для оправдания собственной значимости пришлось искать объяснение ухудшающейся обстановки. Самым простым способом сплотить нацию оказался поиск внешнего врага, виновного во всех бедах. На роль врага в конце XX в. не могли подойти прежние потенциальные противники, т.к. они в тот момент являлись образцами такого положения, к которому необходимо было стремиться. Именно поэтому на роль врага стал претендовать бывший имперский центр – Москва, а точнее Россия. Представление России в образе врага дало возможность сплотить нацию элитам некоторых бывших союзных республик. Однако в мировоззрении белорусского населения Россия до последнего времени не представлялась врагом, как бы эту точку зрения не навязывали радикалы. Образ врага происходит от комплекса неполноценности, носитель которого стремиться к самооправданию и ищет раздражитель, т.е. виновника приобретения комплекса неполноценности, на стороне. Комплекс неполноценности, комплекс жертвы и последующий поиск врага в близких соседях – это удел проигравших. Например, на Украине радикалы сумели подвести некую логическую базу под представление России в качестве образа врага. Украинские политики

вычленили несколько волн голода, прошедшего по югу довоенного СССР, и объявили голод попыткой геноцида, инспирированного из Кремля. Физические жертвы голода явились подтверждением геноцида. Армяне же ненависти к России не питают, они оказались победителями в Карабахском конфликте, и у них не сформировался комплекс жертвы, поэтому они не искали врага. Белорусы в СССР не подвергались физическому уничтожению по этническому признаку. Пропаганда утверждала, что репрессии проводились по отношению к враждебным социальным слоям, а не конкретно белорусам, «голодомор» прошел мимо белорусского населения, поэтому для сплочения нации нужно было или выискивать мелкие факты, раздувая их до всебелорусских масштабов, или по-другому интерпретировать события, выставляя их в свете этноцида. Первая попытка увидеть русско-белорусский конфликт в седой старине была изобретена в начале XX в. В.Ю. Ластовским, который рассматривал борьбу древнерусских князей как национальный конфликт. В начале XXI в. И. Сурвилло также утверждала, что полочане уже в X в. боролись за свою независимость как сформированный белорусский этнос.

Однако большинство населения не воспринимало ни Полоцкое княжество, ни Великое княжество Литовское как свою непосредственную историю. Белорусские интеллектуалы конца XX – начала XXI в., зазывая население в «свою» историю в виде Полоцка и ВКЛ, сначала не смогли вмонтировать новую историческую память в сознание современников. Неудача с конструированием прошлого показала белорусским интеллектуалам их неспособность «говорить» с народом, вести пропаганду своих идей на доступном каждому языке. Сначала интеллектуалы не восприняли эту неудачу как свою ошибку, они обвинили народ в том, что у того отсутствует национальное самосознание. Таким образом, романтические представления белорусской интеллигенции об идеальном белорусском народе, который она

поведет в светлое белорусское будущее, потерпела крах. Для налаживания диалога нужна была кропотливая работа с населением и снижение планки требований к обывателю. Обыватель попросту отвернулся от интеллектуалов, которые после неудачной попытки объявить себя лидерами нации, обвинили народ в отсутствии национального самосознания. Белорусские лидеры не постарались понять ментальную ситуацию большинства населения, а стали искать, т.е. конструировать «идеальный» белорусский народ, пытаясь найти его в компиляции из «разнообразных остатков бывшего радужной Белоруссии», как пишет белорусский философ В. Акудович. Т.е. возникла ситуация начала XX в., когда белорусская интеллигенция, выступая за светлое будущее белорусских крестьян, осталась незамечена ими и оказалась совершенно не конкурентноспособна по отношению к своим оппонентам. В результате часть интеллектуальной элиты закрылась в собственном мифологическом мире, созданном белорусским возрождением, и, по меткому замечанию В. Акудовича, стала «вечными детьми». Несмотря на то, что некоторые белорусские интеллектуалы считают, что без них белорусский народ, «как бараны рассеянные», но, тем не менее, никто из них не смог стать вождем умов белорусского обывателя.

Тем не менее, представления среднестатистического белоруса о своём прошлом сегодня уже не те, которые были еще десять лет назад и уж совсем не те, которые бытовали двадцать лет назад. Люди в массе стали воспринимать как истину ту концепцию истории, которая ранее воспринималась как нечто искусственное. По-моему, это произошло по причине того, что постоянный информационный фон о том, какая концепция истории верна, сначала раздражал, а потом к нему все привыкли и стали воспринимать как должное. Многократное повторение одного и того же в конце концов приводит к укоренению этих повторений в сознании как неких априорных

истин, которые не комментируются, поскольку воспринимаются чуть ли не сакрально. Кроме того, для придания значимости укореняющимся догмам белорусские историки и публицисты, занимающиеся исторической эссеистикой, стали использовать ряд методик, которые помогают закреплять в сознании большинства нужный ход мыслей и нужные представления об историческом процессе. В своем докладе я постараюсь дать им названия и проанализировать эти способы.

Белорусоморфизм – наделение нормативными белорусскими чертами лиц, не связанных напрямую с участием в белорусском национальном проекте. Вследствие чего данные лица воспринимаются как белорусы или действующие с точки зрения пользы для белорусов.

Тот же белорусоморфизм характерен и для определения государственных образований (например, «Великое Княжество Литовское – это средневековое Белорусское государство»), и для определения политических событий (например, «белорусы силой успокоили бунт в Жмуди и Лукшайгии»). Таким образом, конструируется некая белорусская реальность, которая со страниц учебников и научной литературы попадает к конечному потребителю внешне научного, но идеологического по сути продукта, создавая представление о белорусской субъектности в истории.

Можно сказать, что помимо белорусоморфизма существует украиноморфизм и другие попытки прочих молодых и не очень молодых наций наделять прошлые эпохи нормативными чертами своих современных общностей.

Приведу несколько примеров белорусоморфизма. Так, А. Котлярчук, пытаясь придать Белоруссии статус субъекта политических отношений уже в XVIII в., везде, где приводит цитаты того времени, в которых упоминается Русь – старинный регион Великого Княжества Литовского, после слова «Русь» в скобках пишет «Белоруссия». Профессор А.Ф. Смоленчук при упоминании одного из регионов

Российской империи – Северо-Западного края, постоянно перед официальным названием ставит словосочетание «так называемый», предпочитая называть его Белорусско-Литовский край. Он соглашается, что этот термин является модернизацией истории, но заявляет, что официальное название несет в себе идеологическое наполнение, а так же «отказывает Белоруссии в праве на самостоятельный исторический путь и не признает белорусов субъектом собственной истории». Таким образом, создавать субъектность можно просто переименовывая официальные названия в такие, по которым эта субъектность будет прослеживаться. По сути, тут мы сталкиваемся не только с изобретением субъектности, но и с её навязыванием. Российская имперская администрация меньше всего хотела ущемить права белорусов на самостоятельное существование, хотя бы только по тому, что когда вводилось название Северо-Западный край, общность под названием белорусский народ не была актуальна в принципе. Нельзя было угнетать тех, кого не считаешь реальностью, но белорусские историки любое действие российской администрации пытаются расшифровать с точки зрения борьбы «варварской империи» с «европейскоориентированными» белорусами.

Кроме того, в любом учебнике политологии, выпущенном в Белоруссии, можно встретить анализ текстов древнерусских религиозных деятелей Кирилла Туровского и Ефросиньи Полоцкой именно как белорусских политических мыслителей. Ефросинья Полоцкая уже успела быть назначенной первым белорусским востоковедом, поскольку она в конце своей жизни посетила Святую Землю. Если именно по этому принципу определять людей как востоковедов, тогда в них (в востоковедах) нужно записать всех, кто путешествует в современную Турцию или Израиль. Ведь люди ходят там на экскурсии, фотографируют, а по приезде домой, естественно рассказывают своим знакомым и показывают фотографии своих путешествий.

Интересен также факт того, что первыми белорусскими туристами были, оказывается, полоцкие дружинники периода ранней Киевской Руси. Они ходили в походы на Константинополь, что дает право записывать их в первые белорусские путешественники. Об этом можно прочесть в параграфе «Возникновение туристского движения в Беларуси» из учебника по истории туризма. Там так и написано: «отряды кривичей в составе дружин киевских князей ходили на Царьград». Теперь становится понятным, почему наши соотечественники ведут себя на турецких курортах подобным образом, ведь туристические маршруты в тот регион прокладывали дружинники. А современные туристы, получается, на генном уровне чувствуют зов предков. Также показателен пример выездной лекции для молодёжи одного из белорусских учёных по средневековой белорусской истории. В частности, исследователь утверждал, что все европейские средневековые монархи были белорусами. Логика объяснений была следующей. Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, была белорусской. Все подозрения о том, что Рогволод был варягом, лектором просто отменялись по принципу того, что это русификаторские выдумки тех, кто хочет лишить гордых белорусов их подлинной истории. Так вот, Рогнеду (под именем Гориславы) насильно взял в жены князь Владимир, который позже стал великим князем киевским. Поскольку, как утверждал лектор, у древних белорусов родство велось по материнской линии, то дети Владимира и Рогнеды были белорусами. В том числе и Ярослав Мудрый. Итак, белорус Ярослав Мудрый стал великим князем киевским. Он выдал своих дочерей замуж за европейских монархов. Одну за венгерского короля, другую – за шведского, а третью – за французского. Таким образом, женами европейских королей стали белоруски, а их дети – будущие монархи – тоже являлись белорусами, т.к. они были рождены от белорусских матерей. Лектора даже не смутило то, что Ярослав Мудрый был «белору-

сом» по женской линии, но его жена была шведской принцессой. Следовательно, их дети, по логике белорусского учёного, должны были быть шведами. Но почему-то они стали белорусами. После лекции я спросил у него об этом, но он так и не смог логически объяснить, почему так произошло.

Белорусоморфизм появился не сегодня. Его зачатки следует искать еще в конце XIX в., когда первые белорусские националисты объявляли белорусами всех исторических персонажей, которые могли сыграть на пользу становлению национализма.

Для доказательств того, что белорусы являлись субъектом этнических и прочих отношений в далеком прошлом, современные представления о них переносятся на прошедшие эпохи. В результате возникает эффект квазисамоидентификации.

Квазисамоидентификация – наделение своих предков чертами и самосознанием нынешней общности. Причем предки, жившие до появления данной общности, определяли себя по абсолютно другим критериям. В белорусском варианте этот механизм выглядит следующим образом: современные исследователи-белорусы, говоря о населении Полоцкой земли, Великого Княжества Литовского или Северо-Западного края Российской империи, утверждают, что это население было белорусами. Логика проста: мы белорусы, поэтому наши предки тоже белорусы. Когда белорусы определяют сами себя, это и есть самоидентификация, но поскольку «белорусы» прошлого имели совершенно другие представления о самоидентичности, то приходится признать, что современные определения их как белорусов имеют достаточно большую долю условности, т.е. предки и потомки отнюдь не одно и то же. Именно из-за большой доли условности можно сказать, что современное определение попросту конструирует представления о самоидентификации населения, жившего на конкретной территории некоторое время назад, т.е. происходит квазисамоидентификация. Таким образом, само-

идентификация – это аутентичное представление о себе, а квазисамоидентификация – это допущение того, что наше представление о чьих-то аутентичных представлениях может совпадать с этими аутентичными представлениями, т.е. мы определяем другого за него, иногда, если нам это выгодно, даже не интересуясь, как же он себя сам определяет.

Квазисамоидентификация очень хорошо подходит для конструирования образа вечного врага. Если, с точки зрения квазисамоидентификации, предки белорусов имели такую же ментальность, как и современные белорусы, жили в окружении тех же соседей, что и сейчас и имели с соседями примерно такие же отношения, что и сегодня, получается, что нынешние враги белорусов становятся врагами и в прошлом. Это очень хорошо можно было проследить в период российско-белорусских «газовых войн». Отказ России предоставить белорусской стороне дешёвые энергоносители вызвали шквал антироссийской риторики, в которой иногда утверждалось, что это вечная проблема в белорусско-российских отношениях, а Россия перманентно является империей, стремящейся колонизировать гордую и независимую Белоруссию.

Квазисамоидентификация резко примитивизирует понимание исторических процессов, перенося современные ментальности и смыслы в прошлые времена, иногда даже в те эпохи, когда существовал единый русский народ.

Крипторевизионизм – это скрытый, неявный пересмотр исторических событий, при котором у стороннего наблюдателя складывается впечатление, что пересмотра не происходит. На самом же деле заинтересованные лица смещают акценты таким образом, что большинство продолжает рассматривать данное смещение как продолжение традиции, а не как отход от нее.

Смещение акцентов для крипторевизионистов не опасно потому, что его сторонники не стремятся пересмотреть историю как таковую,

они желают придать «своему» народу больший вес в исторических событиях. Особенно ярко крипторевизионизм проникает в те исторические события, гордость за которые разделяют народы, проживающие сразу в нескольких государствах. Для стран, расположенных на территории бывшего СССР, таким событием стала Великая Отечественная война. Упоминая о совместной борьбе с нацизмом, некоторые белорусские эксперты постепенно начинают утверждать, что история войны представлена не очень объективно, что затушевывается роль белорусского народа в Победе. В настоящее время в Белоруссии на всех уровнях развита система крипторевизионистских взглядов. Крипторевизионизм постепенно проникает всюду, подчеркивая основную роль белорусов в победе над Германией и умалчивая обо всех остальных.

Крипторевизионизм уже как минимум несколько лет присутствует в телевизионных трансляциях. Так, Монумент Победы в Минске был назван символом мужества только белорусского народа. Интересным является репортаж белорусского журналиста, который в июне 2011 г. рассказывал о защитниках Брестской крепости. «Тогда стояли насмерть. Чтобы сейчас стоять под свой гимн – символ Независимости», – сказал белорусский журналист, как будто в Брестской крепости сражались и умирали только представители белорусского народа. Вообще, в крепости основная масса солдат была родом из Центральной России, Кавказа и Средней Азии, т.е. Брестская крепость – это символ мужества советского народа, как бы сейчас не критиковали само это понятие. Если это понятие по каким-то причинам не подходит для проговаривания в эфире, то логично было бы вспомнить про подвиг представителей России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Киргизии и других советских республик, существующих сейчас как независимые государства. Но тогда было бы нелогичным говорить, что русские, армяне, казахи и другие умирали тогда, чтобы сейчас белорусы стояли под символ своей независи-

мости. Ведь в 1941 г. советские солдаты защищали единую страну, а не отдельные суверенные государства. Кстати, за отдельные суверенные государства, в том числе и Белоруссию, ратовали коллаборанты, т.е. те, кто сотрудничал с оккупантами.

Интересен крипторевизионизм в устах профессиональных белорусских историков. Они, похоже, не задумываясь, делают утверждения, которые искажают объективную реальность и представления слушателей. Лично мне пришлось слышать на одной из недавних конференций объяснение фразы Гитлера о том, что немцы при вторжении в Советский Союз открыли дверь, не зная, кто за ней. Белорусский историк однозначно заявил, что «за дверью был советский белорусский народ». А других народов будто бы и не было. Далее крипторевизионизм в докладе проявился утверждением того, что «щелями нацистов являлись расщепление и оккупация белорусских земель». Т.е. профессиональный историк спокойно заявлял о том, что войну с СССР Гитлер начал только потому, что ему хотелось уничтожить белорусов. Больше никаких мотивов в деятельности Гитлера исследователь не нашел. Из текстов научных работ и учебников такие утверждения постепенно перетекают в головы обычных граждан.

Так, школьные сочинения о Великой Отечественной войне, написанные белорусскими школьниками, лишь подтверждают общую направленность мыслей. В эссе, посвящённым событиям последней войны, которые писали школьники и учащиеся профтехучилищ пару лет назад, сквозит убеждение того, что Гитлер напал на Советский Союз по причине того, что хотел поставить на колени именно белорусский народ. Школьники утверждают, что белорусскими партизанами руководило «наше командование», а Красной армией – «советское командование». По эссе видно, что белорусское командование было независимо от советского. Белорусы, по мнению авторов эссе, не только выстояли против Гитлера, но и освободили половину Европы. Именно бе-

лорусы, а не кто-нибудь. Крипторевизионизм распространяется и на белорусов, живущих и работающих за рубежом. Так, один из российских белорусов в интервью белорусскому телевидению заявил, что белорусы довели Гитлера до самоубийства. Даже ветераны войны иногда подвергаются влиянию крипторевизионизма. Так, один пожилой полковник – участник Великой Отечественной войны сказал, что самым главным достижением Победы стал суверенитет Белоруссии. Для современного белоруса, возможно, суверенитет Белоруссии – это именно самое главное, но ведь во время войны советские солдаты сражались за независимость СССР, за возвращение оккупированных земель, в том числе и Белоруссии, в состав Советского Союза. О суверенитете в то время тоже говорили, только жаждавшие суверенитета были по другую линию фронта.

Крипторевизионизм является на сегодняшний день одним из самых эффективных инструментов конструирования представлений о значимости своего народа в истории, поскольку он не отвергает старые убеждения, а только лишь корректирует их в пользу своего народа. Опасность крипторевизионизма заключается именно в его кажущейся безобидности.

В идеологическом конструировании используются примеры из прошлой героики, которые иллюстрируют борьбу прошлых поколений за независимость своей страны. Однако не все войны, которые проходили на территории, занимаемой в данный момент определённым локальным государством, можно рассматривать как потенциальные примеры героизма своего народа для защиты своего государства. Некоторые войны и отдельные сражения отлично укладываются в нынешний политико-идеологический дискурс современных государств, в других очень сложно найти хотя бы отдельные элементы, способные героизировать прошлое для подтверждения нынешнего суверенитета. Отсюда вытекает концепция «своей/не своей войны».

Постараемся дать определения понятиям «своя» и «не своя» война.

«Своя война» – любые война, восстание или отдельное сражение, которые можно проинтерпретировать как войну своего народа с собственными врагами. Целью придания событию черт «своей войны» является эксплуатация данного факта для потребностей национального/националистического дискурса.

«Не своя война» – любые война, восстание или отдельное сражение, не имеющие потенциала для поддержания национального/националистического дискурса.

Если говорит более просто, то «своей» войной можно гордиться как национальной, а по отношению к «не своей» такой гордости не возникает.

Понятие «своей» войны актуально не только по отношению к событиям, происходящим на территории, признаваемой своей, но и за её пределами. В таком случае пропаганда показывает героическую роль «своих» солдат или повстанцев в событиях, происходящих за пределами «своей» территории. «Не своя» война актуальна только для тех событий, которые протекают на «своей» территории. Поскольку, если война за пределами «своей» территории не может похвастать наличием на ней «своих» героев, тогда такая война попросту игнорируется в нацистроительном дискурсе. А вот война, протекающая на «своей» территории, но не имеющая возможность объявить какую-либо из воюющих сторон «своей», переходит в категорию «не своих» войн. Так как война происходила на «своей» территории, она актуальна для создания повествования о собственной истории, но по причине отсутствия в рядах противоборствующих сторон «национальных» героев в современном понимании, события войны рассматриваются как не способствующие развитию национального дискурса. В результате такие войны воспринимаются как трагедия народа, а пристальное идеологическое внимание уделяется страданиям местного населения, т.е. «своего»

народа.

Для белорусской истории «своими» войнами можно считать битву на Немиге 1067 г., Грюнвальдскую битву 1410 г., Польское восстание 1863-1864 гг. (которое в Белоруссии не называют польским), Великую Отечественную войну.

Соответственно, «не своими» войнами представляются следующие: Северная война 1700-1721 гг., Отечественная война 1812 г. (которая в Белоруссии даже перестала называться Отечественной), Первая мировая война.

Кратко рассмотрим пример «своей» и «не своей» войн на белорусском материале. Итак, «своей» войной считается Польское восстание 1863 – 1864 гг. Это восстание стало настолько «своим», белорусским, что иногда отрицается даже его польская составляющая. Так, в белорусском историко-политическом дискурсе это восстание по привычке иногда называется восстанием Кастуся Калиновского, который не входил в центральное руководство восстанием, а был (да и то не все время восстания) руководителем повстанцев в Северо-Западном крае, т.е. лишь на части территории, охваченной восстанием. Однако в последнее время восстание стало именоваться более корректно – восстание 1863 – 1864 гг. на территории Польши, Литвы и Белоруссии. Мне пришлось выслушать объяснение одного из коллег, который разъяснял, почему восстание 1863 – 1864 гг. должно называться восстанием в Польше, Литве и Белоруссии, а не Польское восстание. Смысл объяснений был следующий: если восстание назвать Польским, тогда теряется присутствие белорусского элемента в восстании, а если указывать регионы распространения восстания, тогда есть хоть какая-то привязка к территории, в том числе и белорусской территории. Таким образом, даже если не говорить о национальном составе повстанцев, большинство будет воспринимать восстание как в том числе и белорусское, поскольку оно было и в Белоруссии. Кроме того, данное восстание в белорусской традиции изучается не во всех своих региональных про-

явлениях, а лишь на той территории, которую воспринимают как Белоруссию XIX в., т.е. это современная Белоруссия с добавкой части Виленской губернии. Таким образом, территория восстания искусственно ограничивается и становится меньше даже той, которую контролировал «белорусский национальный герой» Кастусь Калиновский. Не учитываются такие территории Северо-Западного края, как Ковенская губерния и большая часть Виленской.

В качестве примера «не своей» войны возьмём Отечественную войну 1812 г.. В Белоруссии постепенно пытаются убрать слово «Отечественная» из названия войны, называя ее или русско-французской войной или просто войной 1812 г. Очень четко это прослеживается в школьных учебниках. Если в последние годы существования СССР, учебники по белорусской истории трактовали данную войну как Отечественную, то современные учебники попросту убирают это слово. Более того, в нынешнем представлении о той войне убирается даже упоминание о партизанских отрядах. Оказывается, белорусские крестьяне создавали всего лишь отряды самообороны и лишь для того, чтобы защитить от французских мародеров свое имущество. В партизанских действиях отказано не только белорусским крестьянам, но и армейским летучим отрядам. Про них тоже не упоминается как о партизанских. Однако, когда пишется об антироссийской деятельности помещичьих отрядов после Польского восстания 1830 – 1831 гг. (отряды из крестьян Михаила Воловича), их действия называются партизанскими. Также партизанскими действиями называют антироссийскую борьбу повстанцев во время Польского восстания 1863 – 1864 гг.

По-моему, причиной этому является положительная коннотация слова «партизан» в современном белорусском массовом сознании. В первую очередь это связано с памятью о советских партизанах периода Великой Отечественной войны. Партизанские действия подчеркивают то, что борьба становится не

только делом армии, но и всего народа. Таким образом, партизанская война воспринимается как подтверждение массового сопротивления врагу. В итоге получается, что слово «партизан» и его производные подчеркивают «национальность» сопротивления, его народный характер. Напомню, что партизанскими называют только антироссийские выступления, а выступления против врагов России – это всего лишь попытка защитить свое имущество от разграбления.

Однако понятие «своей» или «не своей» войны не всегда зафиксировано по отношению к определенным событиям. Иногда становится необходимым поменять представления о роли «своих» в войне. В таком случае всегда есть возможность переформатировать «не свою войну» в «свою войну». Надо только расставить акценты, т.е. заняться крипторевизионизмом, навязать представление о том, что свой народ воевал по другую сторону фронта или вообще не воевал, а только страдал от всех воюющих сторон.

Например, в современной Белоруссии наблюдаются попытки сделать «своей» Первую мировую войну. Это не тенденция, это только прикидки, но они очень показательны. Например, белорусские чиновники говорили, что солдаты Русской императорской армии, погибшие на белорусской земле в Первую мировую войну, воевали за суверенитет Республики Беларусь. Хотя между событиями Первой мировой и появлением суверенной Белоруссии стоит не один десяток лет, но тем не менее, именно такие штампы все более и более начинают бытовать в общественно-политическом дискурсе современной Белоруссии.

Нужно заметить, что в представлении о «своей войне» далеко не всегда наблюдается ответственность. Есть ряд событий, которые в массовом сознании оцениваются как свои. Такие сюжеты истории являются причиной гордости за своих предков, и для того чтобы их воспринимали как свои, не нужно совершать каких-либо интеллектуальных или не очень

интеллектуальных потуг. Например, для России – это однозначно Отечественная война 1812 г., от которой в Белоруссии (кстати, в то время части России) пытаются откреститься. Таким образом, исторические события, связанные с гордостью за подвиг своих предков или с переживанием трагедии проигрыша, всегда используются для конструирования представлений о «своей войне», которая используется в качестве материала для формирования представления о собственном историческом прошлом. Следует учитывать, что представление о «своей войне» могут формироваться и без влияния заинтересованных лиц. Например, для России и Белоруссии «своей» является Великая Отечественная. Однако по отношению к ней возникает следующая проблема – кто внес большой вклад в победу. И в этом случае в дело вступает крипторевизионизм, о котором говорилось выше. «Свое государство» («своя страна») – страна, которая представляется Родиной предков, которые в этой стране составляли государствообразующий народ или один из государствообразующих народов. Поражения такой страны воспринимаются как свои (или своего народа) поражения, а победы – как свои (или своего народа) победы.

«Не своё государство» («не своя страна») – страна, которая располагалась на территории, контролируемой в настоящее время современным локальным государством, но не имеющая потенциала для нациестроительства, поскольку не представляется возможности обозначить ее как Родину предков, а сами предки не воспринимаются как государствообразующий народ.

«Свои» или «не свои» государства очень четко определяются при просмотре школьных учебников по истории. Приведем небольшую таблицу, составленную по содержанию современных белорусских школьных учебников истории. Историю в белорусских школах изучают в двух вариантах – история собственно Белоруссии, т.е. своя история, история своей страны и всемирная история, т.е. исто-

рия всех остальных, не своих стран. Напомню, что государства с названием Белоруссия в истории не существовало. Первые попытки собственно белорусского государственного строительства появились только в период Гражданской войны в России. Первая попытка создать государственность в форме Белорусской народной республики оказалась формальностью. Государство было объявлено на оккупированной немецкими войсками территории, а сами немцы признавали эти земли частью России. И хотя некоторые немецкие военачальники говорили, что оккупированные территории не вернуться «под пяту России», тем не менее, немцы не пытались признавать на официальном уровне доморощенные национальные режимы.

Итак, в таблице будет три столбца. В первом будет отражена информация о том, в составе какого государства находились земли, на которых сегодня располагается Белоруссия, во втором – какое государство или его часть изучается в курсе истории Белоруссии, в третьем – изучаются ли в курсе всеобщей истории государства, в которые на тот момент входила территория Белоруссии. Оказывается, что некоторые государства, в которые входила белорусская территория, изучаются в курсе всемирной истории, хотя было бы логично изучать их как свои. Иные же государства изучаются только в курсе истории Белоруссии, т.е. можно предположить, что они не рассматриваются как «чужие».

В составе какого государства находились белорусские земли	Истории Белоруссии	Всеобщая история
Древнерусское государство	Полоцкое и Туровское княжества	Древнерусское государство
Великое княжество литовское	Великое княжество Литовское	–
Речь Посполитая	Речь Посполитая	–
Российская империя	Белоруссия	Российская империя
СССР	Белоруссия	СССР

Итак, теперь проанализируем таблицу. Изначально территория Белоруссии находилась в составе Древнерусского государства. Первое упоминание о Полоцке – самом древнем белорусском городе – в летописи содержится среди населённых пунктов, подчиняющихся Рюрику, т.е. Полоцк изначально был частью Новгородской земли и не имел самостоятельности, что так пытались опровергнуть некоторые белорусские историки конца 90-х гг. Рецидивы этого встречаются до сих пор. Но в истории Белоруссии изучаются только те территории Киевской Руси, на которых сейчас существует белорусское государство, остальные же части Руси отнесены к всемирной истории. Таким образом, Киевская Русь является «не своим» государством для белорусской историографии.

Второй период – это существование белорусских земель в составе Великого княжества Литовского. В курсе истории Белоруссии изучается собственно Великое княжество Литовское. Его система власти, социальные группы и т.д. Также изучаются сражения, которые вело княжество за пределами своих территорий. В курсе всеобщей истории других, «небелорусских» частей Литовского княжества не изучается. Хотя, если брать современные границы государств, Великое княжество Литовское располагалось на землях, занимаемых ныне не только Белоруссией, но и Украиной, Литвой, Польшей, Россией, Латвией. Естественно, что современные территории России, Польши или Латвии входили в состав Литовского княжества лишь небольшим процентом своих сегодняшних земель, но ведь и в Киевскую Русь входила далеко не вся территория современной России. Таким образом, Великое княжество Литовское изучается только в учебнике по истории Белоруссии. Следовательно, оно является «своим» государством.

В 1569 г. Королевство Польское и Великое княжество Литовское объединились в одно государство – Речь Посполитую. В курсе истории Белоруссии о Речи Посполитой ска-

зано много. В частности, рассмотрена система высших органов власти, положение социальных групп, состояние города и деревни, формирование единого шляхетского сословия и т.д. Если мы обратимся к курсу всеобщей истории этого периода, то в ней нет не только Речи Посполитой, но и даже Польши. Таким образом, получается интересный парадокс – «небелорусские» части Киевской Руси изучаются в разделе всеобщей истории, т.е. как «не свое государство», а «небелорусские» части Речи Посполитой в курсе всемирной истории не изучаются, т.е. Речь Посполитая полностью воспринимается как «своё государство».

В конце XVIII в. Речь Посполитая была разделена между более эффективно развивающимися соседними государствами – Россией, Австрией и Пруссией. Территория современной Белоруссии вошла в состав Российской империи. Если открыть школьный учебник по истории Белоруссии, получается, что в этот период там изучается только современная территория Белоруссии с небольшой территориальной прибавкой в виде части Виленщины. Вильна традиционно считается в среде белорусских интеллектуалов белорусским городом. С точки зрения развития белорусского национализма это полностью оправданное мнение, поскольку именно в Вильне базировалось большинство националистических организаций периода зарождения белорусского национализма, именно Вильна была центром распространения белорусской печатной пропаганды. Кроме того, Вильна имела статус столицы бывшего Великого княжества Литовского, которое ещё с конца XIX в. постепенно начало рассматриваться заинтересованными личностями как белорусское государство. Итак, в период существования Белоруссии в составе Российской империи, школьный учебник истории Белоруссии даёт как «своё государство» территорию земли нынешней Белоруссии с небольшой прибавкой нынешних литовских земель. А вот в курсе всемирной истории изучается Российская им-

перия. Таким образом, Россия является «не своим государством» для белорусов.

Период советской власти рассматривается аналогично периоду Российской империи. В учебнике истории Белоруссии изучается территория собственно Белоруссии. Надо сказать, что тогда нынешняя Белоруссия была в составе как СССР (восточная часть), так и в составе Польши (западная часть). Учебник изучает в основном БССР, и только отдельный параграф посвящён ситуации в Западной Белоруссии. Как вы уже догадались, Советский Союз изучается в курсе всемирной истории, то есть как «не своё государство».

Таким образом, получается парадоксальная ситуация. Киевская Русь – государство восточных славян, как принято сейчас говорить. Восточные славяне – предки современных русских, белорусов и украинцев. В период Киевской Руси эти предки нынешних народов вообще не разделялись на разные народы, то есть это государство одного народа – русского. Если уж говорить более пространно, то предки белорусов делили его с предками русских и украинцев в составе одного народа. Киевская Русь, тем не менее, представляется «не своим государством».

Великое княжество Литовское являлось государством, в котором существовали славяне и балты. Вообще, большая часть Великого княжества была территорией восточнославянского расселения, т.е. оно занимало территории предков современных белорусов и украинцев, но там было много и балтских территорий. Это государство считается в учебниках «своим».

Речь Посполитая – государство, которое было, если мерить современными мерками о существовании тех или иных народов, польско-белорусско-украинско-литовским. Но там практически не было предков современных русских (опять же, если мерить современными мерками о существовании народов). Речь Посполитая выступает как «своё государство».

В Российской империи белорусы стали жить с русскими в одном государстве. Оно не счи-

тается «своим», т.к. изучается в курсе всемирной истории.

В СССР белорусы также были объединены с русскими в рамках одной большой страны. СССР также является «не своим государством». Обратите внимание. Если белорусы или их предки проживают совместно с русскими или их предками (Российская империя, Советский Союз) или даже являются одним народом (Древняя Русь), тогда эти «общие» государства не рассматриваются в белорусских учебниках как «свои». Если же белорусы или их предки проживают в одном государстве совместно с балтами-литовцами, украинцами или поляками, но отдельно от русских или их предков (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая), тогда такое государство рассматривается только в курсе истории Белоруссии, т.е. является «своим».

В качестве заключения можно сказать, что этот доклад – только первая попытка проанализировать способы национализации истории в белорусском историческом, историко-политическом и историко-идеологическом дискурсах. Существуют и другие методы формирования «правильных» и «объективных» исторических знаний. Во всяком случае современная ситуация в Белоруссии располагает к тому, что изобретатели новых концепций без особого труда могут получить себе в качестве подопытных те или иные группы приверженцев различных исторических концепций. Думаю, что особую опасность представляет поддержка таких взглядов на уровне некоторых государственных чиновников. Проникновение концепций, национализующих историю, в школьные учебники говорит о том, что именно этот взгляд становится официальной версией объяснения исторических событий.

Моисеев А.Н.: Вопрос Александру Дмитриевичу. Вы сейчас рассказали много интересного, и я понял, что это основная официальная политика союзного государства Беларусь. Кто издаёт учебники?

Гронский А.Д.: Государственная типография

при университетах «Народная света».

Моисеев А.Н.: Почему я спрашиваю: в прошлом году, когда ещё я был дипломатом, то наблюдал такую сцену на Кубе в честь юбилея Победы. Были приглашены все четыре посла России, Украины, Белоруссии и Азербайджана. Все послы выступали. Говорили о дружбе народов. Вспоминали о том, как была добыта эта победа. После выступления посла Белоруссии я был (и не только я) в шоке. Оказывается, России в этой войне вообще не было, была только Белоруссия и гитлеровская Германия, которую Белоруссия успешно разгромила. Вы можете прокомментировать?

Гронский А.Д.: Это то, что я называю крипто-ревизионизмом. Первыми американцы заявили, что это они выиграли Вторую мировую войну. Это попытка найти какие-то значимые события для народа, но поскольку они делятся с другими народами, то придётся их каким-то образом национализировать. То е. ради того, чтобы быть более или менее объективными, приходится учитывать события, которые были за пределами Белоруссии. Да, была Сталинградская битва, была Курская битва, но вклад Белоруссии несравним. Официальные лица сознательно или бессознательно искажают историю ВОВ. Но пока это Белоруссии выгодно.

Думаю, что это недоработка российской стороны. В 2006 году я был на конференции в Москве и предположил, что война в Белоруссии будет рассматриваться именно так. Почему? Потому что российское информационное влияние на территории Белоруссии очень минимизировано. Новости в любой стране идеологичны. А в декабре 2009 года я предположил, что такое же будет и по отношению к Первой мировой войне, и практически угадал цитату чиновника. Я мотивировал тем, что россияне не понимают, что научное общение даёт возможность быть объективными, а у нас получается такая ситуация: белорусские учёные не хотят никуда ездить, свою значимость повышают такими заявлениями, а российские коллеги говорят, что у

нас скучно и неинтересно.

Моисеев А.Н.: Это же опасно. Потому что молодое поколение не сможет правильно ориентироваться в истории Второй мировой войне, будет иначе воспринимать историю. Тогда, какое же Союзное государство мы строим? Мы скоро перестанем друг друга понимать.

Гронский А.Д.: Поднимался вопрос о том, чтобы написать совместный учебник по истории. Но у всех будет настолько много претензий друг к другу, что ничего не получится. Надо каким-то образом менять свое отношение к истории и только потом писать общие учебники истории.

Язькова А.А.: Мне известно, что существует комиссия российских и украинских историков, где такого рода вопросы периодически обсуждаются. Есть ли белорусско-российская комиссия?

Гронский А.Д.: Комиссии нет. А вот попытаться создать такую имеет смысл. Может быть, что-то и получится.

Кожокин Е.М.: Пользы от таких комиссий никакой. Что мы получили в результате от действия российско-украинской комиссии? Ничего. Как писалось в украинских учебниках про «украинского» князя Игоря и «украинскую» княгиню Ольгу, так и пишется. Поэтому, если возникнет такая же комиссия с Белоруссией, толку не будет. Ну, поставим мы ещё одну «галочку». Всё зависит о позиции участников комиссии.

Гулевич В.А.: Мой коллега Владимир Стус, украинский философ, заметил, что в России, в Украине, в Белоруссии история перестала быть наукой, она перестала искать знания, она стала элементом политического пиара. Россия, насколько я понимаю, собирается отмечать 1150-летие российской государственности. Исходя из 860 года, от княгини Ольги, которая не была не только русской, она не была славянкой. Это приведет к тому, что через некоторое время мы будем пользоваться не местными учебниками истории, а написанными где-то на Западе. У нас на

Украине был период безвременья, когда одновременно в школах и вузах пользовались тремя учебниками: учебник Аркоса, ещё генерала Российской Армии, написанный в Российской империи, учебники Грушевского и Павловской-Василенко - абсолютно концептуально различные подходы к одному и тому же вопросу. Однако как-то мы даже умудрялись сдавать экзамены. К сожалению, это не проблема учёных, это политический вопрос.

Максименко В.И.: Во что превращаются учебники истории в Белоруссии - это далеко не единственный случай. На всём «Великом лимитрофе», в 14 из 15 стран произошла полная ревизия того, чему учат детей и студентов на основе учебников. Мы в своём институте этим немного занимались. Могу сказать, что от России, - что Н. Нарочницкая называет понятием историческая Россия, - если сложить все новые учебники вместе, то от исторической России останется территория не намного больше территории времён Ивана III. Это уже состоявшийся факт, ответственно утверждаю: никакого противодействия этому нет по сей день.

Оганесян А.Г.: Пока у нас тут царит, цитируя Е.Лигачёва, «идеологическая растерянность», Джордж Сорос высказался: «Если русским так трудно найти свою национальную идею, то давайте им поможем». Вот он и помог учебниками.

Гаврилечко Ю.В.: К сожалению, мы постепенно теряем точку отсчёта, проходит время, и мы не сможем договориться о базовых понятиях. По проблемам фальсификации истории и разных смыслах. Если мы не сможем договориться, то через некоторое время пример Сороса или ещё кого-то будет принят за точку отсчёта.

Оганесян А.Г.: Вопрос к Владиславу Александровичу о Крыме – поподробнее о влиянии турецкого фактора, если он здесь есть. Были публикации о том, что они вкладывают немалые деньги в приобретение СМИ, инфраструктур, услуг. Но действуют не напрямую, а через крымских татар. Три четыре года назад

была такая волна. Что сейчас с турецким фактором в Крыму?

Гулевич В.А.: Как правило, турки стараются опекают интеллектуалов из крымско-татарской среды, обеспечивать им обучение в Турции, помогать крымско-татарским активистам, в том числе, их семьям финансовыми средствами, учреждают турецкие лицеи и колледжи на турецкие деньги, возят студентов к себе. Турция предпочитает проникать в Крым либо через экономику, либо через гуманитарную сферу.

Трахимёнок С.А.: Следующий выступающий - Зеленковский Игорь Фёдорович, главный редактор интернет издания Западная Русь. Тема доклада - «Современный западный русизм как подлинная идея».

Зеленковский Игорь Фёдорович

главный редактор интернет-издания «Западная Русь»

<http://zapadrus.su> (г. Минск):

Мой доклад посвящён западнорусизму. Он о том, как современный западнорусизм может помочь процессу интеграции России, Белоруссии и Украины.

Меня как руководителя белорусского научно-просветительского проекта «Западная Русь» организаторы этой конференции пригласили выступить с докладом по современному западнорусизму как возможному подходу в решении вопроса построения новых союзных

отношений между Россией, Белоруссией и Украиной. Поэтому для начала я кратко напомню о том, что такое западнорусизм, немного расскажу о самом проекте.

После татаро-монгольского нашествия Древняя Русь была разделена на долгие столетия, ее восточная часть с центром во Владимиро-Суздальской земле, а потом в Московском княжестве оказалась под властью Золотой Орды, а западная часть - современная территория Украины и Белоруссии была захвачена литовскими и польскими магнатами. Термины Восточная и Западная Русь - это довольно поздние и чисто академические, которые появились в 19-м веке. На самом деле все всегда называли эти земли Русью, население русским, а политически делили на Московскую Русь и Великое Княжество Литовское или просто Литва. Позже появились названия историко-географических областей: Великая, Малая и Белая Русь, так же как были и Красная Русь, и Черная, и Угорская, и Холмская Русь, и Забужская Русь. Само же население вплоть до начала 20-го века называло себя русскими (были православным или греко-католиками), и у всех в основе культуры была память об общем происхождении от Киевской Руси, что отражено в песнях и былинах, и церковно-славянский язык в богослужении.

Длительная власть Литвы и Польши над теперешними украинскими и белорусскими землями наложили определённый отпечаток на население, когда на протяжении веков русские были угнетены, православие преследовалось и проводилась колонизация, а главное эти территории были оторваны от Восточной части Руси.

Все время население Западной Руси вело борьбу за свое русское имя, отцовскую веру и язык. Периодически эта борьба выливалась в восстания и даже на небольшое время, дважды в 15 и 18 веках, образовывались государства, которые назывались Великое Княжество Русское. Русские цари всегда по праву считали земли Западной Руси своей вотчиной и в своем титуле указывали самодержец Великой, Малой и Белой Руси. И поэтому Русское

Царство периодически воевало с Речью Посполитой, стремясь освободить ее население от чужеземной власти иноверцев. Казацкие войны, результатом которых стала Переяславская Рада - тоже один из эпизодов этой длительной освободительной войны. После раздела Речи Посполитой большая часть Западной Руси – Белая и Малая Русь вошли в состав Российской империи. Во все времена опорой русского сопротивления окатоличиванию и полонизации на Западной Руси была церковь и западнорусские просветители. Как только появилась возможность, после вхождения в состав России, начался процесс разрыва унии, и возвращения образования на русском языке. Сейчас в Белоруссии и на Украине многие историки, особенно из националистического лагеря утверждают, что это была насильственная русификация белорусов и украинцев русскими властями. Это не так, во-первых, белорусов и украинцев не было и в помине, поскольку они себя считали людьми русскими и веры русской. Инициатива шла от самого населения Белоруссии и Украины и его образованной части, в основном вышедшей из среды священников.

В 19-м веке появилась целая плеяда западнорусских просветителей - выходцев как их Малороссии, так и Белой Руси. Это Митрополит Могилевский Георгий Конисский, родившийся в семье малорусских казаков, Митрополит Литовский Иосиф Семашко, также выходец из Малороссии и подготовивший разрыв церковной унии, выдающийся историк Михаил Коялович, заложивший основы классического учения западнорусизма, филолог Евфимий Карский написавший фундаментальный труд «Белорусь», и многие другие. Наибольшее развитие деятельность западнорусистов получило на белорусских землях, благодаря помощи выдающихся российских политических деятелей графа Муравьева и Столыпина. Но западнорусизм имеет прямое отношение и к Малороссии – Украине, и если бы Киевским генерал-губернатором была личность, подобная Муравьеву, то возможно не появилось бы украинство. Что касается Столы-

пина, то именно он, когда был Гродненским губернатором, помог с финансированием газеты «Северо-Западная жизнь», которую издавал Иван Солоневич и его сын, который потом написал известную книгу «Народная монархия». Результатом деятельности западнорусистов стало то, что процесс полонизации окатоличивания был приостановлен, и народ Белой Руси вернул свое русское начало и веру отцов.

Население Белоруссии было одним из самых верных подданных империи. При выборах в Думу наибольшее количество голосов монархисты получали именно в белорусских губерниях. Если кратко, то основой взглядов западнорусистов было то, что белорусы и малороссы являются самобытной частью единого русского народа. Вся история русских Белой Руси и Малороссии есть борьба за свое русское имя и православную веру. Язык, на котором говорили белорусы и малороссы, западнорусисты считали наречием русского языка, таким же как, например, другие русские наречия в Поволжье или под Архангельском. То, что в Белоруссии говорят на белорусском наречии русского языка, доказал Евфимий Карский, и это так и не смог никто до сих пор опровергнуть. Этот не удобный факт, который сейчас стараются умалчивать. Так же западнорусисты никогда не занимались русификацией, как в этом их постоянно обвиняют белорусские националисты. Считая, что необходимо изучать русский литературный язык как язык высокой культуры и науки, и который является общим достоянием всех трех русских племен, западнорусисты также составляли учебники для младших классов белорусского наречия. Западнорусисты считали, что белорусское наречие нельзя утратить, и что оно, как и прочие русские говоры, только украсит общерусскую культуру. Таким образом, западнорусизм есть учение, на которое значительное влияние оказало славянофильство.

Западнорусисты считали, что высокая Русская культура и православие есть основа государственности трех ветвей русского народа, и что только в лоне Российской Империи может

свободно развиваться культура белорусов и малороссов. Это утверждение западнорусисты также доказали на деле, вернув белорусов из польско-католического гнета и заложив основы их русского возрождения.

После революции судьба всех западнорусистов сложилась трагически. Все они были репрессированы, поскольку их деятельность мешала большевикам разделять русский народ на отдельные нации: собственно русских белорусов и украинцев. Результат этого разделения мы видим сегодня, когда три ветви русского этноса разделены государственными границами. Но и сегодня мы, современные западнорусисты, считаем, что опыт и богатейшее наследие западнорусизма можно использовать в деле воссоединения России, Белоруссии и Украины.

Несмотря на преследования западнорусизма в советское время, учение не исчезало никогда. В Белоруссии его продолжали развивать такие историки, как профессор БГУ Игорь Оржеховский, умерший в 2005 году, и профессор истории Могилевского университета Яков Трещенок, умерший в августе этого года. Именно Яков Трещенок преподавал историю Александру Лукашенко. И президент Белоруссии всегда очень тепло отзывался о своем учителе. Возможно благодаря Якову Трещенку в Белоруссии два государственных языка, и, возможно, в память о своем учителе, Александр Лукашенко вчера опубликовал в «Известиях» ответную статью Путину о необходимости построения Евразийского союза, написанную в духе западнорусизма. Но надо констатировать, что сегодня учение западнорусизма в Белоруссии стало терять свои позиции. Учёные старшего поколения сохранили его традиции, но всё-таки наложили на него отпечаток советизма. Многие позиции этого «советизированного» западнорусизма легли в основу идеологии белорусского государства. Успехи развития Белоруссии в конце 90-х и начале 2000-х во многом благодаря этим основам западнорусизма. Но надо признать, что потом эта идеология стала проигрывать националистам. И это объективно. Необходимо было из-

бавиться от советизма, поскольку марксизм чужд идеологии, основанной на православии, а также требуется дальнейшее современное осмысление классического западнорусизма.

Развитием современного западнорусизма и занялась группа историков, философов, политологов и экономистов, которые объединились вокруг проекта «Западная Русь». Притом, что основное ядро проекта находится в Белоруссии, но членами проекта также являются известные ученые и публицисты, проживающие и на Украине, и в России. Таким образом, наш проект можно считать общерусским. Проект имеет свой сайт «Западная Русь», также мы проводим круглые столы, небольшие конференции, на которых обмениваемся мнениями и координируем свою работу. Надо отметить, что наш проект абсолютно независимый, поскольку не имеет никакого финансирования и существует благодаря энтузиазму его членов.

Далее по теме конференции о видении возможных путей интеграции с точки зрения современного западнорусизма.

В чем ценность Русской цивилизации для постсоветского пространства?

Сейчас все более очевидным становится то, что наступает переломный период нашей постсоветской истории, которую иногда называют Великой смутой.

Двадцать лет минуло после «цивилизованного развода» бывших советских республик.

История этого «развода» немного напоминает случай, когда супруги развелись, но разъехаться не могут. Продолжают жить в одной квартире и постепенно начинают осознавать, что разрыв был поспешным, что можно и нужно найти путь к восстановлению отношений, и этому способствуют добрые воспоминания о прожитых вместе годах. Для большинства постсоветских государств такой общей «жилплощадью» является единое геополитическое пространство от Карпат до Тихого океана, а «добрые воспоминания» - это ценности Русской цивилизации, давно ставшие общим достоянием всех народов стран СНГ.

Однако при установлении новых союзных отношений остро стоит вопрос о суверенитете государств и объеме полномочий, которые будут переданы наднациональным органам управления в союзных образованиях. Правда, этот вопрос больше волнует не сами народы, а их новые национальные элиты, боящиеся потерять полноту власти. Но надо ли бояться потери элементов суверенности отдельными государствами, и надо ли вообще так ставить вопрос? Может в процессе интеграции государств СНГ, а вернее восстановления естественных связей, эта суверенность даже усилится? Если строительство союзных отношений будет основано на данности общего геополитического и экономического пространства, а главное - на ценностях Русской цивилизации, общих для всех постсоветских государств, то, как не парадоксально, суверенность отдельных государств в таком Союзе будет только укрепляться.

Если учитывать, что мировым консорциумом спекулятивного финансового капитала, который после развала Советского Союза запустил проект глобализации, в случае успеха которого все народы будут унифицированы под определенные стандарты, а государства, как английская королева, будут нести только представительские функции, когда общественные отношения перестанут регулироваться законом, а все будет определять группа транснациональных корпораций (или как говорят, кластеров), и этот порядок вещей будет поддерживаться частными корпоративными армиями, на которых не распространяются международное право ведения войн, то всем государствам гарантирована утеря суверенитета, а нации и народы постепенно растворятся в человеческой биомассе. Само существование человека как личности станет под вопросом, наступит время, описанное в пророчествах. Этому, уже запущенному проекту, сейчас не может противостоять ни одно государство. США и ЕС уже являются частью этого проекта, и существуют только как инструмент глобализации, на территории которых размещены штаб-квартиры

транснациональных корпораций.

Для России, Белоруссии и Украины в перспективе грозит утеря последних атрибутов суверенности, полная де-индустриализация и депопуляция. А сфера услуг как производственный фактор постиндустриальной экономики, про которую нам толкуют теоретики либеральной экономики, для нас сузится до рамок обслуживания источников сырья. Политический класс и элиты наших стран не смогут вписаться в процесс глобализации и найти себе тёплое местечко. Все места заняты. Уже сейчас многими крупными российскими компаниями управляют западные менеджеры. На базе российских или белорусских компаний не будет создано ни одной транснациональной компании – им этого не позволят. Так что когда национальные элиты опасаются потерять часть своей власти и капитала в процессе интеграции, они должны знать, что в любом ином случае они гарантированно потеряют все. А потеряв голову, о волосах не плачут.

Россия, Украина и Белоруссия смогут сохранить себя только при условии создания политико-экономического Союза, который как бывший СССР, будет самодостаточен в ресурсном, людском и технологическом потенциале, в котором можно воссоздать полный цикл производства всего спектра товаров потребления и внедрять собственные новые технологии.

Понимание того, что только крупное союзное образование может противостоять глобальной власти спекулятивного финансового капитала, никогда не покидало здравомыслящих политиков наших стран. Благодаря этому пониманию, путем проб и ошибок уже появились реально работающие модели нового экономического и политического союза. Это и Союзное государство России и Белоруссии, и Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, и недавно анонсированный Владимиром Путиным как один из пунктов его предвыборной программы - Евразийский Союз. Замечательно то, что эта программа построения новой интеграционной общности не вызвала реакции отторжения, у руководства

Белоруссии и Казахстана. Более того, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сам давно говорил о ЕврАзЭС, а президент Республики Беларусь Александр Лукашенко в своей ответной статье Владимиру Путину, опубликованной в Известиях 3.10.2011, подтвердил готовность Белоруссии двигаться по пути интеграции.

Пока в стороне стоит Украина, но это пока, хотя она объективно должна была бы одной из первых участвовать в интеграционных процессах. В данном случае играют больше субъективные и чисто политические факторы, а также наличие значительного населения на Западной Украине, много веков проживавшего под властью Австро-Венгрии и Польши, и потому с трудом вписывавшегося даже в украинскую государственность. Но всегда была и остается уверенность, что на Украине чаша весов склонится к пониманию необходимости интеграции в рамках Таможенного союза, ЕЭП и будущего Евразийского союза. За это говорит то, что, как бы ни хотелось некоторым политикам, они не в состоянии изменить границы цивилизаций, складывавшихся веками в определенном геополитическом пространстве. Сейчас все больше экспертов склоняются к мысли, что в установлении союзных отношений между государствами важную роль играют ментальные установки и культурная идентичность, которые определяют комплементарность между людьми. Эти субъективные факторы становятся объективными, если их рассматривать с позиции существующих цивилизаций. В этом ключе правомерно говорить о существовании особой Русской цивилизации, границы которой четко совпадают с Евразийским геополитическим пространством, протянувшимся от Карпат до Камчатки.

Народы, проживающие на этом огромном участке континента, могут мирно сосуществовать и процветать, только находясь в составе государственного образования в виде союза, конфедерации, федерации или империи.

Так было испокон веков - от скифских времен до ордынских. Всегда, после потери господ-

ства над этим пространством какого-то одного племени, наступало время хаоса, войн и переселений, пока не появлялся новый народ, силой покорявший эту стихию и устанавливающий свой порядок. Но только Россия умиротворила просторы Евразии и смогла дать народам приемлемую для всех форму общежития. Россия имеет уникальную историю мирного освоения континента, когда под ее сильную руку добровольно входили народы, чтобы иметь защиту от агрессивных соседей. Наступление России диктовалось только из соображений обороны с целью закрепления границ по естественным географическим рубежам. Стремясь к этим рубежам, русские освоили громадную территорию и установили законы мирного сосуществования населяющих ее народов. Сложилась уникальная цивилизация, имеющая в своей основе русскую культуру и православие, и которая была всегда открыта для представителей всех народов России. Благодаря своей открытости русский язык и культура стали в один ряд с величайшими культурами и богатейшими языками человечества. От достижений Русской цивилизации вряд ли смогут отказаться народы, ранее входившие в Российскую империю и Советский Союз. Иначе они рискуют оказаться на пути регресса, поскольку их собственная культура и язык получили развитие при заботливой поддержке русской культуры. Таким образом, к Русской цивилизации причастны не только русские, белорусы и украинцы, а и все народы Евразии. Таким образом, у государств СНГ есть мощный интегрирующий фактор - общее геополитическое пространство и достижения общей для всех Русской цивилизации. Поэтому гуманитарный аспект при реализации интеграционных проектов должен быть не менее значимым, чем экономический. Это прекрасно понимают наши противники, и поэтому основной их удар нацеливается на русский язык и русскую культуру. Поэтому и американцы, и европейцы не жалеют сил на создание НПО в области гуманитарных программ.

Все в этом мире повторяется, и многому

можно научиться на собственном опыте, оглянувшись в прошлое. Русский мир переживает великую смуту, но сейчас наметился процесс выхода из нее.

И как с пришествием Романовых началось собирание русских земель, так и сейчас без собирания всех русских земель из смуты не выйдем. Основной задачей сейчас стоит вопрос объединения ядра Русской цивилизации – России, Украины и Белоруссии. Во времена Российской Империи после присоединения Белоруссии и Украины остро встал вопрос культурного и духовного объединения и противостояния полонизации, униатству и католицизму. Без решения этих задач населения Западной Руси было бы враждебным Империи. Эти задачи удалось решить благодаря движению западнорусизма. Русский мир сейчас тяжело болен украинством – центробежными процессами по разрыву русского этноса и враждебное противопоставление друг другу отдельных его частей. Свое украинство есть и в России, например, сибирство, и в Белоруссии в виде литвинства, свядомства и прочих форм белорусского национализма. Сегодня украинство и литвинство играют ту же роль, как и в 19 веке, - полонизация. Цель та же – отрыв украинцев и белорусов от русской цивилизации и, соответственно, формирование буферных лимитрофных государств. И сегодня уже современный западнорусизм может играть такую же роль, как и в 19 веке его предшественник в деле духовного и культурного, а, следовательно, ментального единения украинцев и белорусов с Русским миром. Практически это видно на том положительном отклике, который имеют публикации на сайте «Западная Русь».

Сейчас в Белоруссии в условиях общественно-политического и экономического кризиса есть все предпосылки для формирования новой государственной идеологии на базе современного западнорусизма. Основные тезисы:

- Белорусы - самобытная часть большого русского этноса. Было много фальсификаций, что белорусы - не славяне, а смесь из балтов и славян, и не имеют ничего общего с русскими.

Последние исследования генотипа доказали, что у белорусов и русских одинаковый генотип. Археологи доказали, что русские заселили белорусские земли, будучи уже единым народом на всей территории Руси. Племена балтов и финно-угров находились на более низкой стадии развития и потому были немногочисленны и утонули в массе русских поселенцев без следа. Так никто и не смог опровергнуть утверждение Карского, что белорусы говорят на белорусском наречии русского языка. Современный белорусский литературный язык во многом искусственный, и сельское население, которое ещё говорит на белорусском наречии, не принимает его как свой язык, и предпочитает переходить на русский литературный язык. Это полностью подтвердила последняя перепись, зафиксировавшая значительное сокращение белорусов, употребляющих белорусский язык. Минск, в котором проживает почти четверть населения, полностью русскоязычный, за исключением горстки творческой интеллигенции.

- При реальном двуязычии может развиваться и белорусский язык, и культура. Западнорусисты считают, что в результате попыток грубой белорусизации в 20-х – 30-х годах и в 90-х годах 20 века было уничтожено живое белорусское наречие. Ответственность за почти полное исчезновение разговорной белорусской речи лежит на большевиках и на националистах. Если освободить белорусский язык от чуждых полонизмов, то еще возможно его возрождение как разговорного наречия белорусов.

- Белоруссию необходимо строить как одно из русских государств. По мнению западнорусистов, Белоруссию необходимо строить как русское государство, которое, сохраняя свою суверенность, будет естественным образом интегрироваться с двумя другими русскими государствами - Украиной и Российской Федерацией. Если будет понимание общности судьбы Русского мира, то экономические связи естественным образом укрепятся, появится общая валюта, сформируются общие транс-

граничные промышленные холдинги. И все это не станет считаться ущемлением суверенитета или распродажей национальной собственности чужакам. Это даст базу для модернизации и успешной конкуренции с остальным миром.

- Только в лоне Русской цивилизации возможен подлинный суверенитет Белоруссии.

С.А.Трахимёнок: Слово докладчику Резинкиной Ирине Викторовне - директору информационного агентства «Правда». Тема доклада: «Возможные сценарии будущего Украины в условиях цивилизационных вызовов в союзе с Россией и Белоруссией и вне союза с этими странами».

Резинкина Ирина Викторовна

**директор информационного
агентства «Правда» (г. Киев):**

Украина из трех государств – Россия, Беларусь, Украина – наиболее уязвима в части целеполагания (смысла) существования государства, из-за чего за 20 лет независимости не случилось ни одного созидательного порыва и, тем более, прорыва, а демографические показатели плачевны: минус 6 миллионов физические потери (9 миллионов родившихся и 15 миллионов умерших) и 6,5 миллионов разбежавшихся из страны (официальная, государственная статистика – 1,2

миллиона, 5 миллионов – данные Всемирного банка, 6,5 – данные ООН). Но, несмотря на это, Украина остается крупнейшей страной, обладающей большой территорией, большим сельскохозяйственным потенциалом, природными ресурсами, выходом к Черному морю, развитой инфраструктурой, в этом смысле – в смысле потенциала – страна претендует на субъектность.

Главный вызов, который стоит перед Украиной, и который будет определять ее будущее как государства – вызов выбора (не выборов, а выбора!). Так или иначе, а Украина будет вынуждена выбирать, к какому берегу пристать, на что согласиться в обмен на возможность существовать в сегодняшнем формате – формате государства, за 20 лет построившего тоталитарный капитализм латиноамериканского образца. На собственный проект Украина уже претендовать в рамках существующей модели общественно-политического устройства не может. Для собственного проекта нет ни ресурсов (ресурсы УССР проедены), ни кадров, способных осилить задачи государственного масштаба. Для собственного проекта не существует плана задач (а только для того, чтобы такой план создать, нужна напряженная работа в течение многих месяцев, а то и года), ни партнеров в мире, готовых поддержать такой проект.

Вызов выбора, остро стоящий перед Украиной, не сумевшей за годы независимости создать собственный проект, это, так или иначе, вызов раскола вследствие внешних или внутренних потрясений. «Врожденная» предпосылка – цивилизационный разлом, о котором говорил Сэмюэль Хантингтон в «Столкновении цивилизаций»: в случае Украины - это разлом между русской и западной цивилизациями. Украина, обладая в 1991 году прекрасными стартовыми условиями – наличие 4-й экономики в Европе и высокоразвитой инфраструктуры, наукоемкой промышленности, мощных вооруженных сил и ядерных технологий, а также чрезвычайной распространенности русского языка при достаточных

условиях для культурного и языкового развития украинцев, -вместо созидательного порыва получила полную зависимость от иностранных кредитов и фрагментацию общества, определяемую маркерами «свой-чужой» для основных групп населения:

Маркер 1. Вектор внешней политики – Европейский Союз или союзнические отношения с Российской Федерацией.

Маркер 2. Отношение к членству Украины в НАТО (и, соответственно, к пребыванию ЧФ РФ в Севастополе).

Маркер 3. Отношение к статусу русского языка.

При этом украинские СМИ, как правило, транслируют только ту «картинку» чаяний украинцев, которая соответствует видению настоящего и будущего Украины в рамках западного проекта. Истинная же картина, которая разительно отличается от сценариев вовлечения Украины в западный проект, игнорируется либо значительно искажается. В результате искусственно поддерживается точка зрения о том, что выбор украинцев – это союз с Европой, но не с Россией. Хотя на самом деле, по данным исследований Института социологии НАН Украины, к идее союзнических отношений с Россией и Белоруссией позитивно относятся (данные 2010 года) 61,4% респондентов, негативно – 22,1%. В то же время сторонниками вступления Украины в НАТО являются только 15,7% (в 2000 году – 24,9%), противниками 53,3% (в 2000 году – 33,5%). Причем, конфликт между геополитическими симпатиями украинцев лежит не в плоскости «Восток-Запад», как принято думать, а в плоскости «Большая Украина – Запад» или, иным языком, «Большая Украина – Большая Галичина». Если на Большой Украине западный проект в большей или меньшей степени неприемлем, то Большая Галичина отдает предпочтение именно ему. Если галичане негативно настроены к союзу с Россией (53,9% - против, 20,2 – за, 25,9 – затруднились с ответом), то в центре (исключая Киев), на юге и востоке большинство граждан

Украины выступают за такой союз. Центр (23,9 – против, 55,2 – за, 20,9 – затруднились с ответом), юг (10,4/77,9/11,7), восток (7,1/85,1/7,8), однако точка зрения Большой Украины не доминирует в СМИ, напротив, доминирует точка зрения Большой Галичины. Дискриминация большинства, представленного Большой Украиной, усугубляется еще и тем, что Киев имеет по вопросу выбора украинцев «особое мнение», как бы уравнивающее позиции: 39% жителей Киева относятся к союзническим форматам с РФ скорее негативно, 37 – скорее позитивно, 24 затрудняются в выборе вектора. В результате общество получает абсолютно кривую картину реальности: мнение меньшинства выдается за мнение большинства, мнение же большинства игнорируется или подается как маргинальное, присущее узкой группе людей, территориально проживающих где-то в Донбассе или в Севастополе.

То же самое происходит и с русским языком, вопрос которого играет роль разменной политической монеты, но не решается для населения в соответствии с реальным выбором большинства людей. Институт Гэллапа, исследовавший распространенность русского языка в постсоветских государствах в 2008 году, приводит данные, указывающие на высочайшую распространенность русского языка на Украине – 83%. В то же время Украина остается страной, где столь высокие показатели не подтверждены официальным статусом – русский язык не является государственным, не преподается наравне с украинским (или – вообще не преподается), число русских школ уменьшается из года в год. В то же время по данным исследований Института социологии НАН Украины 69,5% опрошенных граждан считают необходимостью обязательное изучение русского языка в общеобразовательных школах (стоит отметить, что в 2002 году так считали 75,8%). Однако мнение большинства и здесь искривляется СМИ, существующие же политические «элиты» не выражают волю большинства и, соответственно, не сле-

дуют этой воле.

В самом же обществе отсутствует общий сценарий будущего. То есть, даже будучи неудовлетворенными в целом социальной политикой правящей группировки, основная часть населения представляет разные полюса – прозападный и евразийский. Ни общество, ни элита не способны создать модель, которая позволяла бы в рамках одного государства мирно сосуществовать и развиваться группам населения, исповедующим разные ценности. В принципе такая модель возможна – при условии смены целей существования украинского государства, на практике же в Украине случился капитализм латиноамериканского образца, когда несколько десятков семей являются владельцами страны, им принадлежат экономика и финансы, парламент и государственные должности, все центральные СМИ. В таких условиях невозможна власть государственныхников, способных «перевести стрелки», перенаправить Украину на путь созидания, придать созидательный импульс, сменить цели. Все, что происходило и происходит за 20 лет независимости, – проедание наследия Украины Советской, под разными лозунгами. В то время как окружающие Украину страны проявляют все больше настойчивости, политической воли и стремления к новым завоеваниям (в экономическом, территориальном и геополитическом смыслах), вся жизнь украинского государства проходит в карнавале бесконечных выборов, где власть и оппозиция сменяют друг друга, но элита остается несменяемой. Вся энергия правящего класса уходит на передел оставшихся ресурсов и охрану их от посягательств от соратников по классу. Элита, не будучи обремененной задачами государственного масштаба, стремительно вырождается, поэтому она неспособна конкурировать ни с польской, ни с румынской, ни, тем более, с российской, турецкой, немецкой или французской элитами.

Поэтому Украина всегда проигрывает – хоть влияние в Крыму, где совершенно свободно себя чувствуют около десятка террористиче-

ских организаций, (случалось, их лидеров даже приглашают на ток-шоу на национальных телеканалах «Шустер-лаве!»), хоть румынскую экспансию (шельф отдали, паспортизация Буковины идет полным ходом, известны и не скрываются территориальные претензии Румынии к Украине – вернуть Буковину и Бессарабию, если получится – присоединить к Румынии Закарпатье).

На территории Украины проживает 190900 этнических румын (0,3%). Из них 92,7% считают румынский язык родным. Сама Румыния настаивает, что румын на Украине не менее 500 тысяч. Официальных данных о количестве выданных румынских паспортов не существует. В поддержку румынской диаспоры ежегодно выделяется Румынией и ее зарубежными партнерами порядка 700 млн долларов в год.

Правящий украинский класс неспособен не то, что адекватно отвечать, но и оценивать сегодня подобные вызовы.

Украина проигрывает и Польше, воспринимая себя как лидера восточной Европы после распада Варшавского договора и включающей Украину в орбиту собственных интересов. Польской элите необходим союзник («младшая сестра»), вместе с ней противостоящий в Европе мощному партнерству России и Германии. Польша категорически против самостоятельных российско-германских отношений «через голову ЕС» в сфере энергетической политики и проекта Договора о европейской безопасности. Польша четко ориентирована на США и продвижение НАТО в Европе. Россия в этом смысле – угроза для Польши. В 2010 году президент Польши Бронислав Коморовский подтвердил незыблемость основ внешнеполитического вектора Польши: Россия как угроза; содействие расширению НАТО в республики бывшего Советского Союза; поддержка планов США в Европе.

Включение Украины в орбиту польской политики происходит через многие «точки доступа», например: а) информационная сфера

– польские передачи и новости на национальных радиостанциях и телеканалах (разумеется, Западная Украина имеет возможность смотреть польские телеканалы, где даже погоду предсказывают гораздо точнее! Уровень польской журналистики не сравним с уровнем журналистики украинской, поэтому о настоящем уровне коррупции вокруг проектов Евро галичане читают в польских газетах!); б) образование – в Польше множество программ, позволяющих получить образование за те же деньги (или дешевле), что и в Украине; в) бизнес – простота «старта»; г) карта поляка, которую выдают не только тем украинцам, которые имеют этнические польские корни, но и тем, которые активно работают в общественных организациях на польские или американские гранты с тем, чтобы насаждать польское мировосприятие на Украине.

Польша не скрывает своего отношения к «младшей сестре». Чего стоит фильм Ежи Гофмана «Огнем и мечом», который бесконечно транслировался украинскими телеканалами. Чего стоит статья в «Виртуальной Полонии», во многих смыслах знаковая – «Поговорим об Украине откровенно». Польша считает, «для Путина и для российских властей в целом, да и вообще для каждого русского Украина в контексте Киевской Руси является ни чем иным, как колыбелью русской цивилизации», поэтому важнейшее завоевание Запада – отторжение Украины от России. «Сам факт проживания на территории Украины 10 миллионов русских и 32 миллионов людей, использующих русский в своем повседневном общении», представляет собой серьезную угрозу Украине». Доминирование русского населения Польша считает главным вызовом и предлагает США способствовать разделению Украины на «украинскую Украину», которая, по мнению поляков, занимает территорию в 346 тысяч квадратных километров и «русскую Украину» с территорией 257 тысяч квадратных километров. Видение Польши – необходимо как можно быстрее избавиться от «русской обузы».

То же самое – разделение – предлагает Украине и из США та часть экспертов, которая не увлечена планами сохранения целостности страны путем полного подавления русского фактора. Так, в 2005 году профессор Итан Бергер писал: «Украинцы, которым небезразлично будущее страны, могут задуматься о перспективе разделения. Это трудно сделать, особенно решить, где проводить границу. Но альтернативы могут быть еще хуже, чем разделение, которое может привести к сильной нестабильности в стране. Украинцы, которые не хотят вновь подчиняться Москве, выиграют в том смысле, что у них появится возможность создать новое государство, которое будет больше соответствовать их предпочтениям. Реализовать такой проект можно путем референдума, проводимого под наблюдением ОБСЕ».

Но оказалось, вопрос «Где проводить границу?» не имеет простого ответа, поскольку вообще видят границы Украины иными, чем они существуют, а линия цивилизационного раскола между «Большой Украиной» и «Большой Галичиной» не устраивает Запад, поскольку раздел Украины на «украинскую» и «русскую» усиливает Россию, а в американском прочтении противоречит плану Збигнева Бжезинского оторвать Украину от России и тем самым воспрепятствовать возрождению империи. Вырождающаяся Украина, где народ доведен до полного отчаяния, а элита заточена под западный проект, Украина без России будет устраивать Запад до самого последнего своего дня и часа, пока остатки украинской государственности не рассыплются в прах.

Трахимёнок С.А.: Представляю следующего докладчика - Сергея Павловича Горбачёва, к.п.н., ведущий военный обозреватель по ведущим проблемам Черноморского флота, старший преподаватель кафедры журналистики Филиала МГУ в г. Севастополе и доклад: «Новейшая история ЧФ России: прецеденты и феномены. Историко-политический обзор».

Горбачёв Сергей Павлович

кандидат политических наук, ведущий военный обозреватель по проблемам ЧФ РФ (Украина):

Было бы нелогично, если бы на нашей конференции, проводимой в Крыму, на берегу Чёрного моря, мы бы в прямой постановке не затронули комплекс проблем Черноморского флота. Собственно, именно благодаря наличию здесь военного флота Россия смогла включить в состав Империи Крым, опираясь при этом, прежде всего, на военно-морскую компоненту созданной в Екатерининские времена системы обеспечения безопасности государства и отстаивания его интересов. В этом смысле и примечательной, и показательной является сама хронология событий тех лет: 19 апреля 1783 г. Государыней Екатериной подписан «Рескрипт о присоединении к Российской Империи Крыма и Тамани», 13 мая 1783 г. в Ахтиарскую (ныне Севастопольскую) бухту зашла эскадра кораблей, ставшего первым командующим ЧФ вице-адмирала Ф.А. Клокачёва, а 14 июня 1783 г. был заложен Севастополь - Святой город, или, как его чаще называют, город славы, ставший главной морской крепостью Юга России.

В этой связи, обратив ваше внимание на некоторые аспекты вчерашней дискуссии, хотел бы отметить: именно на юге российское дер-

жавное руководство искало выходы в мир, начав «рубить окно в Европу» много веков назад.

Как известно, истоки зарождения и развития флота и мореплавания на Руси неразрывно связаны именно с Чёрным морем, которое в древности называлось Русским. Наиболее глубокие корни русское мореплавание имело на юге. Отсюда же в течение длительного времени исходили главные угрозы. В этой связи, начиная с XVII века, Россия ведёт здесь целый ряд кровопролитных войн, в результате побед прирастая территориями, повышая свой статус и способность эффективно решать комплекс масштабных геополитических задач. Говоря об этом, надо отметить: главным театром Восточной (Крымской) войны по своим целям, участвующим силам, театрам, последствиям, ставшей, по сути, Первой мировой войной, были Крым, Кавказ и Придунавье. Именно с Турцией Россия больше и чаще всего воевала как на суше, так и на море. Если же боевых действий не велось, то всегда учитывались потенциальные угрозы, исходившие с южного направления, со стороны Турции, как, например, в Великую Отечественную войну или в эпоху «холодной войны». Достаточно сказать, что одним из поводов Карибского кризиса (1962 г.) стало размещение на территории Турции американских ракет типа «Луна», направленных на южные районы СССР.

Более того, метаморфозы и трансформации последних двух с половиной десятилетий свидетельствуют о том, что бассейн Чёрного моря и прилегающие к нему территории на рубеже веков превратились в одну из самых конфликтных зон. При этом стоит подчеркнуть: очаги некоторых конфликтов расположены в пределах границ СССР (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, бывшие северокавказские автономии, Крым, Приднестровье). Рядом - Балканы, Курдистан, Ближний Восток, где, собственно, и варится сегодня кухня мировой политики. К слову, Россия, присутствуя на ней, всегда оперировала по-

средством сил Черноморского флота, с 1964 года на постоянной основе решавшего задачи в Средиземном море, которое вместе с Азово-Черноморским бассейном составляло операционную зону флота. Особо подчеркнут для тех, кто не знает или заблуждается: наш флот, безраздельно доминировавший в Черном море, был предназначен для действий за Черноморскими проливами. В этой связи следует отметить: степень использования сил ЧФ по сравнению с другими флотами СССР была самой высокой, что, в том числе, было обусловлено периодическим обострением военно-политической обстановки в Восточном Средиземноморье в связи с активизацией арабо-израильского противостояния. Это и 67-й, и 73-й, и 82-й годы, Кипрский кризис 74-го, а также рецидивы «дипломатии канонерок», проводимой 6-м флотом США в отношении той же Ливии в 80-е годы. Наличие постоянно развернутой советской Средиземноморской эскадры, костяк которой составляли силы ЧФ, в значительной мере позволяло сдерживать силу и гасить конфликты, а нашей стране быть полноправным игроком на этой площадке.

Коренным образом ситуация изменилась двадцать лет назад, после событий «августа-91», юбилей которых негромко был отмечен в России, впрочем, как и на Украине. В сущности, именно с тех событий ведет свое начало новейшая история Черноморского флота.

Напомню: уже 24 августа 1991 года с провозглашением Акта о независимости Украины ее Верховный Совет принял постановление «О воинских формированиях на Украине», в соответствии с которым ставшее независимым Украинское государство, правда, пока формально брало под свою юрисдикцию все объединения и части Советских Вооруженных Сил, находившиеся на ее территории. Реализация этого решения заняла некоторое время, но уже 6 декабря 1991 г. украинский парламент принял пакет документов по военным вопросам, впоследствии было объявлено, что это - день рождения ВС Украины (приняты За-

коны «О Вооруженных Силах» и «Об обороне»). Киев перешел к практической реализации продекларированного им.

Процесс этот шел неоднозначно, противоречиво, что было вполне естественным, т.к. именно на украинской территории располагалась самая мощная (после нашей группы войск в европейских странах) группировка. (О том, как это было, в частности, рассказано адмиралом И.В. Касатоновым в розданном участникам нашей конференции специальном выпуске журнала «Международная жизнь» - «История без купюр»).

Основой военного строительства на Украине также стали заявления ее руководства о безъядерном статусе и внеблоковости государства. В этой связи сразу же возник комплекс проблем, к разрешению которых 30 декабря приступили главы государств Содружества, подписав соглашение по стратегическим силам и о вооруженных силах и пограничных войсках. При этом Черноморский флот был отнесен к стратегическим силам, решающим задачи в интересах всего СНГ. Однако в этот же день президент Л.М. Кравчук заявил о реализации права Украины на создание собственной армии с 3 января 1992 года. Это заявление подвело итог уже проделанного в течение четырех месяцев пути, продемонстрировавшего как наличие особой позиции Украины по военным вопросам, так и стремление Киева к быстрому дезавуированию или постепенной ревизии ранее достигнутых договоренностей. Такая практика в последующем, как правило, носила деструктивный характер, что со всей очевидностью продемонстрировал растянувшийся на годы процесс разрешения судьбы Черноморского флота бывшего СССР и определения его нового статуса, для краткости его называли флоторазделом. При этом в основу своей деятельности Киев положил традиционные, проверенные столетиями принципы. Основные из них: «Не зым, так надкусю», «Ласкаво телятко двух маток сосет» и «Трех «Х» - «хуторянство, холопство и халужничество». Приверженность этим принци-

пам проявилась с первых же дней «незалежности», была апробирована и используется сегодня на всех властных и иных уровнях - и по «вертикали», и по «горизонтали». Черноморский флот результаты практического применения идеологии и механизмов «надкусывания», «трех «Х» и «ласкавого телятки» ощутил практически первым.

Парадокс, но факт: когда в Киеве и Москве в 1991-1992 годах делили властные кресла и, как говорится, в одном контексте с этим расписывали по карманам и банковским ячейкам «распиленное» наследство почившего в Бозе СССР, моряки-черноморцы смогли для России сохранить свой флот, основные силы которого оказались на территории, находящейся под юрисдикцией Украинского государства. Именно моряки обеспечили его пребывание и функционирование в своих исторических, созданных ими же базах, в одночасье оказавшись за рубежом. При этом было создано не только несколько уникальных прецедентов, но и проявлены настоящие феномены, повторить которые уже никому не возможно.

Прежде всего, говоря об этом, необходимо отметить: события на южном флоте страны стали, по сути, первым межгосударственным конфликтом обретших независимость держав. (Я не говорю в данном случае о конфликтах, своими корнями уходящих в последние годы истории СССР). Черноморский флот, происходившее в Севастополе стали лакмусовой бумажкой состояния и вектора зародившихся и проходивших свое становление российско-украинских отношений. И даже сегодня, спустя 20 лет, о какой бы проблеме, существующей между Киевом и Москвой, ни говорилось, всегда вспоминается околофлотская проблематика, в т.ч. «временная» дислокация Российского ЧФ на украинской территории, даже устраиваются провокации, типа попыток захвата «Студенческим братством» черноморских маяков. Российско-украинские отношения и сегодня выстраиваются с обязательным учетом именно флотского фактора.

Второе. Черноморцы явили миру прецедент: многотысячный военно-морской организм (военнослужащие и гражданский персонал - порядка двухсот тысяч человек), оперативно-стратегическое объединение, обладающее ядерным оружием, жизненные органы которого расположились на огромной территории от Измаила до Батуми, от сирийского Тартуса до Киева, отказался подчиняться распоряжениям новой политической элиты, в миг прозревшей от ранения осколками национального самосознания. В этом смысле напрашиваются определённые исторические параллели: именно военные моряки шли в авангарде революционных событий в 1905 году (вспомним восстание на «Потемкине», крейсер «Очаков», лейтенанта П.П. Шмидта). Также вспомним 1917-й год. Моряки также участвовали в разгоне Учредительного собрания в январе 1918 года (тогда матрос Железняк заявил: «Караул устал...»), а также вспомним март 1921 года - Кронштадтский мятеж, изменивший конфигурацию экономики введением НЭПа.

Третий прецедентный момент. Черноморский флот в течение нескольких месяцев (с декабря 1991 г. до августа 1992 г., т.е. до официального начала т.н. переходного периода), не поднимая мятежных флагов, на деле никому не подчинялся. При этом моряки, стремясь сохранить единство флота, надеялись на принятие руководством Российской Федерации, ставшей правопреемницей Советского Союза, конкретных и эффективных решений, соответствующих их чаяниям. Скорее на основе интуиции (хотя она базировалась на знании истории, опыте флотской службы и здравом смысле) они прекрасно понимали: раздел флота в любом его виде может привести лишь к одному - его гибели. В конце концов, к очереди на понимание роли и значения Черноморского флота для России дошло и руководство страны, наконец, решившись на принятие принципиальных решений в апреле 1992 г. и в дальнейшем - Ялтинских соглашений от 3 августа 1992 г.

Четвёртое. С 5 по 20 января 1992 г. практически безропотно, без явных протестов в трех военных округах - Киевском, Одесском и Прикарпатском, а также в других военных формированиях, личный состав был приведен к новой военной присяге. Черноморцы отказались это делать. Флот удалось сохранить единым, в воинских и трудовых коллективах не произошло раскола по национальному признаку. При этом в течение почти шести лет флот решал свойственные ему задачи под символикой несуществующего государства. Боевые корабли и вспомогательные суда выходили, в том числе, и за пределы Черного моря под Военно-морским флагом СССР (до 12 июня 1997 г.).

Ещё один важный момент. В условиях декларируемой департизации и деидеологизации как в Вооруженных Силах, так и в целом в стране, флот проявил себя мощной политической силой. При этом мы вправе говорить о «феномене адмирала Касатонова» - «первого лица» в процессе разрешения флотской судьбы, своими действиями опровергнутого популярный в начале 90-х лозунг «Армия - вне политики». Занимая должность командующего флотом в начале флотораздела, по сути, на пике российско-украинского противостояния, он проявил себя как масштабная личность, настоящий лидер, поддержанный массами. Причём, не только моряками-черноморцами, но и северокавказцами и крымчанами, своё прошлое, настоящее и будущее связывающими с Россией. И таких - большинство. Он проявил себя и как дипломат, и как флотоводец, и как успешный администратор. Вполне закономерно: его фамилия в тот период находилась в верхних строчках рейтингов самых влиятельных политических деятелей страны. При этом мы можем назвать фамилии военачальников, также проявивших себя в 90-е годы на политическом поприще: Лебедь, Рохлин, Макашов, впоследствии - Трошев и др. Но адмирал И.В. Касатонов выделяется из их ряда тем, что, в отличие от них, достиг конкретного результата - благодаря ему

для России сохранен Черноморский флот. Подчеркнем: он - единственный, кто реализовал свой замысел в полном объеме.

Дальновидные, обоснованные и просчитанные действия (зачастую, правда, присутствовал и элемент случайности) обеспечили защиту интересов России, всего Содружества (и объективно - Украины) в регионе Причерноморья, на Юго-Западном стратегическом направлении. Морская составляющая оборонной системы страны сохранена.

Следует также особо отметить: именно Черноморский флот стал гарантом стабильности в бассейне Черного моря, минимизировав региональные конфликты (Грузия, Абхазия) и не допустив превращения Крыма, находящегося в центре «коромысла» «Дуги нестабильности» (Синьцзян-Памир-Центральная Азия-Каспий-Кавказ-Черное море-Балканы-Адриатика), в регион «горячего» конфликта.

Следующий момент, представляющийся принципиальным. Околофлотская проблематика и сегодня является фактором влияния на характер, темпы международной деятельности, внешнеполитических инициатив всех сил, так или иначе имеющих интересы в окончательно оформляющемся Каспийско-Черноморском геополитическом пространстве. Сегодня Черное море стало, как отмечалось, внутренним европейским морем, где каждая страна ЕС, включая далекую Португалию, имеет свои интересы. О своих жизненно важных интересах здесь еще в 1996 г. заявили США. И это вполне объяснимо. Черное море - важнейший узел энергопотоков и транспортных коридоров, перспективным является и его шельф. В этой связи трудно переоценить роль Черноморского Флота в обеспечении как безопасности в регионе, так и необходимого баланса сил после утраты нашей доминанты в Причерноморье, продолжающегося состояния замороженности российско-грузинских отношений, стремления к региональному лидерству Турции и Румынии, реализации замыслов по размещению американской ПРО у рубежей России, а также в связи с Олимпиа-

дой-2014.

Очевидно и неоспоримо: Черноморский флот, его присутствие в Крыму и Севастополе не только обеспечивает стабильность общественно-политической ситуации в Северном Причерноморье, но и в значительной степени определяет перспективы развития в разных областях Автономной Республики Крым и города - главной базы флота. Достаточно сказать, что более 17% бюджета Севастополя формируется за счет нахождения в нем ЧФ. Плюс к тому субвенции, которые перечисляются Киевом как компенсация городу за базирование флота, также прибавим вклад России в социально-экономическое развитие Севастополя. Образно говоря, ЧФ сегодня - самое успешное предприятие Севастополя, исправно выплачивающее налоги. Нельзя не учесть и то, что черноморцы - наиболее обеспеченная часть горожан. Естественно, свою зарплату они тратят в Севастополе и Крыму.

Завершая свое выступление, я хотел бы отметить: жизнь, к сожалению, дает почву для появления новых прецедентов и феноменов. Они обусловлены как существующими для России вызовами и угрозами, так и переформатированием архитектуры обеспечения безопасности в бассейне Черного моря и Причерноморье.

Что даёт основания говорить о новых прецедентах? Многие вещи представляются просто парадоксальными. К примеру, процесс флотораздела занял шесть лет (1991-1997 гг.), и это казалось длительным периодом. Но за последние 15 лет Москва и Киев, по сути, не смогли наладить действенного сотрудничества, в т.ч. в сфере безопасности и обороны, хотя регулярно проводятся переговоры и встречи на разных уровнях, делаются по этому поводу громкие заявления. В значительной мере причина этого - в отсутствии в течение длительного времени (прежде всего, у Кремля) чёткой, внятной и эффективной политики в отношении как Украины, так и соотечественников, проживающих на её территории. Вспомните: в конце «нулевых» годов дело

дошло до открытой конфронтации, как раз основанной на комплексе флотской проблематики. Киев не только говорил о невозможности продления базирования ЧФ на украинской территории после 2017 года, но и стал требовать досрочного вывода его сил. Угроза прихода НАТО непосредственно к нашим границам становилась реальностью. К сожалению, и после достижения Харьковских соглашений (апрель 2010 г.) во многом перспективы флота не прояснились. Киев изменил политическую риторику, напряжённость в отношениях спала, но перемен в жизни флота, ощутимо отразившихся как на его состоянии и составе, так и на благополучии черноморцев и членов их семей, не наступило. Причина: непонимание нынешним руководством России роли как Черноморского флота, так и ВМФ в целом. Положения Морской доктрины России (действует до 2020 года) уже давно устарели или не связаны с реалиями, а фундаментальных документов, касающихся состояния и перспектив развития ВМФ, нет. Документ, определявший основы военно-морской деятельности России, определял перспективы до 2010 года. Выполнен был он лишь частично. Нового перспективного документа нет. Нет и ясной программы военного кораблестроения. Такие программы в течение всех 90 лет XX века существовали. На сегодняшний день из 49 черноморских кораблей, составляющих боевое ядро Черноморского флота, лишь 4 не перешагнули нормативного срока эксплуатации. К сегодняшнему дню ЧФ утратил свою подводную составляющую - единственная подводная лодка «Алроса» находится на ремонте на Балтике. Прорекларированный приход новых кораблей на флот выглядит благим пожеланием с учётом срыва Гособоронзаказа для ВМФ и, соответственно, переносом сроков строительства надводных кораблей и подводных лодок. Техника и вооружение остальных родов сил флота, прежде всего авиации, также требует замены. Как неблагоприятное для флота оценивается экспертами переподчинение ЧФ

Южному военному округу. К сожалению, в данном случае проигнорирован особый статус Черноморского флота как единственного оперативно-стратегического объединения, находящегося и решающего задачи за рубежом России, на передовых рубежах оборонной системы государства, а также действующего в дальней морской и океанской зонах. Подход при обретении флотом «нового облика» был таким, как к внутренним военным округам. Увы, но и сегодня такое же отношение продолжает иметь место - флот по-прежнему неоправданно сокращают, его состав физически и морально стареет. Не лучше ситуация в молодых Военно-морских силах Украины.

Приходится также с сожалением отметить: после достижения Харьковских соглашений не оправдали себя ожидания в области развития интеграционных, кооперационных процессов России и Украины в военно-морской сфере, в кораблестроительной отрасли. Напомним: её украинский сегмент был ведущим в СССР. Именно на Украине построены основные крупнотоннажные боевые корабли Советского ВМФ. После некоторого оживления «зависло» решение судьбы недостроенного в Николаеве крейсера «Адмирал Лобов» - «Украина». Отсутствие позитивной динамики в отношениях привело Киев к реализации программы строительства «украинского корвета». Украинские кораблестроители-профессионалы, не имея работы на своих предприятиях, трудятся за границей, в т.ч. в Китае, создавая ему современный океанский военный флот.

Не оправдались ожидания и севастопольцев, значительная часть которых также была задействована в кораблестроительном и судоремонтном комплексе, чья жизнь связана, подчеркну, с Российским флотом.

Таким образом, анализ хода процессов, идущих на протяжении последних двадцати лет в связи с разделом Черноморского флота бывшего СССР и реализацией достигнутых в его ходе и продолжающих действовать российско-украинских соглашений, свидетельствует

об однозначной утрате Россией статуса военно-политической доминанты в бассейне Черного моря и регионе Причерноморья. Военно-морская деятельность Черноморского флота сегодня носит ограниченный характер, а в Средиземноморском сегменте зоны ответственности флота сведена до критического минимума. Лишь один пример: в конце 80-х годов, двадцать лет назад, через Черноморские проливы для решения военно-политических задач, демонстрации Военно-морского флага ежегодно проходило до 100 черноморских боевых кораблей и вспомогательных судов. В этом же году за 9 месяцев пределы Черного моря не покинул ни один (!) боевой надводный корабль ЧФ России.

Снижение уровня и потенциала военно-морской составляющей в геостратегическом (геополитическом и геоэкономическом) плане привело к изменению статуса России как Великой Морской Державы, в значительной мере утрачены 250-летние завоевания, достигнутые с Екатерининских времен.

К сожалению, в течение двадцати лет руководство Российской Федерации не смогло сформулировать и эффективно реализовать принципы государственной политики в отношении Украины, которая не стала союзником России. Партнерство и сотрудничество осуществляется в ограниченных масштабах. Курс Украины на евроатлантическую интеграцию, несмотря на снятие этого вопроса с публичных дебатов, сегодня оценивается как неизменный, а возможно, и неизбежный. Об этом свидетельствует уровень сотрудничества Киева с Брюсселем и Вашингтоном, в т.ч. в сфере международного военного сотрудничества, проведения совместных учений, подготовки военных кадров и т.д.

Непоследовательная и невнятная политика Москвы привела к отторжению от «большой» Родины миллионов соотечественников, свое прошлое, настоящее и будущее связывающих с Россией. Севастопольцы и крымчане утрачивают веру в её руководство.

Продолжающиеся негативные процессы

могут привести к полной утрате морской составляющей на Юго-Западном стратегическом направлении оборонной системы государства.

Говоря флотским языком, используя морскую терминологию, следует признать: нынешний курс Кремля не просто ведет к опасности, а уже привёл Черноморский флот, русские Севастополь и Крым к границе исторической катастрофы. Не видеть это - губительно. Не оценивать - преступно. Кроме Черноморского флота Российской Федерации, другой силы, способной отстоять интересы не только России, но и всего Содружества, в том числе и Украины, и Белоруссии в бассейне Черного моря нет.

И уж если говорить об интеграции, то лучших возможностей, чем обладает и предоставляет Черноморский флот, основные силы которого базируются на украинской территории, просто не существует. Реальная и действенная интеграция возможна и в обороне и безопасности, и в экономике, и в гуманитарной сфере. Дело - за проявлением политической воли.

Трахимёнок С.А.: Переходим к дискуссии.

Гаврилечко Ю.В.: Маленькое дополнение. Сегодня, по словам министра обороны РФ Анатолия Сердюкова, во время его визита в Киев были подготовлены два проекта дополнительных соглашений о базировании ЧФ в Крыму. Причём, речь идёт не о расширении флота, а о замене старых кораблей на новые.

Максименко В.И.: Можете сказать, что сейчас с российской военной базой в Тартусе?

Горбачёв С.П.: Советский Союз никогда не имел за пределами своей территории своих военно-морских баз. Он имел лишь пункты материально-технического обеспечения. Баз было немного: Свиноустье (Польша на границе с Германией); архипелаг Дохлак (Эфиопия) в Красном море; Камрань (Вьетнам), на Кубе в Лурдасе находился наш центр радиоэлектронной разведки. Больше военно-морской флот никаких объектов не имел. Единственно, я не упомянул пункт матери-

ально-технического обеспечения в Тартусе, который появился там после конфликта с Египтом. Он был выведен из пирса Мотруха, представляет из себя два плавпричала, небольшие постройки на берегу складского типа, которые обеспечивают деятельность наших кораблей, которые находятся в Средиземном море. Постоянно там находится или вспомогательное судно, или плавмастерская, или лекторное судно. Они находятся в ожидании прихода туда наших сил, чтобы обеспечить их какой-то небольшой ремонт. В советское время там находилось больше по количеству сил и средств, они решали ограниченные задачи: небольшой ремонт, обеспечить отдых моряков всеми видами довольствия. Значение ПМТО в Тартусе переоценить трудно: наличие и уход нас оттуда обеспечит перспективы и стабильность нынешнему режиму.

Оганесян А.Г.: Вопрос к Вам. Недавно было принято решение в Севастополе на одно из зданий ЧФ установить памятную доску адмиралу А.Колчаку. Возникли вокруг этого дебаты, которые меня очень удивили и говорят о том, что в руководстве ЧФ очень странные представления об истории, оно категорически выступило «против». Вдруг руководство настоужилось: «Как же, он был белый генерал!». Логика!? Черноморский флот и создавался генералами отнюдь не советского периода. Поясните, в чём дело?

Горбачёв С.П.: Здесь две стороны вопроса. Первая заключается в том, что фигура А.Колчака до сих пор воспринимается неоднозначно в среде севастопольского электората. Этот город в значительной мере привержен, в основном, лево-патриотическим идеям. Очень сильны позиции коммунистов и Союза советских офицеров, - это мощная организация; всё-таки из 380 тысяч населения 20 тысяч - это военные пенсионеры, как правило, это люди советского «покрытия». Они не приемлют подобных вещей.

Второй момент: фигура А.Колчака в значительной мере мифологизирована. Отдавая ему должное, в отношении оценки его личности

допущен явный перебор. За этой инициативой стояли совершенно конкретные люди, которые вошли в конфликт с руководством ЧФ. С приходом нового командующего контр-адмирала Федотенкова, эта инициатива может быть поддержана. Это человек, который очень любит историю, знает её. Думаю, если возникнет этот вопрос, он будет поддержан.

Оганесян А.Г.: Вопрос к И.Ф. Зеленскому: насколько идея западнорусизма может стать сегодня реальным политическим проектом. И есть ли живые носители этой идеологии, достаточно яркие, харизматичные, которые могли бы этот проект проводить в жизнь?

Зеленковский И.Ф.: Пожалуйста, выступавшие В.А.Гулевич, Гронский А.Д. Если взять список наших постоянных авторов, т.е. членов проекта, то среди 35 человек, живущих в Санкт-Петербурге, в Москве, на Украине, есть известные историки. За чуть больше года существования проекта, он стал общерусским. В Белоруссии – это молодой, но известный историк А.Д.Гронский, профессор Теплова, Бендин – авторитетнейший историк, Кирилл Шевченко, он занимается русинами, мы рассматриваем русинов тоже как Западную Русь. Сил достаточно мощных, в политическом классе у нас есть ряд авторов: у нас печатается зам. директора Информационно-аналитического центра при президенте Белоруссии Лев Криштопович. У нас идёт работа в рамках неформального объединения западнорусистов на сайте. Судя по посещаемости сайта, 450 среднесуточное посещение, есть странички в Контакте, Facebook.

Оганесян А.Г.: Вопрос Сергею Александровичу: насколько этот проект жизнеспособен?

Трахимёнок С.А.: Не могу сказать, насколько он жизнеспособен. В этом есть определённый фокус потребностей и социальных, и научных. Несмотря на то, что мы одинаково интеграционно ориентированы, Вы не понимаете, что и на Украине «по-русски кажутся», и в Белоруссии существует стойкая националистическая прослойка учёных. Отвечая на Ваш вопрос, я удивился цифре 83% гово-

рящих по-русски. Для меня это было больно, поскольку я в Белоруссии живу 23 года, и очень внимательно отслеживал языковую ситуацию, когда шла борьба за язык. А с 1994 года у нас стало два государственных языка, но в 1992 году провели исследование ситуации, и результаты сразу исчезли. Но я их хорошо помню: там был некий комментарий – 56% по-русски, 30% говорит и так и сяк, а все остальные только по-белорусски. Но очень внимательно надо посмотреть на эти проценты, чтобы убедиться, что это и не русские, и не белорусы, есть прослойка польская, католическая, которая в большей степени существует в Западной Белоруссии. Но если разбираться, это те 86 %, которые говорят по-русски, из которых только 30% говорят ещё и по-белорусски. Вот вам корни этого проекта.

Резинкина И.В.: 92% распространённости русского языка в Белоруссии, но причём Институт ГЭЛОППа отмечал, что и Украина – единственная страна, где распространение русского языка не подтверждено статусом, то есть распространённость выше, чем официальный статус.

Оганесян А.Г.: Спасибо, у Вас был очень интересный доклад.

Резинкина И.В.: Мы можем получить в Украине слой людей, у которых будет самый широкий запрос на новую элиту. Дело в том, что правящая элита не даёт возможности сделать выбор и сформировать общественный запрос. А такие прорывы – организация площадок для дискуссий будут способствовать созданию такого запроса снизу, так сказать, из бизнес-среды, у которой потенциал очень высок по сравнению с другими категориями населения.

Оганесян А.Г.: Хочу предоставить слово, завершающее нашу конференцию, Владимиру Григорьевичу Соколенко – заместителю директора Департамента внешнеполитического планирования Министерства иностранных дел России.

Соколенко

Владимир Григорьевич

**заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования
Министерства иностранных дел России:**

Благодарю, Армен Гарникович, за эту ответственную, доверительную и почётную, и трудную миссию — подвести итог нашему двухдневному, в высшей степени интересному и плодотворному разговору. Постоянное общение с участниками конференции и в процессе работы, и в кулуарах позволяет мне констатировать, что наш двухдневный разговор состоялся, конференция получилась, прошла живо, заинтересованно, я бы сказал, с удовольствием всех участников этого разговора, особенно это было заметно во второй день работы, что даже выработало собственную энергетику. На этих внутренних аккумуляторах мы очень плодотворно провели второй день конференции и завершаем серьёзными констатациями, из которых будет извлечена практическая польза всеми участниками.

Здесь уместно сделать ещё одну констатацию, используя классическую схему, и это будет соответствовать реалиям, что наш разговор прошёл на хорошем цивилизационно-культурном, политическом и научном уровне. С учётом того, что все по-

дустали, позволю себе небольшое лирическое отступление сделать с учётом того, что главный предмет конференции и нашего разговора — это интеграционные процессы и участие в них трёх государств — всё-таки формируется на западном направлении. И проблема отношений с Западом остаётся центральной, фокусной в любом контексте — политическом, экономическом и гуманитарном, тем более мы все эти аспекты разобрали. И магистральным трендом этого угла остаётся проблема отношения Россия — Запад. Я хотел бы процитировать Николая Данилевского и одновременно бросить несколько капель бальзама на душу Владимира Ильича, который сделал нам с Арменом Гарниковичем замечание. Что мы не использовали творческое наследие этого великого деятеля и мыслителя, для того, чтобы отследить и посмотреть на историческую тенденцию эволюции этого состояния Россия — Запад. Итак, Н. Данилевский. Взгляните на карту, говорил мне один иностранец, разве мы не можем чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар. Отношение Германии, сейчас нашего ближайшего союзника в Европе: «Всё самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения и искоренения, и искоренение его составляет святейшую обязанность и истинную задачу цивилизации». Или вот иллюстрация того, в каком направлении и как работало «окно в Европу». «Несмотря на то, что Россия довольно послужила Европе, посылая свою армию не всегда за свои интересы, тем не менее в эпоху евроцентризма в международных отношениях в Старом Свете сформировалось такое отношение к России, что всякое преуспевание России, всякое развитие её внутренних сил и увеличение её благоденствия и могущества есть общественное бедствие и несчастье для всего человечества». Вот ответ Н. Данилевского на вопрос, почему же Европа враждебна России: «Дело в том, что Европа не признаёт нас своими, она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое».

Мы стоим за формирование целостного мира, мы будем участвовать, несмотря ни на что, в его строительстве. Россия и Европа в нашей внешней политике – один из центральных трендов. Оптимистический взгляд в будущее выступает основой нашей политики, мы стоим за формирование целостного мира, мы будем участвовать, несмотря ни на что, в его строительстве. Инструментарий, связанный с самоизоляцией, враждебностью и конфронтацией – на свалку истории. Шашки и ружья – на стенку. Мы берём на вооружение инструментарий из области soft power - это наш интеллект, наши культурные традиции, инновации. И с этим инструментарием совместно с наиболее развитыми передовыми государствами будем строить нашу цивилизацию, реализуя при этом свою культуру, свои ценности и своё видение будущего. Такая вырисовывается позиция. Этому предшествует серьёзная работа со стороны России.

Напомню, что с момента распада СССР, с 1991 года было принято три концепции внешней политики. Это характеризует тенденцию поиска определённого пути развития, собственной идентификации в новых геополитических условиях. Почему перестройки в Китае и СССР закончились с разными результатами? В Китае политика последние пять тысяч лет базируется на родной идеологии – позиции Конфуцианства. У нас – за эти два десятилетия сменилось три концепции. Но речь о другом. Вторая концепция, принятая в 2000 году, была посвящена реализации таких принципов во взаимоотношениях с Европой, которые бы отражали равенство, добрососедство и взаимовыгодное партнёрство. Все внешнеполитические усилия России были направлены на это. Мы вошли в международные организации, активно работали, и к 2007 году стало ясно, что результаты усилий на этом направлении невелики. Эффекта мало. Как раз администрация Буша-младшего обеспечивала торжественное продвижение по планете «либерально-демократических ценностей», меняла политические режимы, бомбила

Балканы, другие государства, занималась гипертрофированным применением силы в реализации своей глобальной стратегии. Естественно, что Россия с протянутой рукой и с предложением принципов равного партнёрства Западу, так и осталась с протянутой рукой. Эскалация неприемлемых принципов Запада достигла к этому времени апогея, и стало ясным, что добиться от Западного «рукопожатия», становится делом бесперспективным.

И тогда в 2007 году последовала речь Владимира Путина в Мюнхене, который заявил Вашингтону, что нельзя путать чикагское право с международным, существуют определённые принципы международного права, которые необходимо соблюдать в реализации своих политических стратегий и целей. И Запад в целом должен сделать соответствующие выводы. Если помните, В.Путин говорил, что мы за нравственность в политике: «Мы за силу права, но не за право силы». А именно противоположный принцип лежал в основе американских практических действий на международной арене. И вот тогда, когда стало ясно, что наш главный принцип не реализован, тогда в 2008 году была принята третья концепция, поддержанная Дмитрием Медведевым, которая предусматривает нашу внешнеполитическую работу в условиях, когда Запад не идёт на принцип равного партнёрства с Россией. Этому моменту посвящена третья концепция. Здесь в этой концепции мы объявили о самостоятельном курсе внешней политике, Россия проводит самостоятельный курс. Мы объявили самостоятельный курс внешней политики.

Базовыми принципами этой политики являются признание многополярности, многоукладности культуры, полифония культурной традиции и ооно-центризма, а не американоцентризма в мировом порядке. Мы продолжаем эту работу, с переменным успехом, перспективы оцениваем оптимистически и исходим из того, что политическая повестка дня должна быть сформирована объедини-

тельная, конструктивная и позитивная. Сегодня политическая повестка формируется в основном Западом, Россия к её составлению должного доступа пока не имеет, но работа в этом направлении проводится. Мы хотим в этом участвовать, стремимся к этому. Со стороны России проводится активная политика в направлении построения мира, который бы признавал право всех культур, народов и государств свободно развиваться. И Россия в этой работе выполняет свою миссию и несёт свою культурную традицию в общую сокровищницу мировой культуры.

Общая картина ситуации в мире изменилась, надпись на здании ООН в Нью-Йорке мало соответствует реалиям – это организация свободных и суверенных наций. Эпоха национальных государств сменилась эпохой глобализации, и вместо ооно-центричной де-факто системы построено глобальное государство капитала де-факто. Происходит абсолютизация капитала. Финальная мизансцена развития цивилизации монитаристского типа, фиксация того, что глобальный капитал выполнил свою историческую миссию за 2000 лет, он построил планетарную цивилизацию. Выступал главным стимулято-

ром этого процесса и фактически на этой стадии глобализации превратился в паразитирующую силу, которая в негативном смысле влияет на перспективу цивилизационного развития.

Сейчас центр понимания общественного прогресса переносится из международного сообщества на схему – вся планетарная цивилизация, с одной стороны, и биосфера – с другой стороны. Проблема биосферы становится фокусной. Проблема Чёрного моря в контексте биосферы является каплей в море. Деградация биосферы оказывает влияние на физику Земли: изменение атмосферного давления, состояние воздуха, загрязнённость.

Представители трёх государств – России, Украины и Белоруссии – продемонстрировали на конференции такое общение, которое иногда отодвигает рационализм реалий, и на первый план выходит душевно-сентиментальное восприятие окружающего мира и друг друга. Значит, мы всё-таки остались самими собой. И это главный факт, который подтвердила наша конференция. Я с этим всех поздравляю и считаю, что встречи в тройственном формате нужны и необходимы.

Редакция журнала "Международная жизнь"
 Главный редактор **Армен Оганесян**
 Руководитель электронного издания: **Валентина Злобина**
 Редакторы: **Елена Шашкина, Ольга Иванова,**
Елена Студнева, Элана Толлю
 Дизайн: **Максим Ковшенков**

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
 электронный адрес: journal@interaffairs.ru
 Адрес: 105064, Москва,
 Гороховский переулок, 14
 Телефон: +7 (499) 265-37-81
 Факс: +7 (499) 265-37-71